

593

1935
—ПЕТЕРБУРГЪ, КАБИНЕТСКАЯ, Д. № 18.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГАЗЕТЫ
ШКОЛА И ЖИЗНЬ

L'ÉCOLE et LA VIE
Schule und Leben - School and Life

Стэнли Ходль.

**ЭВОЛЮЦІЯ И ВОСПІТАНІЕ
ЧУВСТВА ПРИРОДЫ
У ДѢТЕЙ.**

Переводъ съ англійскаго.

Подъ ред. Л. Г. Оршанскаго.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГАЗЕТЫ

ШКОЛА И ЖИЗНЬ

L'ÉCOLE ET LA VIE

Schule und Leben - School & Life

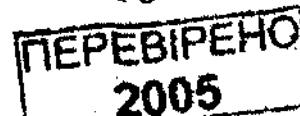
Входная №

Стэнди Хопль.

ЭВОЛЮЦІЯ И ВОСПИТАНІЕ ЧУВСТВА ПРИРОДЫ У ДѢТЕЙ.

Переводъ съ англійскаго.

Подъ ред. Л. Г. Оршанскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1914

Паровая Типография Л. В. ГУТМАНА, Свѣчной пер., дѣмъ № 23

ЭВОЛЮЦІЯ И ВОСПИТАНІЕ ЧУВСТВА ПРИРОДЫ У ДѢТЕЙ.

Природа, какъ новыи міръ, открывающійся юношеству, и любовь къ природѣ, какъ основа искусства, литературы, религіи и науки — Періодъ символизма, аллегорій—Античнаа философія природы, отношеніе къ вей римлянъ—Періоды условности—Опасности преждевременного изученія номенклатуры и математики—Изученіе строенія безъ функциі—Юность—гуманистичекій стадій науки—Логическій и генетическій порядокъ—Новая эпоха возрожденія свободного воспитанія на почвѣ изученія природы—Нынѣшнее устравненіе цѣннаго заключительного стадія психического развитія—Географія, какъ врагъ науки—Методъ определенія генетического порядка—До сихъ поръ установлены лашь немногіе основные принципы—Цѣнность полезности и прикладныхъ наук—Положеніе физики въ высшей школѣ, какъ иллюстрація генетическихъ законовъ—Какъ освободить ее отъ настоящаго упадка—Стадій естественныхъ религій и ихъ настоящес практическое значеніе—Перемѣны въ чувствахъ, переживаемыя юностью по отношенію къ 1) безконечному пространству и времени, 2) звѣздамъ, 3) солнцу, свѣту и темнотѣ, 4) лунѣ, 5) облакамъ, 6) вѣтру и воздуху, 7) жару и холоду, 8) морю и водѣ, 9) скаламъ и камнямъ, 10) цвѣтамъ, 11) деревьямъ, 12) животнымъ.—Отношеніе во всѣхъ этихъ областяхъ между наукой и поэзіей, мистериемъ и религіей, воспитательное использование ихъ и психогенетические выводы.

Изъ всѣхъ перемѣнъ, нормально свойственныхъ юности, разнообразнѣе и быть можетъ типичноѣ всего психическая трансформація, которая совершаются въ этомъ возрастѣ по отношенію къ природѣ во всѣхъ ея различнѣхъ проявленіяхъ. До этого возраста все изучалось ребенкомъ наивно, воспринималось прагматически и одухотворялось, потому что жизнь и въ особенности ея чувствующія, мыслящія формы лучше всего изучены и наиболѣе интересны и являются, такимъ образомъ, нормами для апперцепціи всего, что принадлежитъ миру. Область закона ограничена и сувѣріе процветаетъ. Но когда занимается юношеская заря, когда съ восходомъ солнца разумъ устремляется весенниe потоки болѣе зрѣлой умственной жизни, тогда привычный міръ начинаетъ казаться какимъ то необычнымъ, новымъ. То, чѣмъ кажутся вещи, еще не все, что онѣ есть; что то скрывается за ними, и человѣкъ старается понять новое значение того, что онѣ открываютъ. Мнѣ думается, что въ этомъ стадіѣ умственной зари зародилось слово патага—«нарождающееся». Мы знали ея виѣщнюю физиономію, но теперь мы желаемъ знать самую душу великой, всеобщей матери. Каждая вещь полна интереса, полна ожиданій, и кажется намъ, какъ-будто всѣ предметы сами взываютъ о какомъ-то высшемъ объясненіи. Видимыя явленія, это—покрываю, за которымъ таится великая загадка, точно запавѣсь, который надо приподнять. Юность чувствуетъ, что она вра-

щается въ персонализированномъ мірѣ. Быть можетъ, проблема великаго Начала придавить многое свою тяжестью, какъ кошмаръ. Неужели счастье никогда не откроетъ своихъ усть и не расскажетъ намъ о загадкѣ бытія? Или, быть можетъ, онъ раздавитъ насъ, не считаясь съ тѣмъ, что мы страдаемъ и умираемъ. Это—возрастъ плодотворности, возрастъ творчества, и здоровый бодрый духъ не желаетъ быть побѣженъ, не желаетъ пасть; онъ стремится найти или самъ дать отвѣтъ.—хотя бы это было только эхо его собственныхъ вопросовъ.

Новая жизнь впервые зародилась въ сердцѣ, она болѣе или менѣе безсознательна, и среди ея первыхъ самонаправленныхъ твореній находятся метафоры, которые могутъ блекнуть и повторно возрождаться, такъ что и самая рѣчь становится окаменѣлой поэзіей. Аллегорія придаетъ вещамъ двойной смыслъ; теперь впервые становится возможнымъ символизмъ, и расширяющійся кругъ предметовъ и событий приобрѣтаетъ новый смыслъ. Свѣтъ, облака, волна, источникъ, лавръ, плющъ, пальма, знамя и массы другихъ предметовъ являются уже не простыми предметами чувственного восприятія: это—новые слова въ словарѣ психическихъ состояній и моральныхъ качествъ. Если сохраняются мысли, то имъ придается новое толкованіе, они преобразуются и облагораживаются въ высшемъ смыслѣ. Проза теперь часто обращается въ поэзію. Въ этомъ направленіи старое, скрытое теперь открываетъ намъ новые міры. Душа питается часто путями, которые кажутся намъ мистическими, подобно тому, какъ многие виды рыбъ существуютъ невидимой пищей. Каждое явленіе и каждый предметъ въ природѣ были, вѣроятно, гдѣ либо и у какой либо расы предметомъ вышаго поклоненія. Слѣды этого древняго идолопоклонства обнаруживаются теперь въ видѣ чувственного осадка въ глубинѣ души и подобно илу морского дна, это не простые неорганические остатки, но отложения угасшихъ формъ жизни. Но въ душѣ (здесь аналогія съ моремъ уже неумѣстна) это не простые остатки, а протоплазматические зачатки, которые, заключая въ себѣ скрытую энергию, служатъ источникомъ широкой и болѣе полной жизни для современной юности. Любовь и энтузіазмъ въ природѣ, если они вообще должны появиться, то появляются именно теперь. Это—эпоха, хотя и медленно, но вѣрно наступающаго откровенія. Оно развивается въ силу самого роста и не зависитъ отъ разрѣщенія специфическихъ проблемъ. Все это мы въ изобиліи иллюстрируемъ фактами.

Міръ никогда еще, вѣроятно, не пытался выяснить себѣ, въ какой мѣрѣ любовь въ природѣ является основаніемъ, обусловливающимъ все лучшее, что имѣется въ душѣ юности. Біографіи показываютъ память, что почти всѣ великие творцы физической науки—которая является вѣнцомъ всего, что создалъ человѣкъ—первоначально были страстными любителями природы, каждый въ своей области, и что эта любовь и послужила для нихъ первоначальнымъ толчкомъ. Художникъ прежде всего долженъ видѣть сердцемъ. Рѣскинъ не перестаетъ въ своихъ лекціяхъ твердить объ этомъ. Громадное сочиненіе Вашона о состояніи искусства въ различныхъ странахъ Европы по существу сходится съ анонимнымъ авторомъ сочиненія «Рембрандтъ, какъ воспита-

тель иль двухъ выводахъ: во первыхъ, что лучшіе художники тѣ, которые съ наибольшей полнотой сохраняются до зрелага и даже до преклоннаго возраста чувства и мысли своей юности въ ея весну; и во вторыхъ, что тѣхъ, кто достигали величайшихъ реальныхъ успѣховъ, вдохновляла именно та обстановка, которая окружала ихъ въ самую воспіимчивую пору юности; они сумѣли наиболѣе выразительнымъ и яркимъ образомъ и съ наибольшей полнотою, въспроизвести эти отвѣты юности на вопросы природы. То же самое можно сказать о первоначальной исторіи всякой литературы, которая развивалась изъ мѣстныхъ источниковъ, потому что первыми памятниками ся были олицетворенные предметы или силы природы. Точно также и религія имѣть своимъ источникомъ природу и въ значительной мѣрѣ она расцвѣтаетъ и увядаетъ параллельно съ любовью или съ индиферентизмомъ къ природѣ. Максъ Мюллеръ насчитываетъ около трехъ тысячъ арийскихъ божествъ природы. После обильнаго, политепистического обожествленія природы, возникъ монотезмъ, который питалъ идею всепокрывающаго небеснаго свода, давшаго намъ вселенную; пантезмъ есть только кульминаціонная точка религіи природы. И въ немъ нѣть уже той музы, нѣть уже того вдохновенія. Нашъ мозгъ, какъ бы рупоръ природы, который она создала и въ которомъ она сама отражается въ видѣ сознанія, хотя онъ можетъ только толковать ее,—нашъ мозгъ разсказываетъ намъ только кое что о ней и сама она, въ свою очередь, открываетъ намъ только часть абсолютнаго бытія. Но позади этого должно еще оставаться что-то загадочное и чудесное, какая-то тайна, которая требуетъ для своего объясненія миѳическихъ гипотезъ, предположеній и онускаетъ порою завѣсу до полнаго незнанія. Юности мы должны предложить вопросъ — съ такой же торжественностью, какъ ставится вопросъ съ кафедры «любите ли вы Бога?»—дѣйствительно ли вы любите природу или же вы остаетесь посторонними и чуждыми ея великому сердцу? Испытайте и убѣдитесь, что она есть высшая чистота, истина, благородство. Отъ нея наслѣдуемъ несравненно больше, чѣмъ когда либо кому либо снилось: къ ея мудрости, къ ней возвращается все, что въ нась есть смертнаго. Въ горѣ и въ бѣдѣ, когда падаетъ инициатива и парализованы всѣ усилия, мы въ изнеможеніи бросаемся въ ея объятія. И когда вѣра и философія изсягаютъ, мы знаемъ, что «если наша ладья погрузится, то въ ея широкое море». Всѧ она есть законъ, а не хаосъ; жизнь процвѣтаетъ всюду, гдѣ она только возможна. И вездѣ замѣчается въ природѣ добрая воля, потому что выживаетъ лучшее, а не худшее. Юность же въ извѣстномъ смыслѣ представляеть лучшій и наиболѣе совершенный цвѣтокъ природы, который болѣе достоинъ, чѣмъ что либо другое на землѣ, любви, уваженія и преданнаго служенія²⁾.

Целлеръ находитъ зародыши древне-римской религії въ латинско-сабинскомъ поклоненіи певидимымъ духамъ въ природѣ: уеди-

²⁾ См. M. A. Hoyt.: Любовь къ природѣ; или Путь преподаванія и наученія наукъ; Ped. Sem., vol iii. pp. 61—86. Biene. Entwicklung des Naturgottes bei den Griechen und Römern, Kiel, 1882. 210. im Mittelalter u. in der Neuzeit, 1888, p. 460; А также P. Lefebvre, La Religion, Paris, 1892.

иепю и мраку лѣса, журчанію ручейковъ, треску и вспыхиванію огняковъ, небеснымъ явленіямъ и временемъ года. Въ нихъ олицетворяются три категоріи силъ природы—небесныя, земныя и подземныя,—которыя поэтически воинствали въ видѣ божествъ, вместо того, чтобы научно толковать ихъ. Переходъ отъ этихъ концепцій къ болѣе зрѣлой этической религіи нигдѣ не можетъ быть изученъ съ такою полнотой, какъ у римлянъ, самой сущѣрпой изъ всѣхъ цивилизованныхъ расъ. Основная отличительная черта ихъ заключается въ томъ, что они писали благоговѣйный страхъ передъ неизвѣстными силами и чувствовали себя подчиненными сверхъестественнымъ вліяніямъ.

Германская идеалистическая философія природы въ лицѣ Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля была проникнута этимъ древнимъ духомъ божественности природы и оплодотворяющей силы, близости къ первоисточникамъ, многосторонности, жизненности и безконечной эластичности.

Всѣ эти ученія были проникнуты старымъ чувствомъ, что природа есть тѣло Бога и Онъ—ея душа, что все это вмѣстѣ составляетъ одинъ великий апокалипсисъ. Отъ весеннаго лѣса исходили мощные импульсы, общеніе съ атмосферой, которая «проникаетъ всякою жизнью и распространяется по всей вселенной». Существовала глубокая вѣра, что душа черпаетъ мудрость путемъ интуиціи и красоту путемъ молчанивой симпатіи. Учитель какой бы то ни было науки, который чувствуетъ это, всегда возбудить энтузіазмъ, а тотъ, у кого неѣтъ этого чувства, скользить лишь по поверхности и не способенъ проникнуть въ глубину души своихъ учениковъ.

Тотъ, кто игнорируетъ чувства, лежащія въ основѣ его предмета, какъ бы ученье онъ ни былъ, какимъ бы педагогическимъ талантамъ онъ ни былъ одаренъ, отнимаетъ у души гораздо больше, чѣмъ онъ ей даетъ.

Только тѣ, кто изучалъ исторію поэзіи въ этомъ направлении, въ состояніи понять, какъ далека бываетъ она иногда отъ природы въ теченіе цѣлыхъ періодовъ своего развитія, какъ фальшиво отношеніе ея къ предметамъ природы, какой шутовской характеръ принимаетъ ея слогъ, какъ неточны ея описанія, какъ скучно реальными предметами знанія ея содержаніе благодаря смѣшанному вліянію городской жизни и полезности. Многіе изъ англійскихъ поэтовъ, вообще достойные уваженія, въ періоды, предшествовавшія Уордсворту, обнаруживали лишь слабое цвѣтное чувство. Они описывали такъ, что точно все наверху бываетъ только голубымъ, а внизу зеленымъ. Океанъ они представляли не иначе, какъ обширнымъ, страшнымъ, пустыннымъ, и онъ ждалъ еще своего Тёрнера, Байрона, Шелли. Если шла рѣчь о вещахъ, доступныхъ обозрѣнію, то поэзія находила для нихъ только два выражения: благоуханіе и запахъ: птицы были всегда «пернатый хоръ». Соловей и, быть можетъ, вукушка, жаворонокъ, воронъ, орелъ, павлинъ—всѣ птицы въ арсеналѣ поэта. Ручеекъ всегда только журчалъ и извивался и больше ничего. Иной разъ говорили о ночи, по поводу луны и, быть можетъ, по поводу звѣздъ. Цвѣточный медъ,

шогда старый или крѣпкій дубъ, шумящій тополь и еще, быть можетъ, исколѣко деревьевъ,—и этого было совершилъ достаточно, чтобы изобразить слабый отзуку старинной пасторальной идеаліи, столь-же условный, какъ китайское искусство. Нужно было сдѣлать важный и очень трудный шагъ, для того, чтобы сломить эти поэтические каноны или неписаныя традиціи и дѣйствительно вырваться на свободу; путешествовать, рисовать, проповѣдывать и писать фанцію. И это было сдѣлано съ искреннею, хотя и блѣдною радостью, точно такъ же, какъ выздоравливающій приходитъ въ восторгъ при первомъ проблескѣ весны.

Современное преподаваніе науки отмѣчено печатью такой же отчужденности отъ природы. Это замѣчается въ трехъ направлениыхъ: 1. Техническая номенклатура, которая снабжаетъ классическими названіями предметы, отождествляется часто съ началомъ науки. Она вноситъ порядокъ и создаетъ возможную классификацію. Она такъ обильна, что наполняетъ цѣлые словари и до такой степени исчерпываетъ древніе языки, что для того, чтобы изучить одинъ только отдѣль ботаники и зоологии, потребовалось бы запоминаніе десятковъ тысячъ греческихъ и латинскихъ словъ. Это значительно превышаетъ то количество, какимъ располагаетъ средній абитуріентъ, что часто приводится въ качествѣ аргумента въ пользу изученія классическихъ языковъ. Это какъ бы азбука нѣкоторыхъ наукъ и поэтому она часто представляется главную трудность вступленія въ изученіе наукъ. Юноша, который желаетъ изучать природу долженъ сперва пройти стадій ученика въ мастерской древней философіи и этимологіи. 2. Математика представляетъ языкъ другой серіи наукъ, которая считаются полными и законченными постольку, поскольку истины ихъ могутъ быть выражены въ цифрахъ и уравненіяхъ. Таблицы постоянныхъ величинъ и формулы вычислениія, которая показываютъ, что самъ Богъ занимается геометріей, такъ всѣхъ увлекали, что математические методы часто преждевременно прилагались, къ областямъ, еще не созревшимъ для подобного отношенія. Не только исторія науки, но и умозрительная мысль изобилуетъ подобными обломками преждевременныхъ пошаготъ. Люди забыли слова Аристотеля, что это не болѣе, какъ преувеличеніе, когда мы пытаемся трактовать какой либо предметъ съ большою точностью, чѣмъ это позволяетъ сама природа. Все должно быть на свое мѣсто. Знаніе математики неоцѣнимо и методологія ся чрезвычайно важна, также какъ и ея великие идеалы, которые часто давали толчекъ прогрессу. 3. Морфология—точное и сравнительное изученіе частей органовъ, точное усвоеніе, запоминаніе и рисование формъ, параллельное изученіе и сравненіе строенія высшихъ видовъ, анатомированіе даже микроскопическихъ объектовъ почти исчерпываютъ самую сущность цѣлаго ряда наукъ.

Конечно, безъ всѣхъ этихъ данныхъ, безъ этой основы, современная наука не могла бы творить своего дѣла на свѣтѣ, не могла бы

*) Трактованіе природы въ англійской поэзіи и литературѣ. М. Рейнольдс. Chicago, 1896, p. 290.

даже и существовать. Но мы не думаемъ, чтобы это все было умѣстно у дѣтей и чтобы эта примѣсь была необходима для того, чтобы приступить въ обращеніе драгоцѣнныи металль—истину; это не болѣе, какъ ржавчина, отъ которой металль только тускнѣтъ. Подобныи формулы убиваютъ въ душѣ всякой интересъ и дегуманизируютъ природу. Для мальчика эти формулы такъ же излишни, такіе же плевелы, какими являются его миѳо-поэтическія чувствованія въ отношеніи природы для какого нибудь мастероваго. Ученіе гораздо менѣе понимаетъ, гораздо дальше стоять отъ какого нибудь специалиста-профессора, чѣмъ отъ Keats'a, которому онъ вполнѣ симпатизируетъ, когда тотъ произноситъ тостъ за погибель Ньютона, — который лишилъ обаянія радугу, сведя ее въ простому вліянію призмъ. Юноша сочувствуетъ Уитману, когда послѣдній въ своей поэмѣ разсказываетъ, какъ онъ слушалъ лекцію ученаго астронома, пока могъ, и такъ усталъ отъ обилия идей и техническихъ подробностей, что стремительно выскочилъ оттуда и искалъ покоя и отдыха и только тогда принялъ въ себя, когда онъ, лежа на травѣ, стала смотрѣть вверхъ на луну и на неподвижныи, покрытыи звѣздами небеса. Гумбольдтъ думалъ, что любовь къ ландшафтамъ и къ рисованію ихъ находится въ тѣсной связи съ любовью къ географіи и естественнымъ наукамъ. Собранныя нами данины также показываютъ, какое живое соревнованіе часто существуетъ въ этомъ періодѣ жизни между наукой и чувствомъ. Приходишь къ убѣждѣнію, что, повидимому, любовь оставаться наединѣ съ природою есть первый признакъ и мѣрило умственныхъ способностей и говорить объ умѣ, который способенъ сосредоточиться, выработать любовь къ природѣ. Эта любовь является впослѣдствіи лучшимъ базисомъ для любви къ наукѣ, если только педагогъ сумѣеть развить ее, а не вызвать отчужденіе и разочарованіе. Сучковатые и тяжелые корни техническихъ навыковъ, если только они не дѣйствуютъ подбадривающимъ образомъ на подобіе хлыста, способны превратить любителя природы, познающаго въ ея присутствіи сущность жизни, въ индиферентнаго зрителя и привести къ тому, что ребенокъ будетъ себя чувствовать среди природы не дома, а въ гостяхъ. Духъ ботаники—тамъ, где растутъ цветы, духъ геологіи—въ полѣ, а не въ минералогическомъ кабинетѣ съ его петрографіей, а духъ астрономіи можно найти только среди ночной типичы.

Такимъ образомъ, основная моя мысль та, что въ ранней юности не только девочки, но и мальчики нормально приходятъ ко всякой отрасли науки тѣмъ же самымъ путемъ, какой проходила человѣческая раса въ донаучную эпоху. Необходима по этому—гуманистическая пропедевтика, потому что сама юность переживаетъ гуманистический стадій. Природа есть чувство прежде, чѣмъ она становится идеей, формулой или полезностью. Главная изъ многихъ причинъ, почему всѣ вѣтки науки такъ разочаровываются изучающихъ ихъ въ средней и высшей школахъ, это та, что точный, логическій, техническій путь по которому слѣдуетъ преподаваніе ихъ, насильственно парушаетъ основной законъ физического роста, игнорируетъ глубокіе источники естественнаго интереса и пытается произвести насиліе надъ инстинктами юноши, которые гораздо мудрѣе, ближе къ истинѣ и

старые, чьи сознание. Но, къ счастью, эти инстинкты возмущаются противъ такого направления. Статистика прогрессивного упадка науки въ школѣ показываетъ, насколько могущественны законы психического развитія, которые хотя слишкомъ нѣжны для того, чтобы наука уловила ихъ, но не могутъ быть побѣждены ею, несмотря на всѣ ея старанія. Логический порядокъ воспитанія старается разрушить генетической порядокъ. То небольшое расширение знаній, которое этимъ путемъ приобрѣтается, никакимъ образомъ не является компенсаціей за разрушеніе и опустошеніе, производимыя въ чувствованіяхъ къ природѣ, и къ Богу природы, которая составляютъ самое лучшее въ наилучшемъ возрастѣ души. Тѣ, кто подобно автору этой книги, желали бы видѣть науки стоящими на подобающей имъ высотѣ, съ величайшей грустью относятся къ тому необычайному рвению, съ которымъ ведется современное преподаваніе.

Драгоценные заключительные стадіи роста игнорируются и выключаются. Исторія человѣчества и природа юности требуютъ, чтобы наука первоначально преподавалась въ широкихъ, всесообщающихъ общихъ рамкахъ, не безъ яснаго религіознаго оттѣнка, чтобы при этомъ возстановлялся бы полуэтатемненный, но широкій путь, которымъ человѣкъ шелъ отъ природы къ Богу природы. Должно существовать введеніе въ науку, которое касалось бы лишь слегка, но зато всѣхъ великихъ гипотезъ, коренныхъ вопросовъ и широкихъ сиязевъ. Путь этотъ неизвѣстенъ современному специалисту: онъ долженъ быть объединяющей и синтетической, по никакъ не аналитической; онъ долженъ охватывать, сравнивать всѣ великие народные миѳы и сказанія, долженъ носить поэтический, исторический и ориентирующей характеръ. Только тогда мы поставимъ на должную высоту главный цѣль воспитанія, гуманистическую и либеральную, нынѣ такъ часто умаляемую и игнорируемую, въ которая нѣкогда были включены литература и филология. Такимъ образомъ, юности и природѣ, которая предназначены другъ для друга, мы откроемъ эпоху нового возрожденія. Въ этомъ существуетъ крайняя нужда, потому что даже литература и изящесъ быстро утрачиваютъ свой прежній гуманистический характеръ. Такое направление было бы союзникомъ, а не паразитомъ науки. Оно частолико же отличалось бы отъ нашихъ толстыхъ географій, какъ живая змѣя, этотъ символъ мудрости, отличается отъ сосиски, сходной съ нею по формѣ. Этотъ предметъ въ тонерешней формѣ его преподаванія является однимъ изъ главныхъ препятствій вступленія на правильный путь изученія космоса. Материалы его разрознены или же соединяются по принципу простого соприосновенія въ пространствѣ. Это направлѣніе ничего не игнорируетъ, кроме своей собственной исторіи. Подобно тому, какъ нынѣшняя Турція представляетъ пройденный стадіи развитія, нѣкогда угрожавшій всему Западу, но теперь превращающійся «больнымъ человѣкомъ» въ Европѣ,—такъ и школь-

географія представляеть какой то безформенный остатокъ старой педагогіи, отъ которой откололось столько наукъ. Это любимое дѣтище отсталой учебниковой и предметъ отвращенія педагоговъ, часто предъявляющее всѣ недостатки, выдвигаемые противъ популярной науки, по-

безъ главнаго достоинства ся, именно того, что она вышла изъ подъ компетентнаго пера. Новое направлениe должно охватывать всю вселенную отъ звѣздъ до геологии, политики, исторіи, антропологіи, промышленности, горнозаводства, торговли, — все это области чуждыя нынѣ географическимъ обществамъ*).

Наше знакомство съ истиннымъ, генетическимъ порядкомъ пока еще весьма несовершенно; но теперь мы, по крайней мѣрѣ, видимъ впереди тотъ методъ, при помощи которого онъ можетъ развиваться. Это, во-первыхъ изученіе дѣтей въ большомъ числѣ; во-вторыхъ, возсданіе, на основаніи достовѣрныхъ источниковъ, сложной картины развитія расы на аналогичныхъ основаніяхъ. Эти процессы должны быть независимы другъ отъ друга и только за этимъ слѣдуетъ, въ третьихъ, задача сравненія, причемъ каждымъ источникомъ мы пользуемся какъ ключемъ къ другому; и тогда получится гораздо болѣе полная картина развитія, чѣмъ дасть намъ каждый источникъ въ отдельности. Филетическая серіи даютъ болѣе полную картину, чѣмъ дѣтскія серіи: первыя это — цветки, тогда какъ вторыя — только почки. Большинство развернувшихся продуктовъ первой серіи не трудно будетъ затѣмъ отожествить съ зачатками вторыхъ серій. Въ четвертыхъ, исслѣ этого мы должны будемъ решить, какія черты дѣтской серіи должны быть предоставлены прогрессивной атрофіи, нынѣ совершающейся, а какіе наоборотъ должны быть побуждаемы къ болѣе полному развитію, самостоятельному или путемъ возбужденія необходимаго интереса для завершенія высшаго стадія въ жизни. При этомъ мы убѣдимся, что многіе изъ лучшихъ побужденій нашей природы настолько подавляются, что юность парализуется во многихъ своихъ наиболѣе цѣнныхъ побужденіяхъ и силахъ, благодаря вреднымъ условіямъ современной жизни: соціальнымъ, промышленнымъ, педагогическимъ и религіознымъ. Тогда мы поймемъ страданія и трагедію надломленныхъ спирій: взрослый часто представляетъ лишь часть того, чѣмъ онъ могъ бы быть, если бы осуществились неподозрѣваемыя возможности юности во всей ихъ полнотѣ. Вместо того, чтобы вступить въ полную богатую жизнь расы, которую мы унаследовали и которая составляетъ единственный смыслъ старого великаго идеала гуманистического и дѣйствительно либерального воспитанія, вместо того, чтобы наивозможнѣо дальше пребывать въ раю испадшаго человѣка, для того, чтобы индивидуумъ могъ возможно болѣе расширять свой кругозоръ до предѣловъ своего вида, мы видимъ настоящее бѣшенство въ погонѣ за преждевременною зрѣлостью, стремленіе какъ можно раньше возложить на юность всѣ обузы, всю вѣщность, непокорность и огрубѣлость взрослаго человѣка. Если мы совершаємъ грѣхъ противъ Святого Духа, то именно онъ заключается въ развѣчиваніи нашей собственной юности и юности другихъ. За симъ слѣдуетъ загадка: нужно ли добиваться въ каждомъ индивидуумѣ развитія всѣхъ тѣхъ обильныхъ почекъ таланта и гenія, которыя въ насъ заложены? На-

*.) См. мою ст. „Любовь и изученіе природы“. The Agriculture of Mass., 1898, pp. 134—158.

конецъ, послѣдняя наша задача будетъ заключаться въ томъ, чтобы определить, какая пища, какимъ образомъ и въ какой формѣ необходима для того, чтобы наивѣрнѣйшимъ образомъ достигнуть намѣченныхъ нами цѣлей. Здѣсь окажутся неоцѣленными многіе этапы культуры, которые уже давно отброшены зреющей наукой. Сама наука развивалась, перерабатывая во все болѣе и болѣе уточненные формы старые мысли природы. И если слѣдователь настоящей педагогикѣ, то и юность должна до извѣстной степени повторять тотъ же процессъ.

Велика работа, которую остается еще сдѣлать въ этой области, но тѣмъ не менѣе некоторые основные принципы могутъ уже теперь быть намѣчены въ грубыхъ чертахъ. Говоря вообще, ребенокъ реагируетъ на влиянія природы либо непосредственно своими чувствами, или выражаетъ это грубо практическимъ въ своихъ занятіяхъ и играхъ.

1. Юность отмѣчена повышениемъ первыхъ сантиментальныхъ реакцій, лучшимъ первоначальнымъ выраженіемъ которыхъ являются миѳъ, поэзія или естественная религія. Стремленіе къ этому, любовь къ подобнымъ интерпретаціямъ должны быть разумно и систематически поощряемы. Эти скрытые возможности, какъ въ смыслѣ генетического введенія, такъ и позднѣе, какъ основа научнаго интереса, велики, но вмѣстѣ съ тѣмъ далеко не реализованы, не использованы. Собрать весь этотъ цѣнныи литературный материалъ можетъ и должна всякая великай наука, въ которой существуетъ литература. Если это не дѣлается, то лишь въ ущербъ наукѣ и къ несчастию юности. Это тѣмъ болѣе печально, что грубый миѳологический материалъ, ожидающій синтеза и современного литературного выраженія, доступенъ въ области каждой руководящей вѣтви науки.

2. Слѣдующее мѣсто въ генетическомъ порядкѣ принадлежитъ популяризациіи науки, которая достигла большого развитія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но еще обладаетъ крупными дефектами въ другихъ. Быть можетъ, наступитъ день, когда всякий выдающейся изслѣдователь пойметъ, что новое открытие, помимо его техническаго значенія обязываетъ къ точному и ясному популярному изложенію въ интересахъ юности. Что касается качества, количества и группировки этого материала, то мудрый преподаватель всякой отрасли обратить на это глубокое вниманіе. Здѣсь необходимо использовать всякое соприкосновеніе науки съ повседневною жизнью ученика, дома или въ школѣ, во время игръ или отдыха, въ одежду и образѣ жизни, и здѣсь сказывается необходимость во многихъ аппаратахъ, моделяхъ, диаграммахъ, коллекціяхъ и всякихъ вообще вспомогательныхъ средствахъ, которыи глазъ или рука могутъ предоставить уму. Научное знаніе или преподаваніе безъ этихъ средствъ не болѣе, какъ бездушное тѣло. Герои и историческая эпохи во всякой отрасли также представляютъ необходимое дополненіе къ этому въ столь значительной степени гуманистическому періоду.

3. За симъ, но не раньше, слѣдуетъ изученіе полезныхъ вещей, ознакомленіе съ машинами, гигиеной, торговлей, съ процессами производства, съ значеніемъ изученія природы для добыванія хлѣба, ознакомленіе съ тѣмъ, какъ пользуются силами природы въ интересахъ

человѣка и производства цѣнностей. Въ противоположность обычной теоріи и практикѣ воспитанія, практическая, техническая сторона знаній должна предшествовать изученію чистыхъ формъ науки. Здѣсь выступаетъ на первый планъ экономическая ботаника и зоология, польза астрономіи, открытия и изобрѣтенія, машинное производство, новости инженерного искусства, опирающіяся на изслѣдованіе,—словомъ ознакомленіе съ тѣмъ, какъ человѣкъ подчинилъ себѣ природу и ея силы.

4. Послѣднее, но высшее мѣсто занимаетъ чистая наука, свободная отъ всякихъ наслажденій, миѳа, генетического стадія или полезности и разрабатываемая только ради самой себя, безъ всякихъ иныхъ мотивовъ, кромѣ любви къ истинѣ.

Изъ многихъ иллюстрацій современного невѣжества, пренебреженія къ генетическимъ принципамъ и печальныхъ результатовъ этого я остановлюсь здесь только на одномъ примѣрѣ. Изъ всѣхъ наукъ, которыхъ имѣютъ дѣло съ физическими миромъ, физика можетъ считаться въ настоящее время одною изъ главныхъ. Въ древности она представляла собою науку о природѣ, огь которой произошло многое раззвѣтвленій. Она легла въ основу, быть можетъ, самыхъ первоначальныхъ взглядовъ на миръ. Во всей истории науки глава о физикѣ есть одна изъ самыхъ внушительныхъ, ея новѣйшие успѣхи изумляютъ, ея приложения и практическіи полезныя примѣненія наиболѣе плодотворны. Перспективы ея въ будущемъ самыя широкія и образовательное значеніе неопѣнено. Она легче доступна широкимъ слоямъ въ городѣ, чѣмъ біологіческія науки, хотя дѣвочки гораздо менѣе воспріимчивы къ ней, чѣмъ мальчики въ возрастѣ около 15 лѣтъ. Педагогическая исторія физики подъ различными именами имѣтъ уже за собою около 2-хъ столѣтій. Въ качествѣ натуръ-философіи, она была почти для трехъ поколѣній главной, точнѣ говоря, единственной наукой, которая преподавалась въ среднихъ школахъ. И не взирая на все это, воспитательное значеніе физики въ настоящее время въ извѣстномъ смыслѣ находится въ периодѣ упадка. Вѣроятно, менѣе 8% всѣхъ воспитанниковъ мужскаго пола въ нашихъ высшихъ школахъ изучаютъ теперь физику. Такое возрастающее пренебреженіе или отвращеніе къ физикѣ прогрессируетъ, несмотря на самую лучшую постановку преподаванія, на высокое мѣсто, занимаемое ею въ числѣ требованій при поступлениі, на огромный талантъ съ которымъ она преподается въ высшихъ школахъ и не смотря на возрастающее число пособій; я насчиталъ свыше 40 новыхъ учебниковъ по физикѣ. Все, что могли сдѣлать знатоки знаній, власти, работающія сверху внизъ, защитники единства и обогащенія, лабораторіи и методы, все это было испробовано, но не предотвратило паденія физики въ самомъ широкомъ смыслѣ. Нынѣ, когда этотъ предметъ признается играющимъ громадную роль, въ смыслѣ типической науки, долженствующей служить введеніемъ къ другимъ наукамъ, такое состояніе особенно грустно для нового стремленія воспитывать на почвѣ науки. Оно дало поводъ защитникамъ латинскаго, англійскаго языка, математики и новыхъ языковъ возставать противъ введенія науки въ высшія школы, чѣмъ некоторые действительно и воспользовались съ большимъ успѣхомъ.

хомъ. Нужно замѣтить, что интересъ къ новымъ языкамъ значительно возрастаетъ и число учениковъ, занимающихся ими, превосходитъ своей численностью чуть ли не вдвое тѣхъ, которые занимаются физикой. Что то здѣсь не ладно. Но въ чёмъ же дѣло?

Не нужно быть специалистомъ въ области физики, а достаточно посмотретьъ на вещи здраво для того, чтобы понять, что причина проется здѣсь въ пренебреженіи и насилии надъ природою и потребностями юной души, насилии, которое совершается современными методами и способами.

1. Мальчики, въ возрастѣ около 15 лѣтъ, испытываютъ настоящую страсть къ исторіямъ великихъ людей; ознакомлѣніе съ героями физики, будучи правильно примѣнено, можетъ создать глубокій интересъ, способный на долгое время приводить ихъ вниманіе къ изученію этой науки. Здѣсь мы убеждаемся, какъ въ отношеніи механической, такъ и психической силы, что необходимо начать дѣло въ широкомъ масштабѣ для того, чтобы можно было потомъ интенсивно приложить къ одной какой нибудь точкѣ. Физика имѣть своихъ святыхъ и мучениковъ, поклонниковъ, свои драматические эпизоды и эпохи, свои периоды борьбы съ суетѣріемъ и блестящія побѣды, и правильное распределеніе всего курса, съ немногими ссылками и рассказами по избраннымъ материаламъ изъ этой области, способны сдѣлать многое. Кроме того, историческое изложеніе способно пробудить живой интересъ къ этой области, родить настоящія чувства законченности и прогресса, а ничто такъ сильно не действуетъ на юнощество, какъ живое ощущеніе чувства роста.

2. Въ учебникахъ физики, которые я просмотрѣлъ, слишкомъ налагаютъ на количество, требуютъ большой точности и много посвящаютъ вниманія точнымъ измѣреніямъ, слишкомъ останавливаются на математикѣ, при томъ слишкомъ рано. Преподаватели въ этой области имѣютъ такое представление, что математика есть единственній подходящій языкъ для физики. Темы дѣйствительно удивительно подобраны, послѣдовательность ихъ самая лучшая съ логической точки зрѣнія и они являются образцовыми въ смыслѣ сжатости и богатства сюжета, такъ что составителю и специалисту кажется почти извращеніемъ со стороны юности, которая равнодушно проходить мимо. Однако, мальчикъ этого возраста любить и чувствовать потребность скорѣе въ динамикѣ. Они, главнымъ образомъ, интересуются «ходомъ» вещей. Новѣйшая статистика относительно того, что читаютъ мальчики въ общественныхъ библиотекахъ, показываютъ, что они меныши всего интересуются книгами, специально для нихъ составленными. Обнаруживающіе способность къ физикѣ желали бы понимать, какъ работаютъ машины, паровики и особенно динамо-машины. Имъ хочется знать то, что движется. Въ Германіи фабрикуется много игрушекъ, которыхъ можно было бы назвать научными. Я вспоминаю мои школьные дни, вспоминаю о томъ, какъ восхищались мы на лекціяхъ и демонстраціяхъ какимъ нибудь очень грубо сдѣланымъ, чуть ли не домашняго производства, пояснительнымъ аппаратомъ, который некусный учитель изобрѣлъ и демонстрировалъ намъ. Эта точность, которая предполагаетъ знаніе прикладной математики, явилась гораздо позже въ исторіи физики. Даже Тиндалль, какъ и многие до него,

знали очень мало объ этомъ и никогда не пользовались этимъ въ свою очередь преподаваниемъ. Но они были увлекательными преподавателями, которые мощно заставляли работать мысль юноши, они не были заражены этимъ современнымъ бѣшенымъ стремлениемъ применять математику къ мозговымъ процессамъ мальчика, а тѣмъ болѣе прибѣгать для этого къ повторнымъ рассказамъ и даже экзаменамъ.

3. И долженъ сознаться, что самъ исповѣдую ужасную ересь, что въ этой области, какъ и въ некоторыхъ другихъ, слишкомъ большое рвение и совершенство нарушаютъ законы юношеской природы и роста. Нормальный мальчикъ на второмъ десяткѣ лѣтъ принадлежитъ къ возрасту популярной науки. Онъ нуждается въ великомъ цѣломъ, въ изобилии фактовъ, но просить поменьше формулъ. Онъ готовъ идти за тридевять земель, чтобы увидѣть какъ можно больше демонстративныхъ физическихъ опытовъ и готовъ повторить ихъ по своему самимъ несовершеннымъ и быть можетъ грубымъ образомъ, но только чтобы его не загромождали уравненіями. Онъ будетъ забрасывать васъ вопросами объ эфирѣ, атомахъ, Х—лучахъ, о сущности электричества, о различного рода моторахъ, природа влечетъ его умъ къ этимъ предельнымъ вопросамъ, въ которыхъ даже великие мастера знаютъ также мало, какъ онъ. Это—возрастъ вопросовъ, но отвѣты на эти вопросы должны быть общіе, короткие, а главное существенные. Во всемъ этомъ юный возрастъ остается вѣрнымъ великому закону, что развитіе индивидуума въ какой бы то ни было отрасли культуры стремится повторять исторію расы въ этой же области.

4. И наконецъ, быть можетъ самое важное изъ того, что наше此刻 интересуетъ это то, что ученикъ средней школы переживаетъ стадій, въ которомъ мы начинаемъ становиться утилитаристами. Возрастъ чистой науки еще не наступилъ для него, но приложения, хотя въ началѣ и нелогичныя, предшествуютъ, въ порядкѣ роста интереса, знанію законовъ, формулъ и отвлеченій. Онъ желалъ бы знать, какъ работаютъ проволочный и безпроводочный телеграфы и паровая машина, знать примѣненіе механики къ самымъ сложнымъ механизмамъ. Почти всякий ремешокъ, пряжка въ сложной упряжи, которую наука одѣваетъ на спины природы, чаруютъ его. Физика въ полѣ, на улицѣ, въ лавкѣ, въ конторѣ, великая побѣды инженерного искусства, гражданского, горнозаводского, механическаго, всякихъ изобрѣтеній въ ихъ зачаточномъ стадіѣ, воздухоплаваніе, сила, развиваемая волнами, вихри, молекулы и атомы,—всѣ эти вещи, которыхъ обращаютъ воздействиѳ человѣка на природу въ книгу чудесъ, должны быть открыты для него; въ частныхъ бесѣдахъ и шедрыхъ разыясненіяхъ мы можемъ развить его воображеніе, которое есть органъ сердца и открываетъ путь для разума. Дѣтство великихъ творцовъ физики и астрономіи, которые открыли и изобрѣли новые пути для своего собственного гenія, служитъ урокомъ, которымъ большинство преподавателей физики, какъ я опасаюсь, не сумѣли достаточно воспользоваться. Материалы ихъ бiографiй слишкомъ концентрированы и слишкомъ богаты пищей для того, чтобы юноша сразу самъ могъ ихъ ассимилировать. Мы слишкомъ склонны забывать, что въ нашей власти

только ускорить естественный путь развитія: оборвать его и нарушить мы никогда не сможемъ безъ насилий.

Вліяніе коллегій профессоровъ физики и учебниковъ въ послѣдніе десятилѣтіе или два десятилѣтія служило стимуломъ, вѣсъма цѣннымъ и смысломъ поднятія уровня. Но мнѣ кажется, что они пересолили въ своей работѣ и что настало время, когда учителя высшей школы должны доказать свою независимость и принеровиться къ этому стадію юношескаго интереса, о которомъ коллегіи профессоровъ знаеть мало. Физика въ высшей школѣ имѣть свои собственныя проблемы и представители ея должны бодро и съ рѣшимостью приступить къ этимъ проблемамъ, а главное отстаивать свою независимость отъ профессоровъ и отъ учебниковъ. Иначе нынѣшнее стремленіе къ упадку, которое больше зависить отъ вліянія экзаменовъ и учебниковъ, чѣмъ отъ преподавателей, будетъ продолжаться и научное движение, пionерами котораго они являются въ извѣстномъ смыслѣ пострадаетъ еще въ большей мѣрѣ.

Музеи игрушекъ, выставки и даже конгрессы въ Европѣ вѣсъма инструктивны въ этомъ отношеніи. Жуки, которые прыгаютъ и ползаютъ, итицы, которая лѣтаютъ, долбятъ клювомъ и поютъ, обезьяны, солдаты, лодки, куклы, воздушные шары, паровики, которые движутся, очень часто особенно въ Германіи, являются образчиками механической простоты и дешевизны и иллюстрируютъ основные принципы. Многія изъ этихъ вещей могли бы служить цѣнными вспомогательными средствами и лучшими учебниками для мальчиковъ, подобно руководствамъ Cassell'я, Baker'a Beard'a, Routledge'a, Ререг'a; волшебная книжка, подобно книгамъ Hoffmann'a и Hopkins'a, также могла бы служить вспомогательнымъ средствомъ при преподаваніи проблемъ рычага, равнотягіція, клина, блока, насоса, монокорда, свистка, иризмы, маленькихъ оптическихъ стеколь, волшебного фонаря, калейдоскопа, телографа и проч., къ которымъ нормальный мальчикъ приближается съ замираниемъ сердца, съ величайшимъ интересомъ. Стеклянная мастерская, оборудованная небольшимъ числомъ трубокъ, паяльными трубками, раздуванными мѣхомъ, инструментами и печью для накаливания, включая уже производство термометровъ, занимала бы не больше мѣста, чѣмъ швейная машина. Все это даетъ много пищи для руки и для глаза, подобно обученію на папію. Всякаго рода опыты представляютъ собой «Созамъ—откроися!» они проникаютъ въ самое сердце науки, разъясняютъ, иллюстрируютъ и некоторые изъ самыхъ глубокихъ принциповъ, начиная отъ ионовъ и электроновъ до звѣздныхъ системъ. Бумажные змѣи, которые проникаютъ въ облака и тайны влажности, температуры, скорости, давлія, иногда при помощи фотографическихъ аппаратовъ, падаютъ на почву, полную сильного и серьезнаго интереса. Тамъ, где рѣчь идетъ о собственноручной работѣ мальчика, овь весь проникается интересомъ. Раскрывается внутренний глазъ, чувство пальцевъ содѣйствуетъ развитию мозговыхъ нервовъ, и мы работаемъ здѣсь въ самой глубинѣ души, а не въ ткани ея. Въ Европѣ часто пользуются фотографіей, въ Вѣнѣ великолѣпная императорская школа, посвященная фотографическому искусству, усиленно избѣгаетъ. Въ Базельской существуетъ никола часоваго

мастерства, гдѣ обучаются вибраціямъ, синхронизаціи и проч., а въ знаменитой Школѣ книжного дѣла, гдѣ преподается все, что касается перспективного искусства, ученики попутно знакомятся со многими принципами жизни. Каждый изъ этихъ предметовъ имѣеть свою избранную и большую литературу, также какъ и уточненіе и паяльное искусство. Школьная физика страдаетъ отъ недостатка конкретности; примененія и аппелируетъ къ двигательному элементу. Еще болѣе ощущается недостатокъ интеллектуальныхъ ингредіентовъ. Но нужно думать, что разногласіе между этими двумя элементами, является хотя и странною, но, безъ сомнѣнія, временною anomalіeю.

Гуманистическая стадія и гум. направление въ наукахъ долго игнорировались. Если бы выны сохранились старыя естественный религіи, или если бы теперь было признано, что дѣтство и юность все еще нуждаются въ нихъ и живуть ими, что потребности ихъ въ этомъ отношеніи игнорируются высшими современными религіями и механизмомъ науки въ ущербъ тому и другому, то все было бы теперь совсѣмъ иначе. Для меня эти слабыя попытки, которыхъ теперь дѣлаются для того, чтобы возстановить нѣкоторая изъ нашихъ потерь, представляются новымъ призываю къ энтузіазму человѣчности, возстановленіемъ послѣ страшнаго паденія, которое совершилось такъ постепенно, что мы его даже не замѣтили. И притомъ во всѣхъ различныхъ стадіяхъ упадка. Эпоха Ренессанса возродила Европу и возстановила сравнительно новый вѣкъ и стадій въ развитіи человѣчества. Исторія стремится использовать для настоящаго уроки прошлаго. Протестантская культура старалась вернуться къ Писанию и возстановить, путемъ точнаго толкованія и критики текста, создание Иисуса и нарождающіеся стадіи новой жизни, которые пришли и преобразовали міръ черезъ Него и Его ранніхъ послѣдователей. Теперь, когда воспитаніе береть на себя руководство и совершенствованіе всѣхъ ранніхъ и позднѣйшихъ стадій развитія, оно не должно ограничивать свою задачу краткимъ періодомъ достовѣрной исторіи, но использовать для каждого нового метода самые ранніе стадіи эволюціи души. Къ счастью, теперь начинается эпоха болѣе широкаго и всеобъемлющаго гуманизма и возрожденіе, полное новыхъ, широкихъ перспективъ для будущаго расы.

Въ нижеслѣдующихъ строкахъ я могу только въ самомъ сжатомъ видѣ бросить взглядъ на нѣкоторая изъ обширныхъ областей интереса къ природѣ и буду следовать общему эволюціонному порядку, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, юность.

1. Одна изъ новыхъ особенностей психического развитія этого возраста заключается въ огромному и подчасъ внезапно проявляющемся расширѣніи интересовъ въ пространствѣ и времени. Дѣтство мало заботится о томъ, что далеко въ той или иной области, если оно не имѣть тѣснаго отношенія къ жизни его или его близкихъ. Дѣтство живетъ настоящимъ и можно сказать, что интересъ его падаетъ обратно пропорціально разстояніямъ. Это одинъ изъ наиболѣе характерныхъ законовъ дѣтскаго возраста. Съ другой стороны, юноша, нормально одаренный, какъ можно видѣть изъ собранныхъ нами данныхъ, прежде, чѣмъ онъ достигнетъ 20 лѣтъ или вскорѣ по вступлѣніи

этого возраста, обнаруживаетъ точно «неврозъ безконечности» въ отношеніи пространства и времени, что для него больше или меньше специфично, но въ началѣ часто носить, быть можетъ, автоматический и инстинктивный характеръ и потому имъ мало сознается. Это интересуетъ его и вмѣстѣ съ тѣмъ услаждаетъ и успокаиваетъ. Нѣкоторые становятся специалистами созерцанія неба и подолгу грезятъ и размышляютъ объ этомъ. Они мысленно переносятся въ міры, полные чудесъ. Небесный сводъ представляется имъ стѣною, за предѣлы которой душа, какъ они думаютъ, никогда не проникнетъ. Для нѣкоторыхъ этотъ сводъ является угрозою и напоминаетъ о Библіи и уничтоженіи. Нѣкоторымъ наоборотъ кажется, что небеса и душа составляютъ одно цѣлое. Нѣкоторыми овладѣваетъ настоящая боязнь пространства, агорафобія, при мысли о безконечности пространства; они ищутъ точку опоры въ томъ, что звѣзды міры разсѣяны подобно базисамъ на разстояніяхъ, которыхъ на самомъ дѣлѣ не такъ велики. Тѣ, которые боятся пространства, находятъ облегченіе въ томъ, что на картѣ звѣздъ отыскиваютъ открытый мѣста, черезъ которыхъ можно, стало быть, ускользнуть; или же они рады, когда слышать объ эфирѣ вмѣсто пустоты: это имъ кажется способомъ выхода или указывается возможность болѣе легкаго достиженія неба. Иные размышляютъ о томъ, дѣйствительно ли существуетъ математический центръ вселенной или центръ тяжести, и связываютъ свои мысли съ постояннымъ ощущеніемъ паденія и погруженія. Иные представляютъ себѣ вселенную въ видѣ слоевъ въ духѣ Данте или думаютъ, что отъ времени до времени появляются новые пласти. Нѣкоторымъ кажется, что пространство открывается въ безконечность скорѣе всего въ сторону одной какой нибудь точки компаса, обыкновенно къ западу или же подъ известнымъ угломъ поднятія, откуда проходитъ міръ или где Богъ продолжаетъ творить міры. Другіе думаютъ въ одномъ направлениі пока мозгъ ихъ не устанетъ, пока ихъ не отвлекутъ, и тогда мысль принимаетъ противоположное направленіе. Нѣкоторые чувствуютъ неудержимое влеченіе къ западу, востоку или югу или прямо къ небу, куда они хотѣли бы перенестись навсегда. Иные создаютъ себѣ предѣлы, которые они затѣмъ переходятъ, исходя изъ нихъ вынуждены измѣрять время и пространство одно другимъ. Нѣкоторые сожалѣютъ объ одиночности земли, солнечной системы или звѣздъ, которыхъ такъ далеки другъ отъ друга и не имѣютъ между собою общенія.

Нѣкоторые думаютъ о томъ, что пустота могла бы быть светлою или темною, что въ этомъ не было бы никакой разницы. Теченіе времени идетъ такъ до Страшнаго Суда. Нѣкоторымъ хотѣлось бы остановить часы или повернуть ихъ обратно. Иные точно «окоченѣли» и во время этихъ приступовъ глубоко вздыхаютъ и имъ кажется, что все чары и удобства жизни куда то исчезли. Что можетъ Богъ сдѣлать со всѣмъ столь пространствомъ и временемъ? Будетъ ли послѣ насть светлѣе, темнѣе, болѣе пусто, жарче или холоднѣе? Какова вселенная, имѣть она сферическую или сплющенную форму и проч.? У многихъ эти мысли тѣсно сочетаются съ идеями о будущемъ души, тогда какъ другие представляютъ ихъ себѣ болѣе отвлеченно математически. Ни въ

одномъ изъ собранныхъ нами отчего въ не упоминается о субъективности времени и пространства за исключениемъ тѣхъ лицъ, которыхъ получили специальное философское образование. *).

Это напоминаетъ намъ мотивы культа юги о поглощении въ абсолютномъ или въ универсальномъ, а также поклоненіе Варуну или Урану, символомъ которого является распространяющейся пать и вимѣнь, изъ которого развились различныя теоріи пантезизма. Здесь

*) Ф., 17. л. Триадцати лѣтъ она начала представлять себѣ вѣчность и думать о концѣ времени, пространства и міра. Она ощущала въ это время слабость, сердце бѣсѣ, становилась серьезною и задумчивою. Для такихъ случаевъ она избрала себѣ родь молитвы изъ библейскихъ стиховъ, гимновъ и проч.

М., 23. Представляетъ себѣ, что пространство вверху ограничено всюду звѣздами, что если бы свѣты отъ всѣхъ этихъ звѣздъ достигали до насъ, на какомъ бы разстояніи они ни находились, то небо казалось бы твердымъ поломъ свѣта, а звѣзды со всѣхъ сторонъ имѣли бы одинаковуютолщину. (См. Вѣчность, W. M. Bryant, pp. 36—37, изложены аналогичные грезы).

Ф., 27. Представляетъ себѣ безконечное пространство, какъ обладающее интенсивною жизнью, содрагающееся и вибрирующее отъ активности.

Міры и звѣзды суть остатки или изверженія, а души наши суть тонкие экстракты ихъ космической жизни, которая гораздо интенсивнѣе, чѣмъ ихъ жизнь. Матерія та же самая, но только ниже и низшаго качества.

М., 27. По его представлению всѣ люди томятся иной разъ при мысли о безконечности времени и пространства; онъ думаетъ что это хорошо, если это случается рано, подобно вѣтряной осѣї, когда мы еще не пропитаны Кантомъ. Пространство круглое и центръ его—земля; мысль, что мы можемъ упасть навсегда, приводить въ содраганіе его сердце.

М., 25. Когда я гляжу на небо и думаю объ этихъ несознанійностяхъ и безконечностяхъ, я чувствую себя точно микробомъ. Вѣроятно, боги и реальная существо виѣ настѣ не могли бы настѣ видѣть даже подъ микроскопомъ, если бы солнце представляло предназначенну для этого чеченницу. Если бы они могли, они бы смѣялись.

М., 24. Если пространство дѣйствительно безконечно и силою наслено звѣздами, то я не могу представить себѣ, какъ могъ бы существовать общій центръ или абсолютная тяжесть, или абсолютное движение. Да же, если всякое движение всякаго существа вызываетъ вибраціи, которыхъ на всегда пррадириуютъ во мнѣ, то дѣйствія моего дѣйствія должны бы были быть представлены теперь непрерывной вибраціи въ какой либо отдаленной точкѣ, и такимъ образомъ всякая вещь, которая когда либо слушалась, должна теперь имѣть слѣдъ въ иррадиирующихъ сферахъ; если, слѣдовательно, существуетъ общее для вселенной чувствище, то въ немъ навсегда должна быть представлена всякая вещь.

Ф., 25. Я сильно вѣрилъ въ сожиганіе труповъ; вѣ немъ кроется та мысль, что тѣло мое быстро превратится въ газъ, который разольется какъ можно шире. Поэтическая мысль о томъ, что продукты моего тѣла озарятъ солнечный закатъ хоть на мгновеніе, улыбается мнѣ. Кромѣ того, мнѣ гораздо приятнѣе чувствовать себя газомъ, паромъ, чѣмъ прахомъ и землею, какъ это обыкновенно бываетъ при погребеніи, потому что первый какъ то родственнѣе духу, точно такъ же какъ второе ближе къ матеріи.

М., 20. Когда я созерцаю небо и звѣзды до состоянія гипноза, мною овладѣваетъ, какъ я чувствую, желаніе разгадать, развѣдать, перенестись туда, черезъ всѣ эти пространства, поѣхать многія звѣзды и увидѣть предѣлы, взглянуть оттуда въ пуское беззвѣздное пространство, на подобіе фантастической экскурсіи Жюля Верна. Въ своихъ праздныхъ грезахъ о небѣ я часто измыслию себѣ планы истиннаго полета въ это межзвѣздное пространство.

иѣть оснований для того, чтобы стремиться за предѣлы времени и пространства. Духъ расплывается теперь и находитъ себѣ отдохновеніе въ туманной гипотезѣ, какъ нѣкогда сердце находило успокоеніе въ Нирванѣ. Современный мечтатель стремится превратиться въ прахъ или возвратиться къ своимъ стойкологическимъ основамъ. Какъ Джейфри думаетъ о сжиганіи трупа, такъ пантенистическая душа чувствуетъ себя столь же интенсивной, сколь экстенсивно пространство, и желала бы возвратиться въ пустоту, изъ которой она образовалась. Для тѣхъ, кто мечтаетъ погрузиться въ покой, гдѣ нѣть больше измѣнений, подобно покою безличного божества, единственный реальный нигилистический атеизмъ заключается въ отрицаніи пустоты, но безконечная пустота реальна и утверждать подавляющій положительный характеръ ея, есть высшее признаніе вѣры. Современная психологія не можетъ никакъ себѣ объяснить, почему душа юноши ищетъ охлажденія страсти, подобно тому, какъ въ Индіи до сихъ порь существуетъ непонятный культъ, заключающейся въ томъ, что сидѣть со скрещенными ногами и произносить «омъ»; или почему юношество такъ сильно тяготѣеть къ размышенію о вѣчности и стремится впасть въ то отдохновеніе, о которомъ мечталъ Экгардтъ, или откуда это стремленіе къ возвращенію къ прошлому въ смыслѣ Прокла или Плотина, въ созерцаніи того эфира, отъ которого произошли все вещи и которымъ они желаютъ быть снова поглощенными. Кажется, какъ будто пантенистическая идея, подобно другимъ религіознымъ импульсамъ, находитъ себѣ кульминационное выраженіе въ юности, въ которой течетъ лучшая кровь ея вышихъ типовъ. Эта мысль еще не формулирована правда критически и не проникла всесѣло въ сознаніе, но тѣмъ не менѣе это стремленіе къ несозданнымъ и неопределѣннымъ вещамъ къ высшему существу, выше Бога, къ достижению самаго вышаго реальнаго существа или субстанціи, какъ вершины существованій, есть быть можетъ высшее выраженіе религіи чистаго разума, которая навсегда должна рѣзко отличаться по своей природѣ и стремленіямъ отъ религіи сердца. Послѣднее никогда не можетъ любить существо, опредѣляемое отрицаніемъ, никогда не можетъ поклоняться неподвижному двигателю и пропитаться отвлеченной единицей. И, быть можетъ, работа разума сама еще недостаточно полна и требуется еще нечто ультраракиональное. Быть можетъ, разумъ стремится прямо къ тѣмъ предѣламъ, которыя мысль никогда не можетъ перейти, и этимъ стремится обнаружить свою собственную трансцендентальную природу путемъ растворенія личности въ универсальной и не обусловленной средѣ, останавливаясь лишь передъ завѣсой, которую только одно сердце можетъ проникнуть.

Новая симпатія къ природѣ въ эти дни эволюціи и космического акта гораздо быстрѣе переходить, чѣмъ прежде, въ восточное чувство одного и всѣхъ: это какъ бы точка отправления, откуда образовались мы изъ пустоты и куда мы снова исчезнемъ, растворимся, будемъ поглощены, когда выбросившій насъ приливъ снова смѣнится отливомъ. Наше сердце воспринимаетъ предметы потому, что оно родственно имъ, ибо родственное признаетъ родственное. Точно такъ же и душа наша

имѣть одну природу со всѣмъ и поэтому она можетъ познавать все. Эти чувства не составляютъ еще фактически пантеизма, потому что не существуетъ концепціи міровой души и въ то же время это не dualizmъ и не monizmъ. Вообще это не есть система, а только лишь какъ бы чувство предвидѣнія, которое можетъ впослѣдствіи развиться до пониманія.

Первоначально это—наивное, не разсуждающее, симпатическое стремленіе ощущуюю ориентироваться въ вопросѣ о происхожденіи и концѣ какъ часть самихъ, такъ и міра, чувство нашей непрерывной солидарности съ жизнью, землею, солнцемъ и небомъ. Вѣрно, что въ основаніи этого стремленія лежитъ пантеизмъ, который Паульсенъ называетъ секретомъ вѣры и современной науки, въ которомъ быть можетъ кульминировать всѣ естественные религіи. Это—то чувство, которое Стоики называли материалистическимъ, считая свою теологію частью физики, на которое они смотрѣли оптимистически, потому что они считали міръ, его душу, самыми совершенными; они видѣли въ немъ этическое проявленіе, потому что опредѣляли долгъ, какъ цѣль и подражаніе природѣ или вселенной,—въ своей первоначальной, полной юности формѣ оно дѣйствовало чрезвычайно благотворно.

Такимъ образомъ, ни тупость вѣры, ни слѣпая приверженность къ системамъ не должны заставить насъ забыть что теологія и даже философскія ученія проходящі, въ то время, какъ народныя легенды и поэзія, которые вытекаютъ изъ самого сердца и ближе къ нему, остаются, и что слабыя стороны первыхъ составляли именно то, чѣмъ, главнымъ образомъ, часто пользовались. Ограниченная ортодоксія можетъ осуждать подобные юношеские порывы души, но они не только совмѣстимы съ высшими религіями, даже съ христіанской вѣрой и жизнью, но глубоко укрѣпляютъ ее, такъ что отсутствіе ихъ составляетъ чрезвычайно серьезную потерю. Это переживаніе какъ бы очищаетъ; это—цѣнное крещеніе, которое николѣмъ образомъ не можетъ замѣстить нынѣ такъ восхваляемая эпистемологія. Оно создаетъ глубокое, стойкое чувство реальности вѣтего пустоты, которую таинъ часто оставляетъ въ сердцѣ академическое преподаваніе. Оно внушаетъ чувство, что во всѣхъ вещахъ жива и движется душа и что душа это есть Богъ; круглый годъ наполненъ божествомъ; распускающаяся весна дышетъ его красотою; въ немъ мы живемъ, движемся и чувствуемъ, въ немъ мы существуемъ. Оно создаетъ родъ духовнаго возбужденія, экзальтациіи. Часто всякое изученіе космоса съ какой бы то ни было стороны способно возбудить духъ поэзіи, однимъ изъ лучшихъ опредѣлений которой служить соприкосновеніе души и природы. Это внезапное физическое развертываніе въ отношеніи къ безконечному представляетъ почти кульминационную точку и эти явленія высшаго полета генія, которому такъ мало нужно, чтобы много знать, который отличается темпераментомъ и характеремъ для современной обстановки истинной науки,—напоминаютъ, что сознаніе, что мы живемъ и что мы молоды, есть высшее небесное блаженство. Это—сама природа, которая живеть и находить выраженіе своей жизни въ нашихъ собственныхъ жизняхъ. Здѣсь мы имѣемъ передъ собою, быть можетъ,

самую высшую точку, когда либо достигнутую эволюцией человечества, где наше происхождение и наше назначение сливаются въ один общий циклъ и где мы одинаково легко и одинаково убедительно можемъ объяснять въ ряду развитія высшая вещи низшими и наоборотъ.

II. Маленькия дѣти считаются звѣзды внезапно появляющимися мыльными пузырями, называютъ ихъ алмазами, золотыми или стеклянными пуговицами, мѣдными шляпками гвоздей, которыхъ должны поддерживать и скрѣпить небо, фонарями, искрами и проч.

Дѣти любятъ звѣзды. Въ возрастѣ около 10 лѣтъ они начинаютъ обращать особое вниманіе, повидимому, на сверканіе звѣздъ. Въ ихъ глазахъ звѣзды подмигиваютъ другъ другу, или намъ, и дѣти отвѣчаютъ подмигиваніемъ. Они говорятъ «добрый вечеръ», и получаютъ отвѣтъ. Онѣ танцуютъ, плачутъ и смеются. Часто дѣти выбираютъ извѣстную звѣзду, говоря, что это—«моя звѣзда», поджидаютъ ее и привѣтствуя и бываютъ очень оторчены или чувствуютъ себя виновными, если звѣзда не появится. Съ ней бесѣдуютъ, сообщаютъ ей свои тайны, желанія и надѣляютъ ее особыннмъ могуществомъ осуществлять желанія. Она придетъ лично за нами въ моментъ смерти. Нѣкоторыя дѣти двигаютъ кровать или приспособляютъ занавѣски такъ, чтобы звѣзда сияла и бросала на нихъ светъ, когда они отправляются спать. Многіе видѣть, въ индивидуализированныхъ ими звѣздахъ, души родственниковъ, умершихъ друзей, великихъ людей, иные забавляются тѣмъ, что срисовываютъ углы, круги, животныхъ, лица, аппараты. Онѣ сходятся для общей жизни и проч.

Съ наступленіемъ юности чувство въ отношеніи звѣздъ значительно углубляются. Является страстное желаніе получить отъ нихъ отвѣтъ, проявить къ нимъ нѣжность: отчасти это любовь, отчасти поклоненіе. Нѣкоторыя грезы находятся въ зависимости отъ звѣздъ и какъ будто отдаваются духъ отъ тѣла и возносятся его въ волшебные миры. Молитвы къ звѣздамъ, вытекающая изъ глубины души, составляютъ далеко не рѣдкость. Дѣвушки иной разъ находять сильное подкрепленіе въ молчаливомъ общеніи съ звѣздами и освобождаются отъ угнетавшаго ихъ горя, потому что, съ вѣчной точки зрѣнія звѣздъ, земная радости и огорченія кажутся мимолетными. Онѣ вносятъ успокоеніе, чистоту, самообладаніе. Иной разъ молодая женщина становится страстными поклонницами звѣздъ^{*)}). Млечный Путь,

^{*)} Одна юная мать до сихъ поръ поддерживаетъ общеніе съ звѣздами, которая оказываютъ ей поддержку во многихъ отношеніяхъ. Онѣ поднимали съ мысли выше всякихъ разстроѣствъ и огорченій; онѣ были вѣчны и съ ихъ точки зрѣнія всякия удовольствія, всякия огорченія казались мимолетными. Онѣ были постоянны, неизмѣнны и такъ кротки и чисты, что созерцаніе ихъ вело ей успокоеніе, поддерживало чистоту мысли, мягкость характера, давало самообладаніе и глубокій душевный миръ.

Для другой, хотя она была воспитана какъ пуританка въ новой Англіи и до сихъ поръ остается дѣятельнымъ членомъ церкви, существо, именуемое Богомъ, представляло мало интереса или реальности въ дѣствѣ. Менѣше, чѣмъ Св. Николай и молитва была для нея лишь вѣнчаниемъ обрядомъ и не обладала какой либо силой въ си жизни. Но звѣзды она страшно любила и могла имъ молиться. Коль скоро она обладала силой вызывать глу-

это—«небесная рѣка, съ широкимъ, тихимъ каменнымъ ложемъ». Часто кажется, будто это теченіе идетъ отъ сѣверного полюса который былъ къ намъ никогда ближе, чѣмъ теперь: или это огненный потокъ, очагъ молнии, или источникъ дождя, который течеть то вверхъ, то внизъ.

Здѣсь передъ намио итогенетическое соотношеніе астрологіи и многихъ древнихъ миѳовъ о звѣздахъ и планетныхъ вліяніяхъ. Интересъ къ звѣздному переворотамъ появился позже и филетическая сторона его кажется гораздо прочнѣе. Этотъ стадій былъ вѣроятно подавленъ фільтраціей черезъ вліяніе современной астрономіи, которая искоренила до-Коперниковскія идеи, какъ они ни были велики, устойчивы и убѣдительны. Значеніе ихъ въ смыслѣ пересозданія, перестройки воспитанія составляетъ еще пока открытый вопросъ и мы можемъ здѣсь указать только некоторые пункты въ этомъ отношеніи *).

бокія и страшныя желанія, въ нихъ должна быть также сила удовлетворять эти желанія. Она привычно и инстинктивно надѣляетъ ихъ сознательными качествами. Вѣра въ любовь матери или сестры не бываетъ такъ сильна, какъ дѣвичья вѣра во взаимную любовь звѣздъ, — вѣра столь таинственная, но вмѣстѣ съ тѣмъ непоколебимая. Все, о чёмъ ихъ просятъ, они даруютъ. и благоговѣніе и любовь къ вимъ становятся еще сильнѣе и къ нимъ обращаются съ мольбою объ исполненіи желаній.

*) Безконечное множество священныхъ идей человѣка основаны на поклоненіи идеѣ вращенія вселенной вокругъ земной оси. Этому вращенію приписывалось громадное значеніе, но, какъ известно со временемъ Коперника, идея оказалась ложною. Мысль объ общирномъ и постоянномъ вращеніи небесъ вокругъ земли, съ тѣхъ поръ какъ человѣческий умъ впервые позналъ ее, должна была оказать громадное обаяніе и вліяніе на размышающій и набожный умъ. Существование осевого дерева или полюса предполагалось еще въ раннія эпохи и иѣкоторые миѳы о сотвореніи, какъ напримѣръ японскіе, представляютъ себѣ, что эта ось извлекла, такъ сказать, міръ изъ первобытнаго моря. Это положило начало широкой циклической или генетической маѳологіи космического механизма, находящагося въ движениі.

Когда пораженный благоговѣніемъ умъ подумалъ о силѣ, вызывающей, это вращеніе, то, конечно, она была локализована въ наивысшей точкѣ осевого шпіля. Такимъ образомъ полярное божество, какъ это съ большой ученостью доказываетъ John O'Neill (Ночь Боговъ, 2 т., 1893) является быть можетъ, старѣшимъ и высшимъ изъ космическихъ боговъ почти во всѣхъ сѣверныхъ религіяхъ. Здѣсь находится глазъ неба, здѣсь локализуется миѳами „пуль“ земли. Здѣсь въ особенности вращается семь звѣздъ Большой Медвѣдицы и отсюда ореолъ святости, который придавали числу 7. Слѣды миѳовъ объ Атласѣ и о „подпоркахъ неба“ пережили и часто находятся и теперь въ обелискахъ, башняхъ, колокольняхъ, которые все еще продолжаютъ воплощать первоначальную идею человѣка о подпоркахъ вселенной. Сюда же относится древо вселенной и мосты къ другому миру, танецъ звѣздъ, колесо закона, колесо молитвы, огненное колесо, колесо Фортуны, святая гора, которая какъ конусъ проникаетъ въ небо, — всѣ эти слѣды первоначальной идеи о полюсѣ.

„Swastica“ (Основные привѣтицы цивилизаціи Старого и Нового Свѣта, Zelia Nuttall, Papers of Peabody Museum, vol. II 1901) былъ впервые примѣненъ къ странамъ окружающимъ полюсы, и представлять отчетъ о четырехъ положеніяхъ ночныхъ и годичныхъ вращеній Медвѣдицы и Dipper вокругъ полярной звѣзды. Сначала это былъ знакъ года, потомъ символъ „стойкой центральной силы, которая распространялась въ четырехъ направленияхъ и контролировала все небо“.

Быть можетъ, наиболѣе знаменательный непосредственный эффектъ науки въ этомъ случаѣ заключается въ представлениіи обѣ отдаленности звѣздъ. Юноша читаетъ въ своихъ учебникахъ, что если бы

Въ Индіи въ Египтѣ, въ Вавилонѣ и Ассирии города и государства подраздѣлялись на 4 отдѣла съ четырьмя племенами подъ однимъ центральнымъ начальникомъ и, такимъ образомъ, общество согласовалось съ идеаломъ религиозной демократіи. Пирамида, которая имѣла первоначально 4 этажа и крестообразную форму, а равно многія другія священные постройки, напоминаютъ космическую и территоральную организацію съ подраздѣленіемъ на 4 части. Четыре четверти, священный центръ, верхъ и низъ представляютъ еще болѣе распросстраненную концепцію семи направлений пространства, какъ это въ Египтѣ олицетворяли семь классовъ. Исходя изъ этого общаго основанія подраздѣленія на 4 части, цѣлыи рядъ разнобразныхъ конституцій были изобрѣтены независимо разными государственными людьми и философами, которые придумали многообразные циклы сочтанныхъ цифръ и знаковъ для того, чтобы регулировать время и общественную жизнь въ подражаніе порядку и гармоніи небесного движенія и подъ однимъ вышшимъ управителемъ, земнымъ представителемъ полярной звѣзды. Происхожденіе этихъ схемъ вообще приписывается одной сѣверной расѣ, которая открыла добываніе огня и сообразно съ этимъ развила культуру обрядностей. Ихъ преслѣдовали какъ за религиозныя заборони, такъ и за демократическія убѣжденія, и это послужило побудительнымъ толчкомъ, къ тому, что они стали искать убѣжница и находить колоніи. Этого они достигли въ Новомъ Свѣтѣ, куда черезъ извѣстные критические періоды своей исторіи, отдѣленные другъ отъ друга обширнымъ промежуткомъ, переносили свои идеи. Этимъ объясняется близкое сходство искусства на андахъ и въ Средиземномъ морѣ, въ особенности что касается рисунковъ и числовыхъ схемъ. Такимъ образомъ, Америка сдѣлалась изолированнымъ очагомъ, где сохранялись арханческія формы правленія, гдѣ культурировалась промышленность, занесенная въ различные эпохи изъ различныхъ центровъ стараго міра, но съ прибавленіемъ туземныхъ элементовъ. Общее основаніе всего этого составляло признаніе неизбѣляемыхъ законовъ управления вселеною, а это сознаніе было дано продолжительнымъ наблюденіемъ Полярной Звѣзды и другихъ сѣверныхъ звѣздъ. Такимъ образомъ мы вновь узнаемъ, какъ совокупная интеллектуальная, моральная и религиозная эволюція расы вылилась въ неизбѣляемые законы. Съ того времени, какъ нашъ міръ началъ вращаться, фактъ существованія одной фиксированной точки въ пространствѣ, которая никогда неизмѣняется, оказалъ мистическое и неотразимое вліяніе, освободила умъ человѣческій отъ темноты и путаницы и вылился въ идею одной, центральной власти. Изъ этой идеи создалось понятіе о высшемъ божествѣ, когда человѣчество вступило на высшую стадію умственного развитія.

„Самый ранній годъ, который мы встрѣчаемъ у первыхъ земледѣльческихъ народовъ, состоялъ только изъ двухъ временъ года, измѣряемыхъ Плеядами; онъ начинался съ Праздника Звѣздъ и поминокъ обѣ умершихъ предкахъ, которая совершилась въ Ноябрѣ“. Затѣмъ слѣдовалъ годъ изъ трехъ временъ года, первое официальное измѣреніе года народами, которые называли ячмень. Этотъ годъ начинался съ осеннаго равноденствія. Эти же, будьтъ астрономы замѣнили счисленіе времени по Плеядамъ другимъ, какъ они основывали на предполагаемомъ треніи полюса, будто бы доказанное. „Куцимемся движеніемъ звѣздъ вокругъ него“. Тепло, которое произошло отъ вихревого вращенія огненнаго сверла, было связано четырьмя звѣздами, которая обозначали четыре четверти неба именно: Сиріусомъ, который произошелъ, вмѣстѣ съ началомъ дождей въ Индіи, въ лѣтнее солнцестояніе, Большой Медведицей, Аргосомъ на югѣ и Ворономъ на западѣ. Происхожденіе этихъ послѣднихъ созвѣздій можно прослѣдить до самаго Сиріуса.

солнце имѣло два фута въ діаметрѣ, то земля представила бы собой горошину, находящуюся отъ него на разстояніи 120 футовъ, а самая ближайшая звѣзда отстояла бы на 8.000 миль. Онъ читаетъ далѣе о сотнѣ миллионовъ звѣздъ, видимыхъ черезъ 3-футовое стекло телескопа, о 20.000 миллионахъ, которые мы можемъ вычислить, если взять стекло, различающее звѣзды 20 величины, такъ какъ стекло Ліка доходитъ только до звѣздъ 16-ой величины; о маломъ размѣрѣ нашего солнца въ сравненіи съ Сиріусомъ, который приблизительно въ 500 разъ больше, и о другихъ звѣздахъ, которыхъ опредѣляются въ миллионъ разъ больше; о всѣхъ стадіяхъ звѣздной жизни, начиная отъ туманныхъ пятенъ черезъ всѣ переходныя степени накаливанія и охлажденія, до золы; обѣ обширнѣйшихъ тѣлахъ такого же объема, которые врашаются одно вокругъ другого въ необъятные періоды. Онъ читаетъ, что изъ всего этого числа только 800.000 до сихъ поръ зарегистрированы, и узнаеть о наслоеніяхъ и общихъ конфигураціяхъ звѣздъ Млечнаго Пути, въ которыхъ включена наша система и откуда мы можемъ глядѣть на нее, какъ изъ центра въ направленіи краевъ группы звѣздъ, имѣющей форму двояковыпуклого стекла и включающей все, что входитъ въ поле зрѣнія астрономіи.

Изъ всѣхъ наукъ астрономія древнѣйшая. Предметъ ея самый обширный. Она имѣть дѣло съ величайшими массами матеріи и съ сильнейшими протяженіями времени и пространства. Какъ выразился Emerson, «если бы небо было видимо только одну ночь въ тысячу лѣтъ, то зрѣлище этой ночи ожидалось бы съ величайшимъ нетерпѣніемъ, и то поколѣніе, на долю которого оно выпало бы, считало бы себѣ счастливымъ». Упадокъ астрономіи въ высшихъ и среднихъ школахъ объясняется исключительно тѣмъ, что она преподается не согласно съ требованиями юноши. Если бы въ этихъ стадіяхъ знакомили бы побольше съ формами созвѣздій, то все-же слѣдовало бы преподавать въ религіозномъ, почти благоговѣйномъ духѣ. Одна изъ старыхъ обсерваторій имѣть у входа вырѣзанную на камнѣ надпись: «Небеса возвѣщаютъ славу Бога», а на другой стояла надпись: «Не религіозный астрономъ — безумецъ». Когда мы просматриваемъ элементарные учебники нашихъ дней, то находимъ громаднѣйшую разницу между тѣми, которые трактуютъ предметъ въ техническомъ, математическомъ смыслѣ, и тѣми, которые излагаютъ сюжетъ въ популярной формѣ и апеллируютъ къ глубокому первичному чувству благоговѣнія, рассказывають о чудесахъ, изумительныхъ вещахъ и взываютъ къ любознательности. Первый методъ останавливается, главнымъ образомъ, на небесныхъ движеніяхъ и болѣе или менѣе говорить на языке математики. Врашеніе земли составляетъ часто исходную точку, и я знаю одну высшую школу, где тратилось шесть драгоцѣнныхъ недель на индивидуальное соревнованіе въ стремлении опредѣлить наиболѣе точно точку полудня. Далѣе слѣдуютъ: предсказаніе затменій, точнѣйшія движения и опредѣленія, объясненіе равноденствія, aberrации, наклоненія земной оси, опредѣленіе эксцентрисичности орбитъ, различныхъ разстоянія луны въ зависимости отъ временъ года и проч. Подъ влияніемъ такого метода, доведеннаго до крайности, интересъ исчезаетъ почти

примо пропорціонально трудностямъ и въ концѣ концовъ — полное разочарование.

При другомъ методѣ прежде всего стараются возбудить интересъ въ общихъ чертахъ. Исторія астрономіи, начиная съ астрологіи, излагается въ самой интересной и заманчивой формѣ. Кеплеръ, Галилей, Тихо-Браге,—всѣ эти герои съ ихъ біографіями, которыми астрономія такъ изобилуетъ и которая придаютъ ей высокий интересъ въ смыслѣ исторіи культуры, выдвигаются на первый планъ. Кое-что рассказываютъ объ исторіи телескопа, объ обработкѣ и шлифованіи большихъ стеколь, что придаетъ наукѣ такой же интересъ, какъ «Пѣснь о колоколѣ» Шиллера. Описываютъ часы и хроноскопы вплоть до тѣхъ, которыми измѣряются 10-тысячные доли секунды, наряду съ различными аппаратами. Здѣсь также мѣсто космогоніи и теоріи туманныхъ пятенъ, составляющихъ часть эволюціи; рассказываютъ кое-что объ эфирѣ и развитіи звѣздного міра, его исторические стадіи, которые теперь вполнѣены въ различныхъ частяхъ пространства; удѣляютъ мѣсто практической астрономіи и объясняютъ ея роль въ навигаціи, въ открытии Америки и въ перемѣнѣ геоцентрической точки зорѣнія въ геліоцентрическую. Касаются мимолѣто наибОльѣ крупныхъ открытій и наблюдений, какъ напримѣръ вращеніе, до сихъ поръ считавшихся неподвижными звѣзды, демонстрируютъ фотографію неба, говорятъ о процессѣ, при помощи которого открыты были посредствомъ стекла, имѣющаго четверть дюйма, тысячи миллионовъ звѣздъ, нынѣ зарегистрированныхъ, кометъ, метеоровъ и т. д. И все это иллюстрируется обильными рисунками въ учебникахъ.

III. Человѣкъ не только дитя солнца, душою и тѣломъ, но каждая заря, каждый день освобождается его отъ саѣтоты среди великой тьмы, воскрешаетъ его умъ, пробуждаетъ его отъ пустоты сна. Для души, освѣженной сномъ, величие зари воспламеняетъ богатство разнообразныхъ образовъ и намъ кажется несчастьемъ современного дѣтства, юношества, что ихъ лишаютъ вліянія этого впечатлѣнія. Для просыпающагося маленькаго ребенка, судя по собраннымъ нами даннымъ, солнце часто совершенно отождествляется съ картиною вставанія съ постели, подниманія чужою рукою и лицомъ, вскаживанія точно баллонъ или взлета на крыльяхъ, или поднятія отъ внезапнаго выстрѣла. Ребенокъ представляеть себѣ, что это раскрывающійся глазъ Божій, что это самъ Богъ или его лампа или отверстіе въ небѣ и проч. Дѣти немного постарше представляютъ себѣ, что солнце старается освободиться, подняться съ горизонта, высвободиться изъ подъ деревьевъ, выплыть изъ моря, что его огорчаютъ облака и оно старается разогнать ихъ или прорвать сквозь нихъ, какъ побѣдитель въ борьбѣ съ ними или съ тьмой. Быть особенно торжественно въ ранніе утренніе часы, когда оно прямо въ поднимается противъ тяжести. Для дѣтей, также какъ и въ глазахъ первобытнаго человѣка, солнце, подобно лунѣ, странствуетъ исключительно по своей доброй волѣ. Оно плыветъ или катится, когда ему это желательно, оно поднимается, когда чувствуетъ расположение къ этому, оно движется, то скоро, то медленно, какъ ему угодно. Здѣсь еще отсутствуетъ представление о неподвижной орбите,

о времени, объ измѣрениі. Нѣкоторые облегченно вздыхаютъ когда ясное солнце дѣйствительно показывается на горизонте. Въ безсонныя ночи они часто со страхомъ думаютъ о томъ, что утро никогда не наступить, или чувствуютъ себя точно въ темницахъ, пока свѣтъ не освободить ихъ.

Когда наступаетъ юность и пробуждается воображеніе, то отсюда легко и естественно совершаются переходъ къ колесницѣ; лучи—это дорога, а облака—это кони. Даѣ, воображеніе рисуетъ усиленія Геркулеса, рожденіе Авроры, молитву Аякса о свѣтѣ, и одно прикосненіе фантазіи изображаетъ Солнце Гераклита, которое ежедневно выдѣляется изъ тѣла міра, оставляя массу его болѣе темною, холодною и болѣе бездушной. Всѣ фототоническая вліянія, которая охватываютъ оживленную природу, здѣсь находятъ свое лучшее выраженіе. Это уже не простая импонирующая, дѣйствующая на чувства сцена; это—чувство побѣды, торжество добрыхъ силъ надъ злыми, это—благоговѣніе, какъ оно изображено въ знаменитой древней греческой статуѣ, гдѣ юноша молится на западъ восходящей зарѣ, откуда появляется весь нашъ свѣтъ и мудрость. Это—дѣйствительно дивный многозначительный символъ того возраста, когда все доброе, прекрасное и истинное восходитъ, какъ заря, въ душѣ.

Изъ собранныхъ нами данныхъ видно, какое стимулирующее вліяніе оказываютъ солнечные лучи на юношескую фантазію. Они описываютъ, какъ «полосы между мною и другимъ міромъ»; «лѣстницы, по которымъ феи восходятъ и сходятъ съ неба для танцевъ»; «тигрильянда лучей окружаетъ круглое, счастливое лицо солнца»; «солнце простираетъ свои длинныя руки для того, чтобы обнимать, согрѣвать насъ»; «они проникаютъ во всѣ щели и разгоняютъ темноту, какъ мы вырываемъ камень при помощи рычага». Многіе поднимаютъ пыль для того, чтобы видѣть, какъ частички плаваютъ въ солнечномъ лучѣ, дуютъ на нихъ, а иногда стараются прослѣдить ихъ. Солнечные лучи погружаются въ море для того, чтобы освободить или открыть путь для солнца, которое погружается также въ море, какъ и они; они разливаются во всѣ стороны, подобно струйкамъ огненнаго фонтана; изолированные лучи одиноки; часто ихъ боятся, если сразу не увидять, откуда они проникаютъ до дерева или въ домъ и нѣкоторыхъ эта неизвѣстность такъ мучитъ, что доводить до невроза; облака слишкомъ дерзки и не боятся ихъ; темнота тоже иногда обнаруживаетъ подобную надменность, но, однако, она бѣжитъ при ихъ приближеніи. Иные представляютъ себѣ носящіеся въ воздухѣ атомы, какъ отдѣлившіяся частицы танцующаго солнечнаго свѣта; они и лучи умираютъ съ заходомъ солнца; отраженные лучи дерзки и невоздержны. Это—нити или канаты, поддерживающіе солнце; трубы для всасыванія воды; дорожки или лѣстницы къ небу. Это—взмахи кисти артиста, копья, книжалы, которые властны дѣлать намъ добро или наказывать насъ за наши дурныя качества. Это—обильная золотая пыль. Солнце безкорыстно посыпаетъ ихъ; оно тицеславно отражается въ водѣ какъ въ зеркаль или жестоко обрываетъ свои лучи на поверхности ея.

Все это показываетъ, что душа ребенка и юноши это—обильная

плодородная почва, которая можетъ дать гораздо больше, чѣмъ использовали до сихъ поръ поэзія, миѳология или этимологія общими своимъ усиленіями. Вѣдь прошломъ, если вѣрить Максу Мюллеру и Коксу, стрѣлы далеко попадавшаго Апполона, лукъ Філоктета и Улісса, магические конія и, быть можетъ, мечи Тезея, Персея, Зигфрида и проч. и проч., все это—лишь антропоморфизированные лучи солнца. Но всѣ они лишь символы эпохи войны. Они могутъ вмѣстѣ съ тѣмъ быть символами любви, милосердія и науки, если мы сумѣемъ имъ придать новую человѣческую и гуманистическую формы, если сумѣемъ развить до максимума скрытые возможности юношества, всецѣло принять, прочувствовать и отдаваться съ благоговѣніемъ ихъ потребностямъ и нуждамъ.

Іные ослабленныя животныя дремлютъ за отсутствіемъ стимула, который бы ихъ пробудилъ. Точно также слѣпые дѣти не расположены къ дѣятельности отчасти по той же причинѣ, тогда какъ яркіе солнечные лучи оживляютъ умственную дѣятельность даже идіота. Для маленькихъ дѣтей рядъ мрачныхъ дней означаетъ вялость, сонливость, раздражительность или диспепсію. Іные прячутся молча въ темныхъ углахъ и группы дѣтей часто, когда облачко пройдетъ мимо солнца, чувствуютъ угнетенное настроение духа, чувствуютъ нежеланіе работать или и то и другое. Останавливаются въ своихъ играхъ, дѣлаются менѣе веселыми, перышательными, затихаютъ а нервныя дѣти чувствуютъ даже дрожь и сдерживаютъ дыханіе. По мѣрѣ того, какъ солнечный свѣтъ меркнетъ, они говорятъ тише, шепчутся или становятся молчаливыми; движенія ихъ не такъ энергичны, умственное оживленіе падаетъ; въ школѣ въ это время слабѣетъ количество и качество работы, падаютъ цѣли и идеалы; они становятся болѣе вялыми, менѣе внимательными, всякая задача кажется имъ болѣе трудной, аппетитъ слабѣетъ и дѣлается капризнымъ, робость возрастаетъ, они сильно падаютъ духомъ, толчатъ въ смятеніи, простираютъ руки, цѣпляются другъ за друга или за взрослыхъ, чувствуютъ какой то страхъ, наклонность къ изнеможенію, уединяются, тоскуютъ по дому. Но когда солнце снова появляется, особенно при свѣжемъ снѣгу, то веселость ихъ, шумъ, подвижность и радость не имѣютъ границъ.

И здѣсь наступленіе юности вносить рѣзкую перемѣну въ дѣтскую душу. Раннѣе наступленіе ночи сопровождается ослабленіемъ стимуловъ, физической бездѣятельностью и покоемъ. Они наслаждаются панорамою чуднаго солнечнаго заката или же чувствуютъ подавленность и грусть отъ того, что день прошелъ. Но для юности сумерки означаютъ еще нечто большее. Когда чувство замираетъ и тѣло обнаживаетъ менѣе дѣятельности, пробуждается мысль и объявляется себя независимо отъ окружающаго. Эти часы, часы сумерекъ, самые чистые, часы глубокаго размышленія о прошломъ и о будущемъ. Друзья и родственники собираются, пробуждаются и соціальные инстинкты. Часто замирающій дня, если юношеская душа непосредственно поддается его влияніямъ, открывается новую жизнь для чувства и мистицизма. Но мѣрѣ того, какъ чувство затихаетъ, душа оживаетъ. Для неї все приобрѣтаетъ болѣе глубокое, священное, символическое значеніе. Соисканію пробуждается, если не въ формѣ угрязеній, то въ видѣ пред-

чувствія новой и лучшей жизни. Миръ, чистота вечерняго неба отражается и въ нравственной природѣ. Надвигающіеся сумерки располагаются къ уединенію. Душа остается сама съ собою, лицомъ къ лицу съ своими обязанностями и идеалами. Бываютъ страстныя стремленія къ болѣе широкой и возвышенной жизни, является потребность въ большемъ самосознаніи и самовыраженіи. Закатъ солнца, это—проповѣдь. Время между сумерками и полною тьмою, это—время музыки, для любимыхъ гимновъ, потому что небо и Богъ кажутся ближе, а также время философскихъ размышлений и углубленій. Это—часть, когда отдаютъ себѣ отчетъ въ проведенномъ днѣ, когда всплываютъ нравственные размышленія, какъ будто грезятся, принимаются решения для будущаго, составляются планы для грядущихъ дней, строятся воздушные замки и грезы, это—лучшее выраженіе самопроизвольнаго физического роста юноши. Среди величественной тишины и мира воспламеняется воображеніе. Думается и говорится, о чмъ немыслимо было бы и помышлять среди яркаго дневного свѣта. Днѣмъ—место для обыкновенной чистой прозы, но теперь время читать или даже писать стихи, время, когда многие, какъ показываетъ наша анкета, призываютъ свою музу. Въ нѣкоторыхъ пробуждается музыкальный, композиторскій талантъ; нѣкоторые поютъ и эти пѣсни носятъ тихій, грустный и чарующій характеръ; льются ласковыя мысли, хотя бы онъ относились къ себѣ самому или къ воображаемой подругѣ, и даютъ уму уноситься все дальше и дальше, избѣгаютъ всякаго шума и отдаются въ уединеніи ласкѣ. Чрезъ нѣкоторая изъ этихъ мрачныхъ мыслей составляютъ, быть можетъ, отголосокъ дѣтскаго грубаго страха, который теперь широко расплывается и какъ то быстро блекнетъ. Педагогика, въ особенности въ области религіи и искусства, имѣеть здѣсь широкое поприще и быть можетъ, наступить день, когда она создастъ изъ этого долгъ, создастъ вечернюю службу и найдетъ подходящее выраженіе для инстинктовъ, которые теперь обращаются внутрь души, хотя бы ей для этого пришлось не безъ колебаній подвергнуть юношескую душу всѣмъ чувственнымъ вліяніямъ тихо нарождающейся ночи. Религія дастъ почувствовать душѣ необходимость въ защите и утѣшениі: подготовить ее, чтобы идти путемъ вѣры и не ограничиваться однимъ зрѣніемъ; укрѣпить чувство зависимости, предвосхитить закатъ жизни и великаго сна безъ которого нѣтъ пробужденія. Этотъ путь, которымъ душа несходитъ въ долину мрака,—подобно тому, какъ мы закутываемся съ головою въ одѣяло и отдаемся сладкимъ трезамъ. Этотъ часъ принадлежитъ чувству и долженъ быть посвященъ для того, чтобы вульти-вировать это чувство.

Солнечные герои, расположенные при своемъ зарожденіи на восточныхъ холмахъ, съ золотистыми волосами, мощные въ полдень съ странными приступами грусти, отдающіеся временами во власть чуждыхъ и низшихъ силъ, теперь погрузились въ свою смерть при явленіяхъ торжественной трансформации, предшествующей воскресенію. Ночь «пьетъ кровь солнца, когда оно падаетъ замертво», «выползаютъ блѣдныя, блуждающія тѣни, которая разбиваются каждую ночь рѣшетки неба». Темнота «выволакиваетъ тонкія ночные сѣти», «чернить кусты

и деревья» и спускаясь, «затемняетъ шагъ за шагомъ золотистый западъ». Занадъ разсыпается въ цветные полосы или же остается «безжизнное облако, подобно мертвому ангелу, лежащему въ саванѣ съ лилиями на груди». Деревья задрапированныя тѣнью, «становятся старыми и сѣрыми». Вечерняя звѣзда «поднимается надъ орбитой солнца», когда послѣднее, грахенное, погружается въ зловѣщее пространство мрака, оставляя лишь звѣзды на голубомъ склонѣ ночи». Въ этихъ метафорическихъ выраженияхъ поэзія стремится сохранить нечто отъ юношескихъ чувствъ миа. Юноши создали свои собственные настроенія и чувства; они много способствовали формированию души и поэтическаго вдохновенія. Эта сладкая дисфорія есть какъ бы нормальное дополненіе къ эйфоріи разсвѣта.

Когда наступаетъ глубокая ночь, ребенокъ, если онъ не спитъ, чувствуетъ себя беспомощнымъ, онъ не можетъ ни сопротивляться, ни бѣжать. Быть можетъ, старуха-ночь боится животныхъ или призраковъ, которые держатъ нервы въ напряженіи, а у нервныхъ дѣтей развиваются различные страхи, потому что старуха-ночь—невѣжество, мать страховъ, все еще управляетъ некоторыми невронами. Но вотъ зажигаются внезапно огни или лампы и глазъ и мозгъ отпрянули отъ этихъ кошмаровъ или отъ сонливости, которые и есть, быть можетъ, самое точное биологическое выраженіе тьмы. Передъ нами интересное явленіе «свѣтной лихорадки». Дѣти пробуждаются какъ бы для нового утра, они въ дикомъ настроеніи—шумятъ, шалятъ, рѣзвятся. Это есть какъ бы воскрешеніе въ современныхъ душахъ той радости, которая въ доисторическія времена привѣтствовала искусство Прометея возжигать огонь и разгонять ночь. Отсюда развился вечеръ, вечерняя жизнь и полуночные привычки человѣка. Но этотъ даръ стоилъ намъ благъ солнечного восхода, онъ принесъ съ собою огорченія, связанныя съ наукой и мудростью, и лишилъ насъ оптимистическихъ порывовъ ввысь, всплывающихъ на зарѣ. Для юноши это уже не простое возбужденіе ретины, но цѣлый бурный періодъ стремленія разогнать ночь, страсть изучить эту сторону жизни и природы. Это, быть можетъ, служило мощнымъ толчкомъ къ интенсивной дѣятельности, которая все болѣе и болѣе принимаетъ психический характеръ вмѣсто физического. Культура и умственная дрессерировка много способствовали развитию вечерней жизни. Многие впервые научаются думать, когда отвлеченія и суета дневная проходятъ. Иные только въ это время, и ни въ какое другое, не въ состояніи хорошо мыслить и дѣлать свою работу.

Наконецъ, если гимнъ Клинта къ солнцу, какъ источнику всякой жизни, могъ сдѣлать Гёте на всю жизнь поклонникомъ солнца, то какъ великъ должно было быть производимое имъ впечатлѣніе, когда язычество находилось въ своемъ зените. Для Аристотеля солнце было божественнымъ еще потому, что оно обладало силой самостоятельного движения. На той же психической почвѣ, изъ того же сѣмени чуднаго благоговѣнія, выросъ энтузіазмъ, который оживляетъ работу солнечныхъ обсерваторий Нотедама и Медона. И для современной науки солнце также высоко, какъ оно было для Платона и для Сократа. Переходъ отъ дѣтской концепціи обѣгнепомъ шарѣ къ солнечной физикѣ и

химії также непрерывенъ и естественъ, какъ и величественъ. Эта для язычества, скрывающаися въ юношеской душѣ, дѣлаеть изъ нея потомъ хорошаго астронома. Гершель, когда былъ помоложе, то думалъ, что птицы, похожія на ивовые листья, которыя онъ видѣлъ въ свой телескопъ—живые организмы, которые, быть можетъ, имѣютъ въ длину сотни миль и развиваются интенсивный жаръ. Какъ смѣлія гипотезы въ иномъ возрастѣ, такъ миѳъ и поэзія у юноши дополняютъ и пытаютъ корни науки и встречаютъ противодѣйствіе лишь въ узкихъ, ограниченныхъ душахъ. Быть можетъ, плевелы невѣжества должны цвѣсти въ свое время для того, чтобы создать жирный черноземъ для произрастанія болѣе цѣнныхъ растеній. Нѣкогда грубый ледниковый періодъ увлажніль и растеръ поверхность земли. Быть можетъ, онъ продолжаетъ это дѣлать и теперь, хотя въ ограниченныхъ предѣлахъ полярныхъ ледниковыхъ. Точно также лучшія мысли лучшихъ людей старого времени часто зарождались въ раннемъ дѣтствѣ, где и нужно искать ихъ корней.

Практический и научный выводъ изъ всего этого тотъ, что, разъ мы радуемся, когда ребенокъ въ своихъ играхъ воспроизводить первобытное ремесло, то по этимъ же самымъ соображеніямъ, для пойноты его развитія, необходимо, чтобы онъ переживалъ древнія чувства и точки зрѣнія своей расы. Головастикъ долженъ продѣлывать стадіи своего развитія, выпускать хвостъ для того только, чтобы его поглотили ростущія ноги. Эти стадіи необходимы и для роста и для питанія. Если юноша читаетъ всюду въ литературѣ, что солнце, разсвѣть, сумерки и ночь вдохновляли, то онъ долженъ испытать также на себѣ, какъ предметный урокъ, частое и, быть можетъ, даже лучше—систематическое переживание всѣхъ этихъ вліяній. Иначе, то, чему мы учимъ его, будетъ пустыми словами безъ содержанія, классические образчики литературы превратятся въ безсмысленные условности и въ то время, какъ мы будемъ загромождать его память, сердце будетъ ощущать пустоту *).

IV. Луна—нашъ ближайшій небесный сосѣдъ, находящійся на разстояніи какихъ нибудь 10 земныхъ діаметровъ. Съ нея началась астрономія. Она, быть можетъ, первая и главнымъ образомъ направила мысли человѣка къ небу, отвлекая его отъ житейскихъ дѣлъ; быть можетъ, это былъ первый этапъ въ поискахъ безконечности. Ни одинъ изъ объектовъ неба не возбуждаетъ такого интереса въ юношѣ, какъ луна. Съ нею связаны мысли юныхъ дѣтей, какоѣ она имѣть объемъ, далека ли она, изъ какого материала она сдѣлана, какъ она попала на небо, почему она не падаетъ, какъ объяснить формы различныхъ четвертей ея, гдѣ находится она, когда мы ее не видимъ, что мы видимъ на ней или воображаемъ,—вотъ тѣ дѣтскія сказки, которыя охватываютъ юношескую мысль и юношескія концепціи о лунѣ **).

*) См. по поводу этого отдѣла мое изслѣдованіе вмѣстѣ съ д-ромъ Т. L. Smith: Реакція на свѣтъ и темноту. Am. Jour of Psy.; January 1903, pp. 21—83
А также J. Gaule: Вліяніе ночи. Centralbl. f. Psychol., April 28, 1900.

**) 555 дѣтей, тщательно распределенныхъ по возрастамъ, отвѣчали 19 различными способами на вопросъ, какъ человѣкъ добрался до луны

Дѣти часто разговариваютъ съ луной: «засій, я прошу тебя объ этомъ», «благословенна луна», поють ей, предлагаютъ ей свои игрушки; если они дурно настроены, то требуютъ, чтобы она удалилась, просить у нея поцѣлуй, предлагаютъ ей играть съ ними; думаютъ объ ея небесныхъ товарищахъ: облакахъ, звѣздахъ, солнцѣ, что это быть можетъ ея родственники; представляютъ себѣ, что луна—это лицо Иисуса, выглядывающее съ неба. Воображаютъ, что это Моисей и т. п.; вымаливаютъ у нея счастья; воображаютъ себѣ людей и фей на лунѣ быть головы, или что все это головы, ангелы, музыканты, маячные сторожа, души умершихъ, младенцы, горбачи; часто они открываютъ въ неї лицо Бога или покрытой вуалью дамы, мужчины, быть можетъ, ея супруга, быть можетъ умершихъ уже родителей или товарищей по игрѣ, находить глаза, бороду, профиль; видятъ огонь, дымъ, корову, собаку и всѣхъ животныхъ; часто луна наводитъ на нихъ задумчивость и сидѣтъ ея до нѣкоторой степени опьяняетъ. Они размышаляютъ, какъ она движется: катится-ли или дѣлаетъ скачки; поднимается-ли она изъ за деревьевъ или моря и проч. Часто они приписываютъ ей сознаніе, улыбку, свѣтлый взглядъ; она выростаетъ въ объемъ, когда они добры и становятся мрачною, маленькой, прячется, удаляется, когда они ведутъ себя дурно. Она видѣть ихъ, въ ея присутствіи они ужасаются скверныхъ поступковъ. Она можетъ видѣть и разсказать намъ о нашихъ друзьяхъ, живущихъ далеко, о томъ, что они дѣлаютъ *).

Но вотъ наступаетъ юность и на зарѣ ея луна пріобрѣтаетъ громадную важность въ смыслѣ влиянія на чувства. Дѣтевія представлія блѣднѣютъ и луна становится объектомъ нового интереса, вступаетъ въ самая тѣсныя, симпатичнія отношенія съ религіозною и чувственnoю жизнью души. Съ этого момента она пріобрѣтаетъ неподозрѣваемую, громадную роль и въ 443 собранныхъ мною данныхъ луна отныѣ глубоко сплетается съ моралью, съ поэтическою и религіозною жизнью. Но еще до этого стадія развитія ее часто сожалѣютъ, когда кажется, что она стала блѣдною, утомляется отъ долгаго синага, она блуждаетъ, она болѣеть, потому что солнце отказывается ей въ свѣтѣ, о которомъ она страстно молитъ. Вступающіе въ отроческій возрастъ пристально созерцаютъ ее, томятся и дѣлаются сантиментальными. Въ эти годы дѣвочки, окна которыхъ открыты для неба, часто задерживаютъ шторы, для того, чтобы луна не могла ихъ видѣть неодѣтыми; нѣкоторыя напротивъ, любятъ раскрывать себя передъ исю. Дисѣль луны иной разъ наполняетъ дѣвушку несказаннымъ наслажденіемъ.

(How the Man got in the Moon, by Miriam B. Levy; Ped. Sem. October, 1895, vol III, pp. 317—318). Въ 7—10 и особенно 8—9 лѣтъ вопросъ принимался очень серьезно и они отвѣчали: онъ прилетѣлъ на луну, вскарабкался на нее, попалъ на воздушномъ шарѣ, при посредствѣ высокой башни, попалъ туда послѣ смерти, при помощи электричества, что эта—Богъ, ангель и проч. Только въ 12—14 лѣтъ наступаетъ сильное смущеніе по поводу всего этого предмета или обнаруживается сомнѣніе, есть-ли тамъ человѣкъ: наконецъ, немногія дѣти пытаются дать научное объясненіе.

*) Луна въ дѣтесиѣ и народныхъ сказаніяхъ, I. W. Slaughter; Amer Journ. of Psych. XIII, pp. 294—318. А также: замѣтка о лунныхъ фантазіяхъ. G. S. H.; Amer Journ. of Psych., January 1903, p. 88.

иinemъ, а иногда и печалью. Нѣкоторыя невольно простираютъ руки и превращаются въ сосредоточенное вниманіе; другія чувствуютъ себя недостойными, приниженными. Иная дѣвушка сидѣть и караулить луну, фантазируетъ, думаетъ о томъ, что это старѣшалъ и самая большая звѣзда, что можетъ быть здѣсь ея мать, ей хочется посѣтить луну и она раздумываетъ до того, что клубокъ скимаетъ горло. Луна такъ ласкаетъ, такъ симпатична и нѣжна; ея свѣтъ такой кроткій и мягкий; она должна любить каждого и все, она успокаиваетъ, дѣлаетъ добрыми, иной разъ является тоска по ней. Другія чувствуютъ лишь благоговѣніе, желали бы остаться наединѣ съ луной или простираютъ къ ней свои руки. У многихъ вырываются обращенія къ ней, просьбы, часто невольныя молитвы.

Въ этомъ возрастѣ луна является главнымъ стимуломъ любви. Иная дѣвушка буквально разсказываетъ лунѣ всѣ свои треволненія, просить ее о многихъ вещахъ и часто встречается одобреніе. Многія молодыя женщины не могутъ долго смотрѣть на луну или думать о ней, если она вѣнчаетъ дома. У нихъ является тоска по дому или они дѣлаются невыносимо грустными; имъ кажется, что луна холодна, не-привѣтлива, или же имъ хочется бѣжать и плакать. Они сидѣть, наблюдаютъ луну и чувствуютъ какое-то странное очарованіе и не могутъ оторвать отъ нея своихъ глазъ. Другіе ощущаютъ потребность гулять,ѣздить, видѣть кого нибудь, быть вмѣстѣ со своей любимой или со своимъ любимымъ. Ложиться спать, когда луна ярко свѣтитъ, это кажется многимъ потерей дорогого времени. Они стыдятся или пугаются при мысли о томъ, что луна видѣла ихъ дурной поступокъ. Или они изучаютъ ея лицо съ цѣлью открыть: улыбается ли она или хмурится. Такъ многими путями душа въ этомъ возрастѣ отражаетъ, какъ эхо, многозвучное море и берегъ, откуда впервые отдѣлилась земная жизнь. Лунные фазы до сихъ поръ властствуютъ своимъ мѣсячнымъ и суточнымъ ритмомъ и лунатизмъ или лунное помѣшательство особенно ухудшается въ эти периоды, которые влияютъ на питаніе, ростъ, сонъ, здоровье, болѣзни, самоубійства и проч. Юноши часто обнаруживаютъ по отношенію къ лунѣ тѣ же чувства любви, зависимости и благоговѣнія, которыхъ они питали въ дѣтствѣ къ матери и которыхъ въ нормальной, зрѣлой жизни обращаются къ Богу, либо къ менѣе конкретнымъ формамъ божества,—къ истинѣ, красотѣ. Подъ вліяніемъ луны развились у юноши эти чувства, которыхъ составляютъ одинъ изъ важнейшихъ моментовъ въ происхожденіи религіозного чувства и которыхъ были предметомъ наивысшаго поклоненія въ столь многихъ странахъ, какъ дикихъ, такъ и цивилизованныхъ; даже греки считали луну объектомъ, достойнымъ божественнаго поклоненія *).

*) Направленіе анимистической склонности человѣка питало не только религію, но и науку. Странными образомъ оно удержалось даже среди мудрыхъ людей. Пиѳагоръ представлялъ себѣ луну заселеной болѣе крупными животными и деревьями, чѣмъ земля. Многіе смотрѣли на луну, какъ на зеркало, въ которомъ можно прочесть то, что имѣло мѣсто на землѣ. Фламмаріонъ отыскалъ болѣе сотни воображаемыхъ путешествий на луну. Людовикъ XIV предложилъ устроить телескопъ на 10.000 фут., для того, чтобы

Когда мы обратимся оть луны къ лунѣ науки, то въ первый моментъ контрастъ мучительно отзовется въ нашей душѣ. Мы знаемъ, что это—выгорѣвшая глыба пепла безъ воды, хотя ландкарта Шмидта въ 7 фут. въ диаметрѣ и даже Вебба, показываетъ намъ среди 100 названныхъ предметовъ на лунной поверхности многие области, которыхъ до сихъ поръ носятъ старыя названія: озера, моря, долины, болота и проч. Тамъ нѣть, стало быть, ни облаковъ, ни растительной или животной жизни и въ теченіе длиннаго луннаго дня, равнаго наимѣнѣи 14 днійъ, температура ея поднимается отъ по меньшей мѣрѣ 200° ниже нуля до температуры кипящей воды и даже гораздо выше. Несмотря на то, что наши лучшіе телескопы приближаютъ намъ луну менѣе, чѣмъ на 100 миль, и немногія земныя страны нанесены на карту такъ подробно и такъ вѣрно, какъ поверхность луны, къ намъ обращенная, и хотя на ней земная тѣнь въ 13 разъ больше, чѣмъ поверхность, все же это теперь не что иное, какъ странствующій трупъ мира, на которомъ нѣкогда, безъ сомнѣнія, существовала жизнь, но который теперь есть лишь безмолвный пророкъ того, что ждеть въ будущемъ нашу планету. Дарвинъ разсказываетъ намъ, что лунно-земная система появилась по крайней мѣрѣ 54 миллиона лѣтъ тому назадъ, когда земля вращалась съ таюю скоростью, что день продолжался лишь отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ, что треніе во время приливовъ и отливовъ и теперь еще отдѣляетъ луну и землю, и что въ періодъ, который можно вычислить въ несколько миллионовъ лѣтъ приблизительно, вращеніе земли настолько замедлится, что день будетъ продолжаться 260 часовъ. Великие сelenографы, какъ напримѣръ Биръ, Медлеръ, Нейсонъ, въ молодости начали съ глубокаго сантиментальнаго интереса къ лунѣ. Шла ли это любовь рука объ руку съ возрастающимъ знаніемъ о лунѣ, или быть можетъ ихъ интеллектуальная страсть въ зрѣлые годы есть лишь трансформація прежней любви? Слѣдуетъ ли предпочитать такое современное знаніе, какъ изложено выше, старому романтическому увлеченію и каково соотношеніе между тѣмъ и другимъ? Если мы желаемъ создавать знатоковъ луны, то слѣдуетъ ли ихъ доводить до максимума этого поэтическаго опьяненія, прежде, чѣмъ оно будетъ разрушено знаніемъ? Эти глубокіе вопросы ставятъ наше лицомъ къ лицу съ широкой проблемою миѳа и науки. Сказать влю-

показать животныхъ на лунѣ. И хотя воздухъ луны не превышаетъ $\frac{1}{150}$ нашего, по барометрическому давленію, тѣмъ не менѣе въ послѣднее время серьезно трактовали о томъ, что люди могутъ тамъ жить при такомъ крайнемъ разрѣженіи, что въ нашей атмосфѣрѣ они задохлись бы и что предполагать, будто бы тамъ нѣть обитателей, это значитъ разсуждать нелогично. Одна госпожа спросила Араго, что происходитъ на той сторонѣ луны которую мы никогда не видимъ, какіе тамъ обитатели, какъ вліяетъ луна на погоду и на любовь. И когда онъ отвѣтилъ, что ничего объ этомъ не знаєтъ, то она отвернулась и воскликнула: „Какая же польза отъ того, что поди ученые“. Берлинская академія, узнавъ ва основаніи тщательныхъ записей, что луна не оказываетъ никакого вліянія на погоду, уничтожила предсказанія погоды въ своемъ официальномъ альманахѣ: но продажа альманаха, отъ которой такъ много зависѣтъ доходы общества, настолько вознаградили, что пришлось восстановить эти предсказанія.

бленной въ луну дѣвушкѣ, что она глядитъ на шаръ изъ холодной лавы, это значитъ нанести ей такой же ударъ, какой нѣкогда испытали греки, когда Античъ разсказывалъ имъ, что Сократъ считалъ луну простымъ камнемъ. Хотя, быть можетъ, великий философъ и отрицалъ эту ересь и объяснялъ, что все люди знаютъ что луна—божество, но тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что это послужило однимъ изъ мотивовъ къ его осужденію.

Интересъ къ небеснымъ предметамъ является, быть можетъ, самыемъ лучшимъ отличительнымъ признакомъ между высшимъ животнымъ и низшимъ человѣческимъ умомъ. Человѣкъ стать таковымъ, когда онъ взглянуль вверхъ, и быть можетъ разумъ и научная мысль начались съ размышленія о причинахъ дня, ночи, временіе года, бурь и проч. и отнесенія этихъ причинъ къ небесамъ. Увлеченіе луною было, кажется, самымъ раннимъ. День и солнце, это—нѣчто опредѣленное, естественное, тогда какъ луна появлялась, исчезала, меняла свою форму и была видима въ тихую, мечтательную часть дня.

V. Едва ли будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что иѣть рѣшительно ничего такого, чего пластическая полиморфная фантазія ребенка не увидала бы въ облакахъ. Не только все земное тамъ отражается и преображается, не только ребенокъ читаетъ тамъ, видить и рисуетъ себѣ каждую вещь, но даже многія вещи, которыхъ на землѣ не имѣютъ себѣ подобія открываютъ воображеніемъ въ облакахъ. Облака являются главной школой, вдохновителемъ и въ немалой степени творцомъ ихъ. Если бы мы не жили на днѣ глубокаго воздушного моря и надѣ нами не совершились бы все эти перемѣны, представляющія столь великій контрастъ съ неподвижностью земли, если бы мы могли представить себѣ, напримѣръ, существованіе человѣческой жизни на безоблачной лунѣ, то душа наша была бы совершенно иною и гораздо болѣе прозаичною, чѣмъ теперь. Мы не только видимъ все возможное въ этой облачной странѣ, но каждая извѣстная эмоція, каждое чувство въ значительной мѣрѣ приводится въ дѣйствіе проходящими тамъ картинаами. Обширный репертуаръ облачныхъ эффектовъ много содѣйствовалъ тому, чтобы углубить, сдѣлать болѣе богатою и разнообразною жизнь чувства. Вастроенія «глубокаго сердца небесь» отражаются въ нашемъ собственномъ сердцѣ. Они такъ часто вдохновляли миѳы и поэзію, что безъ этихъ облачныхъ психозовъ и тотъ и другая потерпѣли бы громадный ущербъ. Мы не имѣли бы видѣній Езекіеля, или Іоанна, утратили бы большинство изъ наиболѣшихъ древнихъ арійскихъ миѳовъ, и пророчества Ведды и Библіи оскудѣли бы. Мы не имѣли бы Ніобеи, Нѣфеле, дѣвъ—лебедей, золотого руна, Валькирий, Гарпий, не имѣли бы или имѣли бы совершенно иныхъ—Одиша, Валгаллу, Зевса, Гермеса, Полифема, Фриксоса, Геллу, корабли фэаковъ, сказочный рифъ, Гурій, не знали бы неба грековъ или древнихъ индуистовъ, не имѣли бы представленія о сфинксе, Аполлонѣ и проч. Представленія ребенка объ облакахъ не только безгранично обильны, но иной разъ достигаютъ необычайной яркости, почти безумной интенсивности. Иные воображаютъ, что видѣть настоящихъ ангеловъ, святыхъ, Божій ливъ, друзей, ландшафты, морскія сцены, кораблекрушенія,

волшебные острова, замки, блестящий шатер королевы Мабъ, вулканы, колесницы и коней чудовища, сражения, караваны, сабли, знамена, узоры и ковры самых ярких красокъ и рисунковъ, руки, рыбы, индѣйцевъ, покойниковъ въ гробу, Диону, сцену Страшного суда, города, Христа на Его блестящемъ тронѣ, географическая сцены, пожары, небесныя картины, животныхъ, которыхъ часто также многочисленны, какъ библейскія сцены, цветы и деревья и всевозможныя, слишкомъ величественныя, красивыя и страшныя для земли вещи. Разстоянія значительно уменьшаются, такъ что каждая вещь кажется близкою и эффекты непосредственны и почти рефлекторны. Часто имъ хочется идти къ облакамъ, касаться ихъ, катить ихъ и вмѣстѣ съ ними погрузиться въ ихъ мягкую субстанцию, покояться на нихъ, побывать вмѣстѣ съ ними, следовать за лицами или принимать участіе въ сценахъ, которыхъ они тамъ видятъ^{*)}). Нѣкоторые безосознательно до такой степени поглощены созерцаніемъ всѣхъ трансформаций облаковъ, что непроизвольно вздыхаютъ или вскрикиваютъ болезненно, когда картины меняются или исчезаютъ. У нѣкоторыхъ остается постоянная привычка наблюдать облака не въ силу воображенія, а просто потому, что имъ доставляетъ наслажденіе любоваться цветами, формами.

Съ наступлениемъ отрочества у лицъ, чуткихъ къ облакамъ, все это подвергается характернымъ измѣненіямъ. Вмѣсто стремленія уноситься къ облакамъ, плыть вмѣстѣ съ ними, обнимать ихъ или находиться въ ихъ объятіяхъ, эти чарующія формы внушаютъ юношѣ неопредѣленное томление по красотѣ высшей, чѣмъ та, которую можетъ дать земля. Уносясь, они возбуждаютъ въ душѣ юноши порывы къ чему то болѣе благородному и чистому, чѣмъ то, что до сихъ поръ было, и рождаются моральная и эстетическая концепціи. Дѣло не въ физическомъ соприкосновеніи, а во внутренней экзальтации. Это—голодъ души, стремление ея къ болѣе обширной, болѣе разносторонней и славной жизни. Это—нормальная реакція наступающаго отрочества. За предѣлами непосредственныхъ чувствъ и воспріятій вырастаютъ идеальные конструкціи. Порывы принимаютъ этическій характеръ. Душа вступаетъ въ области, где царствуетъ невыразимое спокойствіе и неизорченный свѣтъ, тогда какъ земля представляется темною, мрачною, одиночкой. Нѣть уже реальной иллюзіи, нѣть прежняго страха, но часто это скорѣе неопредѣленное томление и наклонность, хотя быть можетъ пріятная, къ меланхоліи. Юность уже не рисуетъ себѣ воображаемыхъ людей, быть можетъ ангеловъ или боговъ, позади самыхъ облаковъ, скрытыхъ отъ ихъ взора, и небо уже не представляется имъ въ буквальномъ или точномъ смыслѣ позади облаковъ или въ самыхъ облачахъ, потому что пространственная идея разрослись, стали болѣе обширными. Нахожденіе исба позади облаковъ преобразилось въ символизмъ. Даже цвета, которыхъ наводняютъ и опьяняютъ мозгъ въ такомъ безконечномъ разнообразіи, служатъ символическимъ изображеніемъ жизни. Цвѣтиное чувство, нигдѣ не находящее такого удовлетворенія, какъ въ

^{*)} См. мою статью имѣющей съ I. E. W. Wallin: Что чувствуютъ въ отношеніи облаковъ дѣти и юноши; Ped. зем., vol. ix, pp. 450—506.

иныхъ причудливыхъ облачныхъ картинахъ, помимо чувственной красоты имѣть еще мистическое значеніе, или, по крайней мѣрѣ, оно толкаетъ на нѣкоторыя проблемы, которыя юность пока еще не въ состояніи разрѣшить или даже формулировать. Иллюзія исчезла, но фантазія существуетъ, а чувство стало еще сильнѣе. Небесная картинная галлерея говоритъ болѣе сердцу, чѣмъ чувству. На второмъ десяткѣ и въ началѣ третьаго десятка фантазіи поблекнутъ и, быть можетъ, исчезнутъ вмѣстѣ съ непосредственнымъ вліяніемъ на настроеніе и уменьшеніемъ творческой силы воображенія. Переходящій характеръ всѣхъ этихъ призрачныхъ силуэтовъ наводить на мысль, что человѣкъ, какъ и всѣ вещи, даже самая земля растаютъ и исчезнутъ. Слова сами по себѣ не могутъ такъ отражать всякую эмоцію или переходы отъ радости или веселости къ угнетенію и меланхоліи. Они символизируютъ каждую вещь въ жизни и, быть можетъ, ничто не можетъ такъ возвысить и расширить наши чувства. Рѣскипъ, который болѣе энергично, чѣмъ кто либо доказывалъ, что воображеніе чахнетъ и чувства уродуются отъ неупражненія, думаетъ, что въ этомъ естественномъ символизированіи облаковъ гений часто черпаетъ вдохновеніе для своихъ классическихъ твореній. Творческий умъ всегда будетъ обращать свои взоры къ солидному фону природы.

Нефелопсихозы, если позволено будетъ употребить такое слово, несомнѣнно болѣе выражены и многочисленны у дѣвочекъ, нежели у мальчиковъ, и такъ какъ женскій организмъ болѣе консервативенъ, то это указываетъ на связь съ филогеніей. Они болѣе властно овладѣваютъ душу юности, и чувства, которыя они такъ глубоко возбуждаютъ, старше, нежели интеллектъ, и составляютъ ту форму, въ которой выражаются новые моменты наслѣдственности, что въ свою очередь указываетъ на расовое переживаніе. Быть можетъ, теперь, когда имѣются новые данныя изученія ребенка, мы въ состояніи будемъ сравнивать, хотя довольно неопределенно и невѣрно, оба возраста. На зарѣ истории человѣчества, облака наблюдались болѣе интенсивно потому, что думали, что они открываютъ человѣку чувства божественныхъ силъ по отношенію къ нему и помогаютъ предвидѣть будущія события. Со-зерданіе облаковъ, изученіе ихъ, являлось весьма серьезнымъ и полнымъ тревогъ дѣломъ. Первобытные народы жили среди природы и монотонность ея, отсутствіе специальныхъ стимуловъ, склоняло къ внимательному изученію всякой перемѣны ландшафтовъ на небѣ, а въ то же время пастушеская и земледѣльческая жизнь, болѣе зависимая отъ погоды, увеличивали интересъ къ облакамъ, какъ къ показателю погоды. Для современного ребенка облака составляютъ очень небольшую часть окружающей среды. Онъ такъ хорошо защищенъ, что погода не представляетъ для него большой важности. И въ этомъ юномъ возрастѣ его творческія способности менѣе развиваются, а соответственные способности медленно чахнутъ до зачаточныхъrudimentовъ. Онъ живеть въ возрастѣ, когда традиціи слабо развиты и не преобладаютъ; умъ его свободнѣе, мысли болѣе разнообразны и поверхности, жизнь вокругъ него болѣе интересна и отвлекаетъ отъ не-бесъ; иногда онъ дѣйствительно становится умственно близорукимъ,

потому что отказывается глядѣть вверхъ, что этимологически составляетъ самую характерную черту человѣка, *anthropos*. Силы, нѣкогда одухотворявшія и олицетворявшія предметы, атрофировались, и если юноша увлекается облаками, то больше для препровожденія времени, нежели серьезно или ради дѣла. Современный юноша знаетъ и чувствуетъ, что облака, это—простая явленія безъ особаго содержанія и какъ бы онъ ни былъ нѣвѣжественъ, но всѣ его «облачныя мечты» находятся подъ гнетомъ знанія, достаточно сильнаго, чтобы убить этотъ факторъ таинственности навсегда; его реакція чисто эмоциональная,

Дѣти при видѣ картинъ на облакахъ удивляются, боятся; но юноша чувствуетъ безконечное томлѣніе, благоговѣніе, почтеніе; въ немъ рождается стремление къ какой то великой любви и онъ таетъ отъ нѣжности, онъ возвышается отъ мысли, что есть нѣчто дальше облаковъ, до мысли о какой то силѣ и вѣѣ природы. Наслажденіе, боль и всѣ другія чувства, возникающія у него, часто непропорціональны, по силѣ, сравнительно съ силой самого стимула и это указываетъ на унаследованія нами отъ отдаленнаго прошлаго психическихъ чертъ. Въ данныхъ, собранныхъ нами среди почти что четырехсотъ лицъ, дѣтскіе образы составляютъ фонъ души и представляютъ нѣсколько сотъ различныхъ видовъ и разновидностей съ весьма немногими стойкими и однообразными реакціями. У юноши языкъ облаковъ обращается къ сердцу и его отвѣты не менѣе разнообразны и обширны.

Ребенокъ наблюдаетъ поспѣшной и бѣглой манерой и реагируетъ картинами, которая впору рисовать художнику. Юноша тоже наблюдаетъ, но болѣе абстрактно и мечтательно и его реакцію можно было бы попытаться изобразить только перо поэта, но не кисть художника. Одинъ желалъ бы срисовать зрительную красоту этихъ реакцій, другому хотелось бы описать чувства, которыхъ запечатлѣваютъ они. У ребенка интенсивность эмоцій страха и болѣзnenныхъ реакцій чрезвычайно непропорціональны вызвавшей ихъ причинѣ. У юноши же всплываютъ унаследованные черты того времени, той эпохи, когда человѣкъ находился во власти безграничныхъ силъ природы. У отрока радость и быть можетъ, часто порывы грусти возбуждаются эффектами, которые скорѣе чувствуются, чѣмъ видимы, которые указываютъ на преобладаніе субъективнаго надъ объективнымъ и относятся къ тому времени, когда любовь пачинала свою великую работу искорененія страха и создавала для природы новый языкъ, но не выработала еще собственного языка и не сосредоточила еще, какъ въ фокусѣ, своихъ широко распространенныхъ психическихъ качествъ на избранномъ предметѣ любви. Религіозныя реакціи такъ выступаютъ на первый плачъ, что сама религія и чувства, на которыхъ она поконится, были бы совершиенно иныхъ безъ этихъ реакцій. Онъ возбуждаютъ мысли и, быть можетъ, молитвы къ небесамъ и придаютъ чувство реальности самымъ неуловимымъ и небеснымъ предметамъ. Ни въ какое другое время жизни міра, наверху не кажется такъ властно и интенсивно реальнымъ, какъ въ то время, когда раскаты грома раздаются надъ головою. Очень часто специальный облачный переживанія запечатлѣваются неизгладимо

и придают величайшую реальность и материальную основу религиозному воображению и вѣрѣ*).

Такимъ образомъ, и здѣсь мы находимъ прежній контрастъ между чувствомъ и знаніемъ. Чувство не развивается оттого, что мы узнаемъ, что облака это не болѣе, какъ водяной паръ, или оттого, что мы запоминаемъ ихъ названія или изучаемъ законы метеорологии, которыми они слѣдуютъ. Здѣсь точно также свѣтъ угасаетъ въ сердцѣ съ того момента, какъ зарождается свѣтъ науки въ умѣ. Мы знаемъ многое пріимѣровъ, когда дѣти сильно сопротивлялись первымъ на-взываляемымъ имъ знаніямъ и у нихъ происходила жестокая борьба между наукой и религіей, когда имъ говорили что дождь это простой осадокъ, а не потокъ изъ моря, находящагося надъ небесною твердью или изъ открывающихся небесныхъ оконъ. Но и здѣсь воображеніе сыграло свою педагогическую роль, и миѳъ и поэзія являются предвестникомъ науки, подготавливая умственную почву, увлажняя и оплодотворяя ее.

VI. Маленькия дѣти изобрѣтаютъ массу духовныхъ образовъ, касающихся вѣтра. Вѣтеръ спить и пробуждается, онъ свиститъ, шелеститъ, трубитъ, ревѣтъ, бушуетъ, поетъ, гремитъ, плачетъ, вздыхаетъ, стонетъ и проч. Часто его олицетворяютъ, съnimъ бесѣдуютъ. Иногда онъ издастъ различный восклицанія, вродѣ «Ахъ», «Фуй», «Стой», «Слушай», «Прочь», часто ему отвѣчаютъ. Вѣтеръ — это гигантъ; онъ живеть въ облачныхъ горахъ; онъ развесится, ругается, проказничаетъ, ласкастъ, распространяетъ вокругъ себя свѣтъ и проч. Въ его шумѣ дѣти слышатъ музыку, сраженія, смѣхъ, горе, какъ это слышали первобытный человѣкъ и какъ до сихъ поръ это описывается въ метафорахъ поэтами. Вѣтеръ, это — другъ деревьевъ, которая быть можетъ заставляютъ его двигаться, или онъ спорить съ облаками и, быть можетъ, это движущаяся, волнующаяся фигура. На второмъ десяткѣ большая часть этихъ образовъ отпадаютъ, но вѣтеръ часто находится въ самомъ интимномъ соотношеніи съ настроениемъ. Его шелестъ, его свистъ могутъ вызывать невыносимую тоску и беспокойство; или же, наоборотъ,

*) 17-лѣтняя дѣвушка видѣла однажды на берегу моря облако, въ видѣ рвкъ, спускающихся внизъ на подобіе лентъ; она не могла допустить, чтобы эта картина исчезла и ей захотѣлось срисовать ее. Другая, 13 лѣтъ, видѣла при закатѣ солнца облако, окрашенное необычайно красиво: оно имѣло форму крыла ангела, которое напомнило о молодомъ другѣ уже умершемъ, и ей захотѣлось плакать. Дѣвушка 19 лѣтъ, ожидая побада увидѣла облако, похожее на потокъ лавы отдаленного вулкана, который превратился въ море льда, а затѣмъ въ серебряную дорожку, ведущую отъ земли къ небу. Ей казалось, что эта узкая дорожка ведетъ къ вѣчной жизни и напоминаетъ ей о чёмъ то. Дѣвушка 19 лѣтъ видѣла Иисуса, медленно возносящимся, радостнымъ и прекраснымъ и она пожелала вознести вмѣсть съ нимъ. Одна видѣла картину воскресенія, наблюдала ее съ благоговѣніемъ и желала увидѣть ее вновь. Другая увѣровала въ небеса, когда увидѣла Христа вмѣстѣ со святыми въ бѣломъ. Общеніе съ облаками иногда утѣшаетъ въ горѣ, ободряетъ вышѣя намѣренія и рѣшенія, отклоняетъ отъ дурныхъ, отвѣчаетъ на вопросы, открывая тайны, предсказываетъ счастье, учить вдохновенію и идеализму и даже утверждаетъ вѣру въ реальность душъ и бессмертія.

онъ баюкаеть, усыпляеть и нашептываеть разные звуки, если не настоящія слова. Сильный вѣтеръ показываетъ, что можетъ сдѣлать Богъ и часто даже указываетъ мѣру Божьяго гиѣва. Силы воздуха, котораго древніе евреи и столь многие другіе народы надѣляли таинственностью и благоговѣніемъ, внушаютъ мысль о благородныхъ, высокихъ, духовныхъ существахъ. Зефиръ и Борей, быть можетъ, только слабыя представленія объ этихъ силахъ; они приносятъ и получаютъ вѣсти любви, они приходятъ съ неба или суть Божье дыханіе. Вѣтеръ, быть можетъ, первый изъ всѣхъ силъ природы далъ человѣку страшный урокъ реальности и представленія о причинахъ дѣствительности и чего то невидимаго.

Психо-физиологическая изслѣдовавіл показали громадное вліяніе влажности, высоты и барометрическаго давленія, независимо отъ шума и внезапныхъ перемѣнъ, на настроение, и собранныя нами данные также даютъ массу доказательствъ того, что многія малокровныя субъекты въ юности больше всего подчинялись вліянію Эола.

Для отрока вѣтеръ часто выражаетъ чувства, имѣющія отношенія къ нашимъ дѣйствіямъ и мыслямъ. То онъ дружественъ, то онъ враждебенъ; быть можетъ, въ немъ сидятъ духи или вѣдьмы. Вѣсто того, чтобы прятаться и бѣжать, какъ это дѣлаетъ ребенокъ, многіе отроки дѣлаются душевно беспокойными и, повидимому, возбуждающая сила сильного вѣтра значительно возрастаетъ. Нѣкоторые воображаютъ себѣ на морѣ и испытываютъ всѣ признаки морской болѣзни. Другіе представляютъ себѣ возможная и невозможная бѣствія, различныхъ животныхъ, сраженія, машины, колесницы, громъ, всякие ужасы на океанѣ, патетическая сцены. Иной разъ воображеніе разгорается до нельзя. Вѣтеръ имѣть такую сильную власть надъ душою и таکъ тѣсно сливается съ нею, что каждая перемѣна его тона и звучности его силы вызываетъ измѣненія психического напряженія и психической реакціи. Это пѣніе вѣтра достаточно снабдить звучностью и скалою для того, чтобы создать музыку и часто оно играло громадную роль въ музыкальномъ творчествѣ и въ музыкальномъ чувствѣ. Интересно также отмѣтить фактъ анемофобіи, боязни вѣтра. Юноша чувствуетъ непрерывныя измѣненія, причины и направлениія вѣтра, также хорошо, какъ собственный пульсъ, но не знаетъ закона, которому онъ слѣдуетъ и ожидаетъ съ первымъ напряженіемъ или затаеннымъ дыханіемъ, «что будетъ». Этотъ великий дирижеръ многочисленнаго оркестра натуральной музыки управляетъ всю гаммою нашей эмоциональной жизни. Истомленныя души, это — Эоловы пещеры, изъ которыхъ исходятъ воображаемые вѣты, грозящіе смыть землю, море и небеса *). И то, что въ ребенкѣ является первымъ напряженіемъ отъ высокаго барометрическаго давленія, превращается въ душъ отрока въ тревогу и беспокойство.

Подобно растѣ, ребенокъ знать вѣтеръ задолго до того, какъ опь подозрѣвать существованіе атмосферы, какъ чего то безбрежнаго, оксана безъ острововъ, на днѣ котораго намъ суждено пресмыкатся

* Моя статья „Страхи“; Am. Journ. of Psy., vol. vii, p. 171.

всю нашу жизнь. Эта механическая смесь газовъ, полная атомовъ, запаховъ, испареній, этотъ транзъ, по которому спускаются согрѣвающіе солнечные лучи, это покрывало, снабжающее землю теплотою и болѣе равномѣрной температурой, изобилующее зародышами почти до самыхъ полюсовъ, съ своей собственной биологіей, эта среда, оказывающая громадное давленіе вънѣ нась и внутри нашего тѣла, эта атмосфера, въ которой мы живемъ, которая вызываетъ въ первыхъ темпераментахъ боязнь пространства и истерические симптомы *), этотъ элементъ, которымъ поддерживается всякая жизнь, форма, въ которой существовали все вещи и въ которой они вѣнѣ вновь растворяются, этотъ лазурный свѣтъ, представляющій не что иное, какъ космическую пыль,—какая богатая и плодотворная почва фактовъ и еще болѣе символовъ, всплывающая отнынѣ въ душѣ юноши. На этой широкой почвѣ можно преподавать простые законы образованія осадковъ, росы, точки кипѣнія воды и другія функции термической скалы и основы метеорологии. Знакомя съ изотермами и изобарами, течніями, аппаратами, предсказаніями погоды и проч. мы не должны игнорировать состояніе ума, который нуждается также въ фантазированіи, эфирѣ и эмпиреяхъ Гиппократа и Данте; ихъ можно впитать только въ горахъ, гдѣ они получили вдохновеніе, потому что это среда, въ которой жили нѣкогда боги. Учитель можетъ обильно черпать въ историческихъ стадіяхъ развитія, не упуская ни поэзіи, ни современныхъ теорій объ эфирѣ: умъ мальчика на второмъ десяткѣ такъ легко поддается обученію, ему легко сообщить тѣ данные, которые доступны только самому мудрому человѣку и въ этой обстановкѣ удается бросить, быть можетъ, первыя сѣмена, проливающіе свѣтъ на предѣлы человѣческаго знанія.

VII. Термическая скала, нынѣ изслѣдованная наукой, начинается приблизительно съ 460° ниже нуля, гдѣ энергія, повидимому, умираетъ, и химическая активность прекращается, и поднимается почти до 15000° надъ нулевть, гдѣ даже самыя твердые вещества расплавливаются. Температура тѣла человѣка можетъ мѣняться лишь на нѣсколько градусовъ. Окружающая среда, жизнь всякаго животнаго существа большей частью возможна лишь до предѣла около 100° F. Хотя самъ человѣкъ помѣщенъ гораздо ближе къ низшему, чѣмъ къ высшему предѣлу возможнаго жара, но онъ почти въ четыре раза ближе къ предѣльной границѣ жара, нежели холода. Эти ощущенія уже знакомы ребенку, который подобно всѣмъ существамъ, въ силу ли тропизма или чувства, стремится къ термическому оптимуму, наиболѣе благопріятствующему интенсивной жизненности. Одно изъ самыхъ чарующихъ проявлений дѣтскаго ума представляютъ колебанія любознательности и творческихъ реакцій вмѣстѣ съ перемѣщеніемъ вверхъ и внизъ вдали термометрической скалы **).

Жажда Фростъ (Frost — морозъ) имѣеть, повидимому, для ребенка то-же значеніе, что Loki, духъ тепла въ Тевтонской миѳологии. Онъ

*) „Страхи“, р. 162.

**) См. работу мою и С. Е. Browne: Представлениа ребенка объ огнѣ, жарѣ, морозѣ и холодѣ; Ред. Sem., March, 1903 vol. X, pp. 27—85.

выполняетъ реальную потребность дѣтской души и несравненно болѣе пластиченъ и менѣе условенъ, нежели *Sancta Claus*. Онъ живеть на снѣжныхъ скалахъ, снѣжныхъ горахъ, въ пещерахъ въ землѣ, на небѣ, въ воздухѣ, на солнцѣ. Онъ — ледяная сосулька, снѣговой человѣкъ, снѣжный комъ; онъ невидимъ потому, что слишкомъ маль, подобенъ эльфу. Это — домовой, фея, добрый духъ, карликъ, сова, клопъ, голубь, онъ расписываетъ окна рисунками деревьевъ, полей, животныхъ, цветовъ, паноромиковъ и листьевъ, лѣсовъ, пещерь, морей и безчисленныхъ формъ, вродѣ тѣхъ, какія рисуетъ себѣ и видитъ фантазія въ огнѣ, облакахъ или лунѣ. Онъ дѣлаетъ дѣтей дуриными или хорошими въ зависимости отъ ихъ поведенія; онъ впускаетъ въ нихъ или вдыхаетъ въ нихъ нѣчто, отчего они дѣлаются бѣлыми и коченѣютъ. Онъ морозить траву и лѣтѣ, онъ колетъ носы, пальцы руки и ноги, щеки, онъ несетъ мѣшокъ пудры для лица, онъ востѣ въ вѣтѣ, на которомъ ѳдетъ, взошомъ кроликами, или ластаѣтъ на спинахъ птицъ, онъ можетъ проходить черезъ запертыя двери и закрытыя окна. Это — «холодный дьяволъ», онъ старъ и молодъ; ледяная сосулька — его усы; его волосы и борода бѣлые или напудрены снѣгомъ; онъ раскрываетъ орѣхи ледянымъ мечемъ; бродить ночью подобно погибшей душѣ, спить днемъ; все, чего онъ касается — лопается; онъ истителенъ или коваренъ, злой или добрый, онъ играетъ гораздо большую роль въ жизни дѣвочекъ, нежели въ жизни мальчиковъ.

Многое изъ всего этого, конечно, есть продуктъ воображенія, но почти невозможно не вѣрить, что многое само собою рождается и есть оригинальное творчество плодовитой фантазіи. Воображенію легче представить себѣ его, чѣмъ духъ жара, не потому что нѣть «холоднаго солнца» или центральнаго источника холода, а душа нуждается въ чемъ нибудь конкретномъ и создаетъ его: дѣтскій умъ не можетъ представить себѣ солнце, какъ единый источникъ и центръ тепла. Причина скорѣѣ та, что нѣть «холоднаго огня» или химическихъ явлений, которыя создаютъ холода, подобно тому, какъ жаръ исходитъ изъ очага, и умъ стремится, слѣдовательно, создать очагъ для противоположности жара путемъ какого-то безсознательного процесса, вродѣ того, какъ физиологи стараются объяснить многое принципомъ аналогіи. Собранныя нами данныя, повидимому, не посредственно указываютъ на то, что Жакъ Фрость въ такой же мѣрѣ, если не въ большей, является независимымъ современнымъ созданиемъ дѣтскаго ума. Подобно всякой мифологической личности созданію его способствовалъ цѣлый рядъ фактovъ, ему служили многие источники и онъ отнюдь не является твореніемъ ex nihilo, также какъ и аналогичныя другія созданія древности или варварскихъ временъ. Быть можетъ, мы имѣемъ здѣсь самый вѣрный ключъ къ раскрытию тайнъ расового творенія миѳовъ. Правда, эти продукты грубы, необтечаны, крайне разнообразны и не получили права гражданства въ литературѣ и въ искусствѣ. Но зато есть дѣти нашего сверхроскощенаго вѣка и нашей страны, которыхъ избѣгли педагогическихъ воздействиий и пустили свѣжій, бодрый, хотя и скромный, но мощный ростокъ, выражаютъ ихъ собственную душу, а не просто отражающій то, что вложили въ него взрослые. Все же лучше, когда каждый создаетъ

своего собственца Жака Фроста; онъ является тогда пластичнымъ, не условнымъ, не наряженнымъ въ официальный мундиръ и не привожденнымъ къ шаблону.

Очарование отъ созерцанія огня—великая школа для пластического воображенія. Этотъ возбудитель гораздо болѣе подвиженъ, чѣмъ облака, и еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ формы, которыя рисуетъ морозъ на оконныхъ стеклахъ. Если уже собственный свѣтъ стѣчатой оболочки, создаетъ свѣтовыя формы, которая описываетъ Гальтонъ и многие другіе, во сколько же больше способны возбуждать воображеніе безпрерывныя измѣненія огня! Эти фееріи яркихъ картинъ, которыя онъ даетъ, вызываютъ разнообразныя версіи самопроизвольныхъ грезъ, которая держать душу въ очарованіи; и это колдовство грубо обрывается, подобно внезапному пробужденію, когда искры угасаютъ или когда что либо внѣшнее отрываетъ насть, возвращающей къ самимъ себѣ, къ действительности. Дѣти различаютъ лица животныхъ, небесныя и морскія сцены, облака и корабли, цвѣты, волшебницъ, духовъ, фей, карликовъ, чудовищъ, солдатовъ и сраженія, демоновъ и ангеловъ, глаза, кровь, ландшафты, историческая картины, боговъ и дьяволовъ, адъ и небо, танцы, церковную службу, химеры; лачуга превращается въ дворецъ, воздушные замки, въ пещеры изъ драгоценныхъ металловъ и алмазовъ, вулканы. И все это движется и быстро мѣняется вмѣстѣ съ мимолетнымъ страхомъ, что эти созданія рушатся и красота исчезнетъ. Ребенокъ слышитъ шумъ каждого животнаго и насекомаго; эти огненные творенія смѣются, плачутъ, поютъ, шумятъ, стонутъ, дѣлаются несчастными; листья шелестятъ и волны отчетливо разбиваются. Вотъ настоящий лѣсъ стонеть въ агоніи, такъ что является сожалѣніе къ нему; деревья бесѣдуютъ другъ съ другомъ; ружья стрѣляютъ залпами, гіепы и волки рычатъ и дѣти приходятъ въ восторгъ и поглощены почти до гипноза всѣмъ этимъ. Многія изъ этихъ переживаній до такой степени ярки, что вспоминаются еще долгое время впослѣдствіи. Дымъ также представляется въ видѣ грязнаго пара, рождающагося облаками, одежды волшебницъ, мыльной воды, дыханія огня или воображаемыхъ въ немъ животныхъ, горѣлого или закопченаго воздуха, живыхъ духовъ или птицъ. Зора мертваго, холодна, подобно трупу; въ ней неѣть ни свѣта болѣе, ни жизни; дерево или уголь, изъ котораго удалили свѣтъ и тепло; холодный огонь, размягченное дерево; испепель—вещество, изъ котораго мы все сдѣланы и въ которое мы въ концѣ концовъ снова превратимся; отсюда внушаемое имъ содроганіе, ужасъ. Такъ ребенокъ съ раскрасневшимся лицомъ и очарованной душою сидитъ надъ огнемъ и въ его душѣ отражается весь миръ и вся жизнь. Здѣсь, у пылающаго камина, онъ получаетъ первые уроки философіи и морали и душа его присутствуетъ какъ бы при началѣ и при концѣ всѣхъ вещей. Счастлива та семья, а еще болѣе та школа, которая можетъ давать ребенку и его юношеской душѣ подобные уроки; безъ открытаго, пылающаго очага не можетъ быть никакой полной исторіи, ни одинъ разсказъ не можетъ быть оконченъ безъ этой обстановки.

Неуравновѣшенныя дѣти идутъ далѣе и обнаруживаютъ фобіи въ двоякомъ направленіи или манию въ одномъ направленіи. Среди

страховъ, часто бѣглыхъ, а иногда болѣзненныхъ, является опасеніе, что станетъ жарче или холоднѣе, пока все не сгоритъ или не замерзнетъ. Въ то же время страсть къ горящимъ предметамъ, свойственная вѣльмъ дѣтямъ, если ее не подавлять разсудкомъ, можетъ иной разъ переходить въ страсть къ поджигательству, со всѣми ся сложными мотивировками.

Въ душахъ людей первобытныхъ растъ, этихъ собственно взрослыхъ дѣтей, культурный періодъ начинается съ прирученія огня или подчиненія Agni и болѣе дикаго Loki. Это дѣлаетъ очагъ центромъ домашней жизни и въ храмахъ, при помоши непрерывныхъ богослуженій, поддерживался огонь, какъ знакъ безсмертія. Идолопоклонники карали оскверненіе огня смертью. Когда въ горахъ ацтековъ заново зажигали огонь лишь разъ въ 52 года, то этимъ какъ бы обновляли контрактъ съ богами, что они не будутъ болѣе обнаруживать своего разрушающаго гнѣва, не будутъ пытать стремлениемъ уничтожать человѣка, разрушать лѣсистый покровъ земли и всюду распространять опустошеніе. Многіе миѳы этого происхожденія, многіе формы огненнаго погребенія и различные типы крещенія огнемъ показываютъ, что этотъ братъ вѣтра и моря и болѣе дружественъ человѣку и болѣе жестоекъ, чѣмъ какіе либо другіе элементы. Въ этомъ нѣть ничего удивительнаго, ибо человѣка гораздо глубже влечетъ къ огню, чѣмъ онъ думаетъ, и огонь безсознательно управляетъ имъ даже въ его естественіяхъ. Черезъ огонь человѣкъ сообщается съ богами въ время жертвоприношенія. Огонь—это символъ очищенія или даже одухотворенія и вознесенія. Куреніе алтарей — это фимиамъ, вдыхаемый самимъ божествомъ. Изыкъ его пламени охватывалъ жертву и былъ эмблемою даровъ Святого Духа. Безъ термического переживанія жизнь была бы лишена многихъ мыслей и метафора и наука и мораль потеряли бы многія изъ своихъ подтвержденій; не было бы ни адекаго жара, ни холода и жизнь стала бы совершенно монотонной. Даже симпатія, изъ которой выросла мораль, можно сказать, началась съ появленія теплокровныхъ животныхъ, которымъ клали яйца и высаживали своихъ дѣтенышъ и такимъ образомъ эти дѣтеныши скорѣе миновали опасный періодъ незрѣлости. Такъ какъ они были теплокровными, то нуждались въ совмѣстной жизни и отсюда развивались расовые инстинкты и потребность во взаимной помощи и сотовариществѣ *).

Если бы кто посчитался сдѣлать смѣлое, обширное, систематическое построение теоріи міра, основанной на томъ, что Бастианъ называетъ естественнымъ мышленіемъ, т. е. на мысляхъ, самыхъ близкайшихъ къ чувству,—согласно закону Авенаріуса, наиболѣе легкаго и экономического мышленія, включающаго педагогику, кулинарную и самую естественную наивную религию,—то онъ, быть можетъ, достигъ бы успѣха, развивая и сочетая отрывочные мысли и темы, нынѣ разсѣянныя и

*). A. Sutherland: Происхожденіе и ростъ нравственнаго инстинкта. См. также мысль, что если бы человѣческий родъ угадъ, то болѣе интеллигентъ занять мѣсто его имѣютъ птицы, которыхъ стали бы во главѣ животного царства.

поэтому бесполезныя. Гераклитъ, темный мыслитель Эфеса, отрывки изъ сочинений котораго, со времени Лассала собранные и возстановленные въ порядкѣ, подобно разсѣяннымъ Сибилловымъ листкамъ могутъ многому научить, представляютъ, какъ полагаютъ иные, лучшій продуктъ греческой мысли до-сократовскаго периода, когда пытались отыскать незыблемыя основания, на которыхъ можно было бы возстановить падающее государство. Beywater, Schuster, Bernays, Patrick и, больше всего, Teischmiller возстановили нѣкоторыя изъ главныхъ чертъ этой системы, какъ геологъ возстановляетъ общіе контуры обширныхъ горъ, нынѣ уже снесенныхъ, на основаніи нѣкоторыхъ указаний различныхъ пластовъ. Современная наука и генетическая психологія даютъ намъ новые узанія, какъ относительно того, что потеряно, такъ и относительно того, что могло бы быть или, быть можетъ еще существуетъ. Необходимо, чтобы научное воображеніе дополнило факты героическими гипотезами, подобно тому, какъ Платонъ яѣкогда дополнялъ свои положительныя ученія великими миѳами, которые такъ сильно говорятъ сердцу и которые въ послѣдніе теологические вѣка оказывали даже больше вліянія, чѣмъ его доктрины.

Подобно тому, какъ солнце ежедневно выдѣлялось землею, оставляя ее немного холода и блѣдна, и снова поглощалось ею къ ночи, такъ и душа есть огненная частичка, выдѣляемая природою и возвращающаяся въ ней въ моментъ смерти; ея дѣятельность, извѣстная степень горѣнія, пылania, возбужденія; ея культура, это — второе солнце, восходящее изъ безсознательности, какъ физическое солнце восходитъ изъ земли. Всѣ вещи могутъ слѣдовать «по пути внизъ» (смерть отня пре-вращается въ воздухъ, воздухъ, умирая, становится водою, вода становится землею, или паръ становится водою, а вода льдомъ), или «по пути вверхъ» въ послѣдовательныхъ юнахъ, съ возвращениемъ къ какой либо эпохѣ. Такъ свѣтъ разума можетъ горѣть высоко или горѣть низко: когда преобладаютъ чувства и матерія, мы становимся плотью, когда преобладаетъ духъ и мудрость, мы можемъ медленно превращаться сперва въ великихъ людей, потомъ въ божество или умирать огненною смертью, потому что нѣть перерыва въ непрерывности и мы сливаемся съ объемами крайностями. Быть можетъ, когда нибудь наступитъ день, когда мы скажемъ вмѣсть съ Гераклитомъ: «если кто либо пройдетъ всѣ пути, онъ все же не достигнетъ предѣловъ души, въ такихъ неограниченныхъ глубинахъ она скрывается». Trendelenburg говорить, что смыслъ этого тѣть, что душа имѣть неограниченную власть и знаетъ все, потому что она сама принадлежитъ той же природѣ, какъ и всѣ вещи.

Эта философія занимала ближайшее къ миѳамъ мѣсто и ея педагогическая отношенія къ нашему термодинамическому миру представляютъ поразительную аналогію съ отношеніемъ отрочества къ зрѣлому возрасту. Оцѣнить значеніе каждого изъ этихъ стадіевъ въ смыслѣ вступлениія и подготовительного периода составляетъ великую и реальную задачу, которая предстоитъ еще генетической миѳологии. И пока эта задача не будетъ разрѣшена, преподаваніе будетъ терпѣть ущербъ и представлять серьезные недочеты и, что еще хуже, такие же недочеты и пустое мѣсто будутъ ощущаться въ жизни ученика.

VIII. Организмъ человѣка даетъ намъ обильныя доказательства своего морскаго, пелагического происхожденія. Послѣ того, какъ у человѣческаго зародыша появились позвонки, мы все еще не можемъ опредѣлить въ теченіе какого времени, будеть ли это рыба, пресмыкающееся или четвероногое. Въ извѣстномъ стадіѣ человѣческій мозгъ, какъ впервые показалъ De Varigny, похожъ на мозгъ рыбы, но если онъ долженъ сдѣлаться человѣческимъ, то развитіе его продолжается. Сердце его вначалѣ двухкамерное, какъ у рыбы. Зародышъ человѣка имѣеть жабры, которая позднѣе медленно преобразуются въ легкія и тогда устанавливается двойное кровообращеніе. У человѣческихъ уродовъ жаберная щель нѣкоторое время не замыкается на щѣи и у многихъ дѣтей можно видѣть слѣды ихъ въ видѣ болѣе свѣтлыхъ пятенъ. Но мѣрѣ того, какъ зародышъ растетъ, одна изъ этихъ щелей превращается въ зобную железу, возможно, что и въ щитовидную железу. Dohrn полагаетъ, что ротъ человѣка развился путемъ слиянія пары этихъ щелей, а обонятельные органы изъ другой пары; что глазные мышцы суть остатки жаберныхъ мышцъ. Большинство ученыхъ согласны въ томъ, что среднее ухо, Евстахіева труба и барабанная перепонка, а быть можетъ и наружное ухо, также произошли изъ нихъ.

Если это такъ, то ясно, что въ этомъ стадіѣ важно, чтобы жаберные щели были правильно развиты, въ противномъ случаѣ всѣ тѣ органы, которые изъ нихъ происходятъ, также будутъ несовершенны. Это фактъ чрезвычайной важности для воспитательной области. Въ томъ-періодѣ жизни человѣка, когда онъ еще обладаетъ жаберными щелями, онъ находится въ стадіѣ своихъ очень древнихъ родичей, которые нѣкогда жили пелагическою жизнью, когда на земной поверхности не было ничего кромѣ воды. Конечно, изъ этого нѣть основанія заключить, что если въ этомъ стадіѣ удалить изъ утробы матери плодъ, то онъ будетъ плавать подобно рыбамъ, если его помѣстить въ воду, какъ это дѣлаютъ съ зародышами горной саламандры Атры, когда вынимаютъ ихъ изъ матери въ стадіѣ головастика, хотя внослѣдствіи, до-стягнувъ полного развитія, они тонутъ въ водѣ. Если душа также стара, какъ и тѣло, то мы должны ожидать, что мы найдемъ въ ней нѣкоторые пелагические слѣды, хотя они болѣе или менѣе сглаживаются въ дѣтствѣ или атрофируются, подобно остаткамъ мигательной перепонки глаза рыбы, находимой у человѣка. Попробуемъ же поискать доказательства.

1. Барослы и дѣти представляютъ нѣкоторыя психомоторныя явленія, которыхъ, по меньшей мѣрѣ, допускаютъ толкованіе въ смыслѣ атавизма былой водной жизни. Mumford¹⁾ нашелъ, что если держать младенца, которому только нѣсколько дней, лицомъ внизъ, такъ чтобы только кисти и стопы касались пола, то онъ дѣлаетъ своеобразныя движения, напоминающія греблю или плаваніе, при помощи которыхъ онъ подвигался бы впередъ, будучи въ водѣ. Раскрытые локти и ладони отталкиваются въ медленномъ ритмическомъ сгибаніи и разгибаніи, серіями по два или по три движения сразу, прерываемыи паузами, эти движения чрезвычайно напоминаютъ движения, которыхъ мы видимъ въ аквариумахъ. Ихъ истолковываются, какъ слѣды водной жизни.

¹⁾ Brain. 1897.

2. У дѣтей и даже у взрослыхъ, среди многихъ другихъ автоматическихъ движений, мы довольно часто наблюдаемъ качаніе изъ стороны въ сторону, или впередъ и назадъ¹⁾. Это напоминаетъ медленныя колебательные движения, употребляемыя рыбами во время плаванія или когда они стараются удержать свое положеніе въ теченіяхъ воды. Въ рѣдкихъ случаевъ эти движения чрезвычайно выражены продолжительны и могутъ даже становиться настолько навязчивыми, что истощаютъ энергию тѣла. Я зналъ одну слабоумную дѣвочку въ приютѣ, которая качалась по цѣлымъ днямъ, несмотря на всѣ старанія удержать ее, и умерла, повидимому, отъ истощенія, вызванного этимъ. Люлька или въ особенности кресло-качалка могутъ сдѣлаться настоящимъ болѣніемъ пунктомъ. Часто это дѣлается безосознательно, напримѣръ во время занятій. Такія же качательные движения вбокъ или вглубь и впередъ мы наблюдаемъ у многихъ большихъ животныхъ, запертыхъ въ клѣткахъ; почти у всѣхъ животныхъ изъ семьи кошечкъ, у медвѣдей, словоъ, а иногда и у маленькихъ позвоночныхъ. Фактъ, что эти автоматическія движения вообще усиливаются подъ влияніемъ усталости, говорить въ пользу акватической теоріи ихъ происхожденія, потому что усталость означаетъ временное ослабленіе контроля со стороны вышестоящихъ и главнейшихъ центровъ и, такимъ образомъ, возвратъ къ нисшамъ и болѣе первобытнымъ условіямъ. Вмѣстѣ съ Больтономъ мы можемъ сказать²⁾, что „всякія автоматическія, также какъ и выразительные движения суть не что иное, какъ ослабленные повторенія тѣхъ, которые нѣкогда были въ употребленіи“.

3. Постукиваніе кистью или пальцами, киваніе, которое иногда усиливается при хорѣ и дрожательномъ параличѣ, привычка стучать стопою или ногою объясняются Больтономъ тоже въ этомъ смыслѣ. Рыба, конечно, дѣлаетъ широкія движения хвостомъ и тѣломъ и болѣе тонкія движения плавниками, но такъ какъ мы не знаемъ происхожденія этихъ послѣднихъ движений, то такое объясненіе тѣхъ или иныхъ движений является скорѣе гипотетическимъ и во всякомъ случаѣ еще далеко отъ точного доказательства пелагического пережитка.

4. Многія движения и переживанія, слѣды которыхъ давно существуютъ въ памяти, быть можетъ до извѣстной степени на морфологической почвѣ, могутъ быть передаваемы цѣлому ряду поколѣній, хотя вичѣмъ не обнаруживаются въ виду отсутствія стимула или вслѣдствіе подавленія ихъ высшими центрами. Но во время болѣзни или сна, когда функция послѣднихъ устранина, эти старыя воспоминанія или функции могутъ становиться свободными. Когда высшіе и новѣйшіе по образованію центры разрушаются, то иногда возстаютъ события давно забытыя. Ослабленіе памяти начинается съ нового и менѣе организованаго и переходитъ къ старому, такъ что у насъ иногда являются мимолетные проблески отдаленного палеопсихического базиса или субстрата. Во снѣ, который есть какъ бы родъ декапитаций высшихъ функций, обнаруживаются древнія переживанія предковъ. Среди нихъ, какъ показываетъ статистика сновидѣній, весьма обычны плаваніе, скаканіе, скользаніе, вѣнѣ всакой зависимости отъ силы тяжести; мы плаваемъ вверхъ и внизъ съ такой же свободой, какъ движемся горизонтально, и эти ночные кошмары почти всегда сочетаются съ дифференцированнымъ дыхательнымъ ритмомъ. Мы вдыхаемъ или дышемъ глубоко и долго. Самъ авторъ довольно постоянно испытывалъ во снѣ слѣдующія переживанія: задерживая дыханіе какимъ-то особыеннымъ образомъ, онъ могъ подниматься отъ земли и парить по воздуху, совершая легкія движения членами и тѣломъ. И это переживаніе было настолько навязчиво, повторялось такъ часто, что иной разъ, когда онъ пробуждался, оно еще продолжалось нѣсколько моментовъ. Аналогичная переживанія отмѣчены въ цѣломъ рядѣ сновидѣній, когда субъектъ поднимается вверхъ, опускается внизъ, парить надъ холмами и долинами и можетъ перепрыгивать огромныя

1) См. Lindley, Автоматизмъ, op. cit.

2) Гидропсихозы; Am. Journ. of Phys. January, 1890, vol. X, pp. 171—227.

разстоянія. Нынѣ, когда легкія заняли мѣсто плавательныхъ пузырей, это единственное въ своемъ родѣ приганіе во снѣ указываетъ на то, что въ данномъ случаѣ слѣды функции пережили свою собственную структуру. Напи предки парили и плавали задолго до того, какъ у нихъ были ноги; почему же психика не можетъ удерживать слѣдовъ, какъ тѣло сохраняетъ своиrudиментарные органы? Быть можетъ, рѣчь здѣсь идетъ о нѣкоторыхъ древнѣйшихъ пластахъ или элементахъ нашей психической жизни, это какъ бы эхо воспоминанія о морѣ, которое было нашей первоначальной матерью и родиной.

5. Статистика самоубійствъ показываетъ, что женщины избираютъ эту стихію гораздо чаще, нежели мужчины, и что въ нѣкоторые періоды и въ нѣкоторыхъ странахъ онѣ по преимуществу выбираютъ ее, предпочитительно передъ всякимъ другимъ способомъ. Это есть одно изъ выражений глубокаго психического различія между полами. Тѣло и душа женщины филетически старѣе и болѣе примитивны, тогда какъ мужчина болѣе современъ, измѣнчивъ и менѣе консервативенъ. Женщины всегда болѣе склонны къ сохраненію старыхъ обычаяевъ и способовъ мышленія. Женщины предпочитаютъ пассивные методы; отдаются во власть элементарныхъ силъ, какъ тяжесть, когда они бросаются съ высоты или принимаютъ ядъ и въ этихъ методахъ самоубійства они превосходятъ мужчинъ. Эллісъ полагаетъ, что утомленіе стало болѣе частымъ въ что въ этомъ женщины сдѣлались болѣе женственными. Если мы допустимъ, что усталость или расовое истощеніе или упадокъ устраниетъ навсегда или временно контроль со стороны высшихъ центръ и что это даетъ поводъ къ возстановленію старой любви къ воднымъ условіямъ и силѣ ихъ, то мы пожалуй въ этомъ найдемъ нѣкоторое объясненіе притягательной силы воды. Боязнь воды появляется позже, такъ какъ приспособленіе къ земнымъ условіямъ дѣлаетъ ее болѣе опасной. Нормально это чувство подавляется, и наоборотъ. Пріобрѣтенная любовь къ плаванію есть позднѣйшее филобическое приспособленіе. Удѣльная тяжесть воды сопротивляется движенію, но не парализуетъ его и стремится замедлить всякия пассивныя движенія. Проза, поэзія и миѳ описали эти очарованія и населили море и рѣки миѳическими созданіями, которыхъ одновременно пугаютъ наскѣ и очаровываютъ¹⁾.

Вопросъ, имѣется ли здѣсь какой либо палеопсихический расовый элементъ, также навязывается самъ собою, но остается безъ отвѣта; въ одномъ я убѣжденъ, что здѣсь мы имѣемъ предъ собою вѣкское доказательство специфической притягательной силы или любви къ водѣ точно также какъ теперь, съ тѣхъ поръ, какъ забыта была специфическая гидрофобія, имѣется особое отвращеніе къ ней. Нѣкоторымъ стоитъ начать плавать, чтобы тотчасъ почувствовать навязчивый импульсъ навсегда погрузиться въ воду, какъ бы вернуться къ старой любви. «Возьми меня въ свои объятія, о море, унеси меня далеко отъ заботъ и страданій жизни; я всегда любиль тебя больше, чѣмъ твердую и жесткую землю. Позволь мнѣ плавать и унастись въ объятіяхъ твоихъ волнъ и въ концѣ концовъ растаять въ дикомъ, просторномъ океанѣ»: это чувство не лишено родства съ религиознымъ мотивомъ пантеистического воплощенія.

6. Дѣти филетически даже старше женщинъ и послѣ первого испуга и страха большинство изъ нихъ испытываетъ величайшее наслажденіе, находясь въ водѣ. Берегъ, откуда все формы впервые выплыли и сдѣлались земноводными, къ которому все земные формы возвращаются для того, чтобы класть яйца или выращивать своихъ дѣтенышъ, этотъ берегъ составляетъ еграѣть дѣтей. Какъ показалъ Kline, море больше всего влечетъ къ праздности. Плавать, плескаться, лежать на берегу и грѣться на солнцѣ, это является иной разъ настоящимъ гидроневрозомъ и дѣти томятся всю зиму и живутъ только мыслью, какъ бы скорѣе настало лѣто и они опять увидѣть море. Для нихъ это страшная потеря, если они не мо-

1) „Изслѣдованіе о страхахъ“; Am. Journ. of Psy., January 1897, vol. viii, pp. 147—249.

гуть войти въ воду и даже лѣнивые дѣти проходять большия разстоянія, лишь-бы поплавать въ водѣ нѣсколько разъ въ день. Даже опасность, которая такъ часто представляется, опасность утонуть, не можетъ ихъ удержать. Не удерживаетъ ихъ и холода; прикосновеніе воды къ кожѣ это восгоргъ и восхищеніе. Если идти по близости плота или рѣки, или ручейка, они отыскиваютъ какой нибудь прудъ или канавку и счастливы, когда могутъ играть въ ней даже въ бурную непогоду. Если мальчики не могутъ плавать, то они устраиваютъ себѣ плотъ, идуть на парусахъ, ловить рыбу, плескаются и рѣзваются въ лужицахъ, цистернахъ и т. п., баражаются въ грязи, прыгаютъ подъ дождемъ съ непокрытой головою и даже совсѣмъ безъ одежды, и это для нихъ величайшее удовольствіе. Горе ребенку, который не имѣетъ доступа къ морю или къ берегу. Нѣть, быть можетъ, высшаго счастья для дѣтей, нигдѣ они не чувствуютъ себя въ своей средѣ, какъ именно у моря, если находятся при благопріятныхъ условіяхъ. Кажется, что дѣти чувствуютъ себя хорошо оттого только, что они промокли. Иногда импульсъ погрузиться въ воду бываетъ такъ нестяженъ, что они бросаютъся въ нее въ одѣждѣ. Тѣ, которые постарше или менѣе активны, могутъ сидѣть цѣлыми часами и глядѣть на воду моря или рѣки и прислушиваться къ ея движенію. Наилучшее доказательство факта этой гидрофилии, это-то, что холодъ или первоначальный страхъ, еще увеличенный фантазіей и суевѣріемъ, предъ воображаемой или настоящей опасностью потомъ превращается въ наслажденіе, когда удается его преодолѣть. Наслажденіе ходить босикомъ никогда не бываетъ такъ сильно, какъ если представляется возможность переходить бродъ, и мальчикъ 12 лѣтъ, который объяснилъ, что онъ любитъ воду какъ рыба, и что онъ не знаетъ такого мальчика, который не любилъ бы ее такъ, что онъ чувствуетъ себя совершенно другимъ, когда онъ далекъ отъ воды, такой мальчикъ типиченъ.

7. Многія животныя, которыя долго пробыли на землѣ, возвращаются снова къ морю, чувствуя къ нему влечение, и приобрѣтаютъ морскія привычки, причемъ отъ организации четвероногихъ они медленно возвращаются къ чертамъ, напоминающимъ рыбу. Они до такой степени отказались отъ суши, что ихъ часто называютъ рыбами. Они еще дышать легкими и вынуждены бывать периодически всплыть на поверхность. Сердце ихъ четырехкамерное, какъ у четвероногихъ; они рождаютъ живыхъ дѣтенышъ и не кладутъ яицъ, какъ рыбы; они млекопитающія и кормятъ молокомъ своихъ дѣтенышъ; у нихъ имѣются зачаточные зубы, ноги и тазъ, которые однако не развились или преобразовались въ родъ плавниковъ и въ хвостъ. Наиболѣе извѣстный типъ этого рода есть, безъ сомнѣнія, китъ. Онь, вѣроятно, долгое время прожилъ на землѣ, но слѣды его наземной жизни въ значительной мѣрѣ сгладились. Сюда же нужно отнести морскую свинью, дельфина, тюленя, моржа; въ то же время полярный медвѣдь, морская выдра, пингвинъ, морской левъ, бобръ, утконосъ, ластоногая двуутробка, дюгонъ, манатъ, океанская черепаха, морская змѣя и многіе другие развились обратно въ разной степени изъ наземнаго типа. Члены утрачены или преобразовались въ ласты или плавники и главная измѣненія всегда касаются менѣе типичныхъ структуръ, стало быть, съ меньшою наследственностью. Китъ приобрѣлъ свой жиръ для тепла; кожа, клыки, зубы, глаза, форма головы измѣнились. Легкія часто расширяются по мѣрѣ того, какъ животное приобрѣтаетъ способность оставаться подъ водою. Обратное развитіе сопровождается увеличеніемъ объема и уменьшеніемъ энергіи, которая требуется для передвиженія и отыскиванія пищи. Но мѣрѣ того, какъ тазъ увеличивается, увеличивается способность вынашивать болѣе крупныхъ и болѣе крѣпкихъ дѣтенышъ съ меньшимъ вредомъ для родителей.

Для простой души ребенка вода живеть, поеть, смеется, стонеть, маниТЬ, часто разговариваетъ, произносить слова и фразы, о чёмъ Болтонъ собралъ много наблюдений. Иногда ея разговоръ превращается въ бѣшенство и гнѣвъ, въ бурю и волненія; она коварна и вѣроломна. Дѣти выкладываютъ ей свои тайны, журятъ ее и дарятъ подарки, оли-

цетворяютъ ручьи, фонтаны, рѣки и волны и вѣра ихъ въ населяющихъ воду нимфъ, водяныхъ духовъ, сиренъ и вплоть до баснословныхъ чудовищъ, вѣра въ волшебные подводные замки, города, усыпанные драгоценными камнями гроты не знаетъ границъ, чemu въ литературѣ имѣются безчисленныя доказательства.

Отрочество измѣняетъ отношение къ морю и въ душѣ всплюваютъ гидропсихозы. Кривая числа убѣгающихъ къ морю круто возрастаетъ и жизнь моряка является въ этомъ возрастѣ самымъ сильнымъ призваніемъ. Море говорить о вѣчности, оно направляетъ мысли къ горизонту, краснорѣчиво разсказываетъ о «вещахъ, которыхъ они не въ состояніи выразить, но и не могутъ скрыть». Пребываніе на морѣ съ его многозвукными голосами удовлетворяетъ, ласкаетъ, успокаиваетъ, даетъ отдыхъ душѣ и во многихъ направленіяхъ отражаетъ внутреннія настроенія. Оно уноситъ все дальше и дальше, хотѣлось бы плыть все далѣе, быть можетъ, до самой луны и звѣздъ, и вмѣстѣ съ Флоберомъ возмущающейся наукой, которая поставила границы величию старого океана, который въ дни Гомера не только обращался вокругъ земли но и сливался съ небомъ. Одинъ изъ моихъ друзей собралъ среди юношей свыше 200 гимновъ, которые показываютъ, какой великій религіозный урокъ, какое глубокое религіозное настроеніе вызывается акватическими картинами. Иные, глядя въкоторое время на море, невольно начинаютъ молиться ему. Вмѣсто дѣтской страсти играть въ водѣ или съ нею, или желанія купаться, нарождается любовь созерцать воду и мечтать наединѣ у берега. Кривая ъзы на водкѣ не только претерпѣваетъ рѣзкій подъемъ вверху, но кажется, что здѣсь кроется инстинктъ, обладающій громадной и почти божественной силой. Эти приливы, отливы, теченія, волны, бури, мелководья и глубокія бездны, это прозрачное, какъ стекло, море отражаютъ и даже создаютъ настроеніе. Душа желала бы быть такою же безграничною, чистой, глубокою, упорною, какъ море. Глубина отвѣчаетъ на глубину и въ первое время какъ бы слышатся голоса угасшихъ поколѣній, чувствуешь себя такимъ же старымъ и полнымъ погребенныхъ сокровищъ и секретовъ. Или же оно свирѣпо, коварно, измѣничиво; оно то тихо ударяется о скалистые берега, то набрасывается съ бѣшенствомъ или съ мольбою. Чувства эти подобны приливамъ и отливамъ, подъ вліяніемъ ихъ мысли самопроизвольно всегда куда то уносятся. Какъ будто въ организмѣ, подобноrudimentарнымъ акватическимъ органамъ имѣются также психические резонансы и симпатіи къ морю. Море—мать жизни, пробуждаетъ въ душѣ новую переоцѣнку всего того, что имѣется въ литературѣ, миѳахъ и церковныхъ обрядахъ. Любовь родилась въ морскихъ безднахъ и вмѣстѣ съ солнцемъ восходить изъ моря, морскія волны разбиваются подобно разбивающемуся сердцу и умираютъ въ пѣнѣ; душа подобна раковинѣ вѣчно шепчеть, разсказываетъ о морѣ, о тѣхъ ужасахъ и очарованіяхъ, которые наполняютъ его глубины съ тѣхъ поръ, какъ тамъ поселились старый Силенъ и Тритоны. Въ нормальной душѣ всплюваютъ въ это время тѣ самые психические осадки, которые создали и дали жизнь и святость жертвоприношеніямъ, крещеніямъ, оракуламъ, водянымъ божествамъ, философскимъ ученіямъ, подобнымъ учению Фалеса, который рисовалъ воду

источникомъ всѣхъ вещей, или Гераклита, который видѣлъ въ парѣ, водѣ и льдѣ ключъ вселенной, которая постоянно течеть вверхъ и внизъ съ разрѣженіема и сгущеніема между эфиромъ и скалами. Душа гидротропична, ее влечетъ къ водѣ и этимъ моментомъ нужно воспользоваться, для того, чтобы дать выходъ глухимъ и нѣмымъ теченіямъ въ душѣ и направить индивидуальная вдохновенія ко всему лучшему, что дали литература, искусство, исторія рась—и тогда преподаваніе явится наивысшимъ и самымъ святымъ призваніемъ. При всемъ моемъ эмпиризмѣ и желаніи использовать гдѣ только возможно личное, индивидуальное переживаніе, я не могу читать этихъ юношескихъ изліяній безъ того, чтобы это не возбуждало во мнѣ вѣры въ существованіе остаточныхъ слѣдовъ отъ отдаленныхъ вѣковъ. Вѣро въ то, что душа до сихъ порь еще, подобно тѣлу нашему, носить въ себѣ слѣды пещической жизни. Здѣсь одинаково опасно вѣрить, и не вѣрить¹⁾.

IX. Казалось бы, что можетъ менѣе внушать человѣку симпатію, какъ не скалы, камни и минеральныя богатства земли. И, однако, при всей своей твердости, холдности, мрачности, они играли чрезвычайно важную роль въ формированіи и выраженіи человѣческой души. Многіе, когда они думаютъ о матеріи, представляютъ себѣ скалы или землю въ различныхъ формахъ, и мы много обязаны нашими представлениями о твердости этимъ формамъ, и даже самая идея о веществѣ во многихъ умахъ находится въ тѣсномъ соотношеніи съ впечатлѣніями, исходящими изъ этого источника, который однако не имѣть ничего общаго съ современной минералогіей и геологіей. Менгиры, дольмены, надгробные камни, башни, всякаго рода Swastica, круги Друидовъ, алтари, очаги, традиціи и обычаи, создавшіеся вокругъ «Woden stone», въ отверстіе котораго клади руку, когда клялись въ вѣрности, камень Св. Филлана, гдѣ до 1798 г. исцѣлялись больные; священные камни Ирландіи, къ которымъ склонялись девушки, чтобы увидѣть своихъ будущихъ жениховъ; движущіеся камни, каменные каѳедры Франціи, храмовыя колонны, камни свидѣтельства, подобно камню въ Мицла, черный камень «шишпеда» въ Эмезѣ, камни желаній, камни благодати, возліянія, запрета, кровавыхъ жертвъ, судебного приговора, камни зачатія, королевские камни, сторожевые камни, знаменитый Бларнейскій камень, поклоненіе надгробнымъ памятникамъ въ Индіи, камень клятвы и символъ Меркурия, камни мистической формы съ таинственными знаками, волшебные камни, камни испытанія, естественные магниты, магнитныя горы, Эдиповы миоы разнообразныхъ формъ,—все это говорить о какой то аналогіи съ каменнымъ вѣкомъ въ психологіи; однако, она не имѣть почти ничего общаго съ вѣкомъ каменныхъ орудій производства у антропологовъ. Дикари часто думаютъ, что ихъ священные камни по ночамъ приходятъ въ движение. Во многихъ мѣстахъ Палестины, особенно восточной, археологи не находять почти никакихъ другихъ остатковъ древняго еврейского или доеврейского культа.

Весьма сильна и распространена первобытная вѣра, быть можетъ.

1) О вліяніи моря на англійскую литературу. Drei Studien von A. Fischer. Gotha 1892.

особенно рѣзко проявляющаяся на островахъ Тайти, что камни, особенно имѣющіе какую-нибудь странную форму, имѣютъ души, которыхъ удаляются къ богамъ, когда камень будетъ разбитъ. Св. Арнобій имѣлъ обыкновеніе молить о благословеніи для каждого помазаннаго камня. Совѣтъ въ Толедо въ 681 году до Р.Хр. декретировалъ наказаніе камнепоклонникамъ, а въ 789 г. Карлъ Великій осудилъ ихъ. Многія изъ этихъ древнихъ реликвій, созданныхъ по обѣту или увѣнчивающихъ курганы неизвѣстнаго происхожденія, быть можетъ, были построены для того, чтобы увѣковѣчить астрономическую науку и проч. и суть продукты психоза, нынѣ почти угасшаго у взрослыхъ, но находящаго неизгладимый откликъ въ дѣтскомъ возрастѣ.

Еще болѣе интересно изученіе драгоценныхъ камней, такъ какъ оно открываетъ намъ весьма тѣсную связь съ высшимъ развитіемъ души. Многія изъ нихъ носятъ теперь какъ украшеніе, но вѣкогда это были волшебные камни, талисманы, и названія ихъ часто указываютъ уже на то, что они означали для сердца. Бѣлленный камень заключалъ въ себѣ ядъ; янтарь, который вѣкогда считали камнемъ, представлялъ концентрированные слезы итицы или электрицъ и теперь еще иногда его носятъ при болѣзняхъ горла. Камень-карбункуль былъ посвященъ ангелу Аморелю; пробирный камень служилъ для испытанія; кровавикъ укрѣплялъ, знаменитый Безоардовыій камень изъ почекъ арабской антилопы былъ талисманомъ противъ яда, сапфиръ противъ аплексіи; лунные камни увеличивались и уменьшались вмѣстѣ съ луною, были прозрачны въ счастливые дни и тускнѣли въ несчастные дни, магнитъ дѣялъ невидимымъ, излѣчивалъ отъ головной боли и любви и теперь еще покупается для заклинанія отъ чаръ любви; гидрофанъ, обладающій свойствомъ поглощать жидкости, становился тусклымъ или прозрачнымъ, въ зависимости отъ психического состоянія; глазной агатъ излѣчивалъ болѣзни зрѣнія; хризоберилль или кошачій глазъ разгонялъ злыхъ духовъ; камень Каботъ предсказывалъ погоду; опалы при всей ихъ красотѣ находятъ мало покупателей потому, что они приносятъ съ собою несчастье, тогда какъ обсидіанъ, нефрітъ, халцедонъ, сердоликъ, ониксъ, сардоникъ, сардъ, аметистъ, малахитъ, турмалинъ, драконідъ изъ головы дракона, орлиный камень изъ головы орла, и многіе другие являлись предметами суевѣрныхъ представлений или символами чувствъ, носились, какъ сережки, амулеты, брошки, кольца и представляли громадную важность; ихъ гравировали, гранили, окрашивали въ различные цвета и проч. Если мы расширимъ наши наблюденія и включимъ сказанія и символизмъ брилліантовъ, золота, ртути, мѣди, желѣза, кристалловъ, кремнѣй, почвы, песку и поразмыслимъ объ ихъ мистическомъ, аллегорическомъ и метафизическомъ значеніи, то тогда поймемъ, какое громадное значение они имѣли для философскаго психогенеза.

Аборигены Америки происходятъ прямо изъ недръ земли и чувствуютъ, какъ рассказывали Текумсе генералу Гаррисону, что земля была ихъ матерью и послѣ смерти они найдутъ покой въ ея недрахъ. Не только наши тѣла суть прахъ и въ прахъ обратятся, но для многихъ первобытныхъ расъ душа вѣдеть гномонодобное, подземное существо

ствование. Мертвые живутъ своей блѣдной жизнью подъ нашими ногами, даютъ урожай, плодородіе почвы, управляютъ рудниками и погребенными сокровищами, а въ голодные годы они должны быть умилостивляемы для того, чтобы земля снова родила.

Если мы примемъ точку зрѣнія Спенсеръ-Аллена относительно поклоненія природѣ, что камни были впервые признаны священными, потому что они воздвигались на могилахъ, то святость ихъ объясняется поклоненіемъ предковъ, и даже миѳы, подобные миѳу о Девкаліонѣ, который превращасть камни въ людей, откуда произошло поклоненіе имъ, какъ родичамъ, можетъ пролить свѣтъ на происхожденіе идолопоклонства и лучше всего объяснить намъ, какой смыслъ кроется въ крайнихъ воззрѣніяхъ, которыя производить еврейскаго Эля (Бога) и даже христіанскаго Бога отъ священнаго камня предковъ¹⁾.

Въ космическихъ миѳахъ горы часто поддерживаютъ небеса, хотя въ другой разъ гора есть вышуклый, пустой небесный сводъ, а мы находимся внутри, а не внѣ ея²⁾. Голова Атласа иногда касается ѿвернаго полюса. Индійская гора Меру есть полярная родина боговъ, столбъ соединяющій небо и землю, вышшая точка земли; она проходить сквозь землю и появляется на другой сторонѣ. Китайцы полагаютъ, что горы состоять изъ болѣе тонкаго вещества, чѣмъ ровная земля; а Шопенгауэръ говоритъ, что изученіе и видъ горъ переносить насъ въ высшія области мысли. Всеобщее разрушеніе „хъ не касается. Горы часто являются жилищами боговъ, и горамъ поклоняются, какъ богамъ. Они поддерживаютъ землю. Все, относящееся къ горѣ Ногеѣ было священнымъ, а считавшаяся священной гора Негон до сихъ поръ носить сльды многочисленныхъ храмовъ. Здѣсь приносили жертвы Эфранмиты, и многіе языческіе храмы и церкви строились на священныхъ горахъ, перечень которыхъ, вѣроятно, далеко неодинаково относился бы ко всѣмъ горамъ земли, ибо, по словамъ Wordsworth'a, «каждая гора есть наиболѣе совершенная». Многіе искусственные холмы и пирамиды какъ-бы соперничаютъ съ природными горами. У Будды странствованіе по горамъ является символомъ отреченія отъ земныхъ благъ, и до сихъ поръ подобная экскурсія ставится высоко. Феномены высотъ содѣйствуютъ высокимъ мыслямъ и общенію съ богами и часто привлекаютъ сюда монаховъ, напр., бенедиктинцевъ. Нерѣдко на горахъ выставляютъ погонниковъ, и не одна гора, въ воображеніи вѣрующіхъ, проникала въ середину неба. На ихъ вершинахъ находится земной рай и, можетъ быть, чудесные сады и фонтаны. Конусъ есть священный символъ холма.

Гора Синай есть мрачная гранитная безводная скала, напоминающая по своей безжизненности лунную гору и подверженная страшнымъ бурямъ. Она очень своеобразна, представляетъ необычное явленіе въ далекой равнинѣ Сахары «одинъ изъ самыхъ необычныхъ феноменовъ на поверхности земного шара»³⁾. Въ нѣкоторомъ отношеніи это есть

¹⁾ Grant Allen: Эволюція иден о Богѣ, гл. V.

²⁾ O'Neill: Ночь Боговъ, voll. ii, viii, p. 383.

³⁾ Renan: History of the people of Israel, chap. XIV.

египетская гора; ея голые скалы служили предметомъ поклоненія задолго до того, какъ евреи увидѣли се. Впечатлѣніе, произведенное ея необычайнымъ видомъ въ первый разъ на жителей равнины, было неизгладимо. Подобно священной японской горѣ, Олимпу и многимъ другимъ это было жилище боговъ. Богъ Синая, когда онъ спускался скутанный облаками, былъ жестокимъ божествомъ, которое направляло бурю и молнию и носилось на крыльяхъ вѣтра. Оно было столь страшнымъ, что никто, увидѣвъ его, не могъ остатся въ живыхъ. При божественномъ появлениіи Моисей долженъ былъ скрыться въ расщелинѣ скалы и закрыться рукою и тогда онъ могъ увидѣть только божественные одежды. Егова былъ специальнымъ мѣстнымъ божествомъ и Синай послѣ Моисея былъ «основой всей теологии израильянъ». Съ тѣхъ поръ они настолько же стали народомъ Горы, какъ въ дни Эзры они стали народомъ Священной Книги. Горные феномены проникли въ ихъ литературу и придали ей возвышенное направление. Послѣ божественного появленія гора сдѣлалась ихъ Парнасомъ и Олимпомъ вмѣстѣ. Дѣти Израиля оставили ее, полные благоговѣнія, ужаса и вѣры въ страшную силу божества, которое заставляло дрожать землю и пребывало въ шатрѣ тучъ. Наконецъ, посредствомъ горныхъ явлений объявлялся пріговоръ.

Разумъ дѣтей также полонъ вымыслами относительно камней. Дѣти собираютъ ихъ въ качествѣ талисмановъ, держать ихъ въ теплотѣ, иногда въ ватѣ; принимаютъ песокъ за дѣтенышей камней, сажаютъ и поливаютъ ихъ, чтобы увидѣть, не выростутъ ли они; уносятъ изъ кучи, чтобы они не давили другъ друга; избѣгаютъ наступить на нихъ, выуживаютъ ихъ изъ огня и воды, чтобы имъ было удобнѣе; даютъ имъ есть грязь и песокъ; вѣрятъ, что они падаютъ съ дождемъ или выходятъ изъ земли, такъ какъ послѣ ливня ихъ можно видѣть въ большомъ количествѣ; жалѣютъ о маленькихъ или некрасивыхъ; присваиваютъ имъ общественные интересы и иногда складываютъ ихъ; даютъ имъ имена, говорятъ съ ними; считаютъ скалы дружественными или враждебными, покровителями или молчаливыми свидѣтелями, которые могли бы говорить, считаются ихъ какъ бы живыми, думаютъ, что они могутъ цѣнить, что они имѣютъ моральные качества и способны сочувствовать, и часто относятся къ нимъ какъ къ фетишамъ¹⁾.

У юношества это свойство рѣдко доживаетъ до увлечения игрой и вѣры, хотя у некоторыхъ оно остается постояннымъ на всю жизнь²⁾. Наши данные показываютъ слѣдующія типическія измѣненія: 1. представление о долгомъ возрастѣ и постоянствѣ камней и скаль наступаетъ съ расширениемъ чувства времени; 2. бываетъ очень замѣтный подъемъ интереса къ драгоценнымъ камнямъ и глубокая оцѣнка ихъ красоты и различныхъ, свойственныхъ имъ чертъ, часто въ связи съ новыми предразсудками; 3. рѣдкіе и иноzemные камни болѣе цѣ-

¹⁾ *Fetishism in children*, by G. Harold Ellis; Ped. Sem., June, 1902, vol IX, pp. 205—220.

²⁾ Gould: *Child Fetishes*. Ped. Sem., vol V, p. 421.

няется; 4. значение общественности усиливается и подарки и знаки памяти приобретаютъ большое значеніе и являются болѣе желанными; 5. монументы и, еще болѣе горы теперь действительно впервые поняты и перечувствованы, въ то время какъ для дѣтскаго ума ихъ объемъ слишкомъ великъ; 6. скала и земля дѣлаются символомъ реальности, солидной крѣпости и вообще вещества; и, наконецъ, изъ нихъ не только собираются коллекціи, но ихъ приводятъ въ порядокъ и группируютъ съ гораздо большей осмыслинностью и вкусомъ къ классификаціи.

Геология и физическая географія, каковыя науки въ нашихъ школахъ изучаются все меньшимъ количествомъ юношь, слишкомъ лишены человѣческихъ свойствъ, чтобы нуждаться въ народныхъ легендахъ, декорацияхъ, пейзажахъ, береговыхъ линіяхъ и картинахъ, и динамическихъ и историческихъ элементахъ. Палеонтологія, полная обаянія великихъ мировыхъ переживаній, загромождается деталями и техническими названіями и забываетъ, что ростущее поколѣніе анализируетъ въ томъ смыслѣ, что у него первые являются широкіе взгляды и кругозоръ. Петрографія и кристаллографія могутъ произвести впечатлѣніе, если эти науки будутъ преподаваться сильнымъ умомъ, который одинъ только способенъ къ элементаризаціи. Точно также впослѣдствіи разработка копей, металлургія, экономические, коммерческие и промышленные процессы превосходятъ, согласно природѣ и умственному развитію, классификацію и технику. Изученіе ледниковъ, береговъ, взморья, старыхъ вулкановъ, горныхъ видовъ, коллекціи, экскурсіи и, прежде всего, устныя бесѣды, которые составляютъ наилучший методъ для учителя, равно заинтересованного предметомъ и юношествомъ—только начинанія этого возраста никогда не разочаровываютъ его.

10. Теперь я подхожу къ новому измѣненію отрочества, которое я считаю для него самымъ характернымъ, существеннымъ и прекраснымъ—это новое отношение къ цветамъ и растеніямъ. Раньше оба эти психическихъ свойства, приписываемыя имъ, и производимое ими впечатлѣніе на ребенка преобладаютъ свободно и наивно въ физическомъ мірѣ чувствъ. Пользуясь данными Алисы Таеръ (Thayer¹) и др. мы теперь въ общихъ чертахъ можемъ описать эти измѣненія наиболѣе затронутыхъ чувствъ. Дѣти любить ласкать и осязать цветы и пѣкоторыя съ трудомъ могутъ отнять свои руки отъ встрѣчающихся въ саду цветовъ. Цветы часто служатъ игрушками и ими играютъ какъ куклами, любимыми животными, принадлежностями стола, солдатами и монетами, изъ нихъ дѣлаютъ гирлянды, пояса, ожерелья и пестрыя уврашенія, и лепестки ихъ—мягки по отношенію «къ несчастному» и ласкаютъ его. Ненавистными являются тѣ, которые жалять, колятъ, смолисты или оставляютъ пятна; или, наоборотъ, имъ больно, когда ихъ топчу ногой, рвутъ. Но съ наступленіемъ второго десятка лѣтъ ихъ часто ласкаютъ, прижимаютъ къ щекамъ, къ шеѣ, губамъ, ихъ цѣлюютъ и зарываютъ въ нихъ лицо. Упоминаютъ о ихъ прохладѣ и еще чаще о бархатной мягкости ихъ лепестковъ и ихъ благоуханіи. Это бываетъ

¹⁾ Въ скоромъ времени появится статья въ Ped. Sem.

чаще съ любимыми цветами или съ тѣми, которые ассоциируются съ любимыми лицами, мыслями или случаями, въ то время какъ рѣзче выступаетъ желаніе коснуться безразличныхъ или нелюбимыхъ цветовъ, а отношеніе къ другимъ чувствамъ болѣе удовлетворяется. Обознаніе, которое и раньше наступленія отрочества играло выдающуюся роль для различенія чисто чувственнымъ путемъ приятного отъ противнаго, теперь по отношенію къ цветамъ становится очень значительнымъ и гораздо болѣе субъективнымъ факторомъ. Иррадіація его все болѣе и болѣе расширяется. Запахъ становится почти душой цветка. Онъ служить показателемъ человѣческихъ свойствъ, каковыя теперь являются принадлежностью цветовъ и этому явленію, главнымъ образомъ, обязанъ символизмъ цветовъ. Своимъ благоуханіемъ цветы намекаютъ на преступленіе, смерть, похороны, болѣзнь, вѣнчаніе, церковь, пасху, весну, лѣсную свѣжесть, одиночество, текущій ручей, открытая поля, солнечное сияніе, лѣтнія и осення сцены, празднства, любовь въ ея многочисленныхъ формахъ. Они приносятъ радость, депрессію, задумчивость или чувственное ощущеніе, благодаря чему становится почти предосудительнымъ наслаждаться благоуханіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Дурно пахнущіе цветы, можетъ быть кажутся морально дурными, ихъ запахи предсказываютъ спокойный, тихій или дурной характеръ. Наоборотъ цветы съ приятнымъ запахомъ являются дружественными. Несколько труднѣе осилить непріятные запахи. Молодой человѣкъ неожиданно встрѣтилъ въ полѣ дикую розу и понюхалъ ее. Не сознавая совершенно причины, онъ запласалъ и только черезъ нѣкоторое время онъ могъ вспомнить, что его покойная мать нѣсколько лѣтъ тому назадъ, стоя въ дверяхъ, окликала его, когда онъ стоялъ на этомъ мѣстѣ. Такимъ образомъ цветы могутъ напоминать своимъ ароматомъ всю душу, «ихъ дыханіе можетъ давать приятнымъ міръ страданій», «ихъ колеблющіяся кадильницы съ нѣжными запахами» и т. д.; или они могутъ раздражать носовые органы и черезъ нихъ душу зловонными и отвратительными испареніями.

Такимъ образомъ, ихъ яркая окраска дѣйствуетъ на внутренній міръ, вызывая представление о крови, огнѣ, небѣ, снѣгѣ, январскихъ поляхъ, одиночество и дружба, драгоценныхъ камняхъ, солнечномъ сияніи, блескъ сверкающаго золота, (хотя наиболѣе ненавистные цветы желтаго цвета). Пріятные и непріятные цветы даютъ толчокъ къ сложному символизму. Бѣлый цветъ означаетъ неизреченную чистоту; красный цветъ — жизнь и любовь и олицетворяетъ сердце; пурпуровый является царскимъ цветомъ. Цветы кажутся болѣе интенсивными и за ними есть что то мистическое и трансцендентно-реальное. Соотношенія ихъ образуютъ цѣлую симфонію или мучительный диссонансъ.

Вкусъ кажется менѣе всего измѣненнымъ, хотя дурной вкусъ не такъ непосредственно портить красоту. Тѣ растенія и цветы, которые относятся къ медицинѣ, токсикологии или съѣдобные имѣютъ тенденцію быть исключенными изъ среды эстетики, такъ какъ польза и красота расходятся другъ съ другомъ. Эти перемѣны хотя ясно выражены, однако имѣютъ пѣкоторую параллель съ другими. Для ребенка цветы живутъ и умираютъ, растутъ, снятъ, устаютъ, болѣютъ, чувствуютъ голодъ,

жажду и температуру. Они любимы, потому что они свѣтлы, красивы или благоухающи. Можеъ бытъ даже перевязываютъ ихъ раяы, шлють просительныя и благодарственныя молитвы о дождѣ ради нихъ. Нѣкоторыя дѣти хотѣли бы сдѣлаться цвѣтами, но остаются пе-редъ той мыслью, что цвѣты быстро умираютъ, находятся въ пренебреженіи, предоставлены одни ночному холоду; поэтому дѣти хотѣли бы быть подобно имъ, разумѣя при этомъ, что цвѣты пользуются любовью и ласками тѣхъ лицъ, благосклонность которыхъ кажется для нихъ желательна, или потому что цвѣты отличаются красотою; или у дѣтей является желаніе быть чистыми, добрыми и нѣжными какъ цвѣты. Платонъ образно выражается, что человѣкъ самъ является растеніемъ небеснаго происхожденія и ребенокъ представляетъ его растительную стадію.

Съ наступленіемъ юношескаго возраста міръ цвѣтовъ понемногу пріобрѣаетъ новое, гораздо болѣе разнообразное и глубокое значеніе. Осязаемость и дѣйствіе на органы чувствъ становятся неважными, и на первый планъ выступаетъ субъективный тонъ. Ихъ отношенія становятся болѣе сокровенными и они вліяютъ на человѣческую жизнь болѣе психически, чѣмъ физически. Въ то время, какъ многія предшествующія тенденціи находять дальнѣйшее развитіе, другія теряются и въ качествѣ нарождающейся и вырождающейся реакціи души мы встрѣчаемся съ выраженіями «вдохновляютъ», «кажутся пріятными», «поддер-живаютъ», «говорять о чѣмъ-то».

Количество культивированныхъ «въ отличіе отъ дикорастущихъ» растеній, которая становится извѣстными, а также любимыми или не любимыми, постепенно увеличивается, особенно у городскихъ дѣтей. Является новая способность къ воспріятію формы и образа. Является индивидуальное предпочтеніе. Ярkie образы фантазій постепенно переходятъ въ чувство, и рано появившіяся фиктивныя свойства воспринимаются уже не вѣрою, а чувствомъ и ихъ эффектъ становится на-столько устойчивымъ какъ будто онъ поглощенъ и оплодотворяетъ все сердце. Чистое одухотвореніе ребенка исчезаетъ, хотя оно можетъ остаться, какъ чувствование въ болѣе глубокомъ смыслѣ. Нѣкоторыя къ своему смущенію находять ненавистныя и дорогія качества въ од-номъ и томъ же цвѣткѣ, или чувствуютъ сожалѣніе къ цвѣткамъ благоухающимъ, по безобразнымъ по формѣ или окраскѣ.

По отношенію къ языку цвѣты выражаютъ ребенку согласіе и несогласіе, лепечутъ пискливыми голосами, щебечущими устами, по-добно костюмированнѣмъ фоямъ, просить воды или ухода, говорить другъ съ другомъ на собственномъ языкѣ и, когда они остаются одни ночью, или при лунномъ сияніи, то можетъ быть слышно какъ они говорятъ: „не наступи на насъ“, „бери меня съ собою“, „люби или будь подобна намъ“, „весна пришла“, „будь счастливъ“, „нась творить природа для тебя“. Они, по крайней мѣрѣ, стараются сказать, что ни-будь очень нѣжное на молчаливомъ нарѣчи, или они вздыхаютъ, поютъ, плачутъ, говорятъ пріятныя вещи, охотно бесѣдуютъ съ пчелами, птицами, деревьями и травой. Но хотя обыкновенный взрослый мальчикъ уже не слышитъ разговора и не вѣритъ въ него,

все же они допускает болѣе высокое символическое общеніе. Ихъ движенія полны граціи, привлекательности и изобразительности. Они прозорливо открываютъ намъ истинную душу природы. Они созерцаютъ, симпатизируютъ, съ ними легко или трудно войти въ дружбу, они побуждаютъ къ коварству, одиночеству, радости или страданію. Они «пылаютъ мистической любовью» и каждая почка и листокъ полны сновидѣній. Ихъ разговоръ ведется на языкѣ никому въ точности неизвѣстномъ, но который при извѣстномъ настроеніи доходить до каждого сердца. Они преподаютъ уроки добродѣтели и полезности и побуждаютъ къ благородной жизни. Буквѣ есть нѣжное письмо. Если мы мудры въ познаніи цветка и листа, они намъ разсказываютъ чудесные секреты, если они нась любить и мы ихъ любимъ, но все это на такомъ языкѣ, на которомъ вѣтеръ и солнце и дождь бесѣдуютъ съ посѣяніемъ въ черной почвѣ зерномъ о наступающей осени или съ травою о косѣ. «Молчи и не слушай, ибо все проходить», или какъ говорить маргаритка «я—дневная звѣзда».

У цветовъ есть собственные друзья и враги. Вообще они любятъ пчель и мотыльковъ, но ненавидятъ вредныхъ паразитовъ-насекомыхъ, муравьевъ, бурицъ, а также сорныхъ травъ, и боятся большихъ животныхъ, которыхъ ёдятъ ихъ и вредятъ имъ.

Нѣкоторые цветы приглашаютъ къ себѣ птицъ, покровительствуютъ другимъ цветамъ или находятся подъ покровительствомъ деревьевъ, любовно ютятся другъ около друга въ грядкахъ. Они дружны съ добрыми людьми и осуждаютъ зло. Дикия растенія олицетворяютъ дикихъ или несчастныхъ уличныхъ мальчиковъ; они дружны съ животными, а можетъ быть съ дурными людьми. Обыкновенные цветы завидуютъ красивымъ, а маленькие любятъ покровительство большихъ. Чертополохъ, колючія, ядовитыя, дурно пахнущія и вредныя растенія олицетворяютъ преступниковъ въ мірѣ цветовъ. Между прочимъ роза есть врагъ сирени, но другъ фіалки; маргаритка завидуетъ золотой чашечкѣ лютика, и всѣ цветы завидуютъ блѣдому гофрированному воротничку маргаритки.

Многіе цветы кроме того напоминаютъ птицъ или животныхъ, нѣкоторые имѣютъ все человѣческія черты. Анютины глазки почти для каждого представляются маленькимъ лицикомъ съ нѣжнымъ и невиннымъ дѣтскимъ выраженіемъ; щаловливымъ, хитрымъ, ловкимъ и коварнымъ ребенкомъ, или даже лицомъ злой, старой женщины. Даѣтъ человѣческія свойства въ цветахъ уже теряютъ физическій характеръ и цветамъ приписываютъ моральные качества. Они учать или изображаютъ скромность, покорность, самоотреченіе, довольство, одобрение, вѣжливость, обходительность, ясность, чистоту, совершенство, чисто-сердечіе, честность, чувствительность, элегантность, нѣжность, благочестіе, когда они обращаются къ небу и молятся и т. д. Нѣкоторые изъ нихъ смѣлы, самолюбивы, торжественны, нарядны, наглы, угрюмы, необщительны, скромны, безстрашны, полны огня и пылкой крови, проворны, изысканы, аффектированы, грубы, старомодны. Другіе милы, вѣрны, вѣжливы, скромны, горды, щеголеваты, туны, неуклюжи, дѣтальны, неустойчивы, злы, грубы или черезчуръ мягки, алчны и эго-

истичны. Некоторые напоминают златокудрыхъ дѣтей, другіе суетливыхъ и жеманыхъ старушекъ въ гофрированныхъ воротничкахъ и сборкахъ; некоторые безпомощныхъ, новорожденныхъ дѣтей или солдатъ, монахинь, королевъ. Свойства, придаваемыя различнымъ цветамъ, отличаясь значительно у отдельныхъ лицъ, имѣютъ въ общемъ много сходства, но каждое имѣть свой особый характеръ и свою собственную сферу значенія. Лилія, фіалка и роза, напримѣръ, имѣютъ особенно глубокое значеніе, однако во всѣхъ этихъ многочисленныхъ направлѣніяхъ упомянутыя стремленія юношества находить себѣ у дѣвочекъ замѣтно болѣе рѣзкое выраженіе и глубину чѣмъ у мальчиковъ.

Достаточно будетъ, если я приведу двѣ типическихъ иллюстрацій. Одна касается деревенской дѣвушки тринацати лѣтъ, которая страстно любила Алютины глазки и каждый цветокъ имѣлъ имя, выражающее какое-либо качество. Они назывались: любовь, милосердіе, смиреніе, нѣжность, зависть, гордость, доброта, кротость, скромность и тому подобное. Каждый цветокъ сохранялъ свою собственную индивидуальность и имя, и если одинъ погибалъ, то его имя никогда не передавалось другому цветку, но подыскивалось новое имя. Иногда она пользовалась именами своихъ подругъ по сходству съ ними, или названіями, характеровъ изъ известныхъ ей сказокъ; обычно побужденіемъ къ опредѣленію служило сходство. Она очень любила играть въ школу и учить и журиТЬ каждый цветокъ. Иногда она имъ читала проповѣди и увѣщевала ихъ быть добрыми, избѣгать известныхъ ошибкахъ, рано вставать и быть чистоплотными. Иногда они бывали больными и нуждались въ специальному леченію, водѣ или укрыванію. Если ночи были холодны, ихъ нужно было укрыть, чтобы они могли спать въ теплотѣ. Иногда получались цѣлые разсказы и характеристики, опредѣляющіе ихъ гораздо точнѣе, чѣмъ ихъ имена.

Другой случай касается молодой барышни двадцати лѣтъ. Для нея роза представляетъ идеальную госпожу, стремящуюся къ совершенству и требующую отъ всѣхъ покорности. Фіалка есть всеобщая любимица, очень обходительна, подобно многимъ другимъ цветамъ, съ дѣтьми, особенно съ тѣми, которые часто одни въ деревнѣ. Она доброжелательна, ласкова, «любить тебя и обращать къ тебѣ свое лицо», какъ бы за поцѣлуемъ; она образуетъ домашний уютъ, она прячется и скрывается подъ своими листьями, съ которыми она никогда не разстается, и лишить ее листьевъ является почти неприличнымъ. Маргаритки являются «лицами, за которыми находятся души»; герани суть «честные, бѣдные существа въ свѣтломъ коленкорѣ»; гвоздики красивы, но бездушны, онѣ—одна лишь краска. Лиліи очень величественны, подобно дѣственнымъ весталкамъ. Тигровая лилія это жрицы Африки, торжественны и, подобно всѣмъ лиліямъ, величественны, требуютъ восхищенія съ почти профессиональнымъ достоинствомъ. Сиреня съ натяжкой можно приписать человѣческое свойство, она пахнетъ сильно, но несолько вульгарно. Лютикъ дѣствененъ и имѣть въ себѣ много человѣческаго. Гіацинтъ «едва ли настоящій цветокъ, онъ искусственъ, напоминаетъ воскъ или смѣгъ». Тюльпанъ есть всецѣло цветъ, также какъ белый клеверъ преимущественно запахъ. Сладкій горошекъ одуш-

влечь, но имѣть слегка характеръ бабочки. «Піонъ пышенъ подобно розѣ, но менѣе изященъ и одухотворенъ, менѣе развитъ, но живучъ и крѣпокъ на низкомъ уровнѣ». Незабудка есть «дорогая, нѣжная, любящая деревенская дѣвушка». Вьюнокъ отличается «просто красотой. можетъ быть, самомнѣніемъ; это—мнящая о себѣ гризетка». Георгина «замужемъ, но съ сердцемъ старой дѣвицы». Хризантема «путешествовала и имѣть иностранную внѣшность съ высоко индивидуализированной и, быть можетъ тиеславной душой». Толокнянка—это «индійская дѣвушка, боязливо играющая и скрывающаяся въ лѣсу». Балина не есть цвѣтокъ, хотя она дальний другъ шиона». Анемона крайне деликатна «слишкомъ хороша для этой земли»; ее съ трудомъ можно оторвать безъ того, чтобы не повредить. Астра имѣть собственную душу и поддерживаетъ хорошія отношенія съ маргариткой, но она находится на болѣе низкомъ уровнѣ жизни. Подсолнечникъ—пышное, но неисправимо тиеславное существо. Молочай — «совершенная фея». Кактусъ «едыланъ изъ воска». Jack-in-the-pulpit, хвощи, callaіs и золотая роза часто считаются мужскими цвѣтами, остальные же женскими. Макъ—«блестящая, щеголеватая брюнетка». Розовый проскурникъ побуждаетъ къ совершенству подобно лилии и также служить для храма, хотя стоитъ ступенью ниже. Резеда—просто дитя. Вербена служить хорошимъ дѣтямъ для игры въ школу. Водяная лилія есть «вторая благочестивая принцесса», и «ея листья служатъ ковриками для молитвы». Бѣлая буковица — супруга лютника. Чертополохъ есть царственная замужняя ирландская дама. Генціана—красивая идеальная старая дѣва. Тысячелистникъ — «черствый фермеръ въ коричневыхъ шароварахъ» и т. д.

Откуда это странное очарование цвѣтовъ? Почему это новое отношение устанавливается съ наступленіемъ юношескаго возраста, когда непосредственный интересъ чувства начинаетъ уменьшаться. Растительный міръ не развивался для человѣка, который имѣть небольшое вліяніе на развитіе флоры. Красота цвѣтовъ предназначена для того, чтобы привлечь пчель и др. насѣкомыхъ. Можетъ быть это отчасти произошло отъ того, что женщины впервые культивировали ихъ, но также они поступали и съ большинствомъ животныхъ, по отношенію къ которымъ у нихъ совершенно иныхъ чувства. И откуда эта особенная любовь къ цвѣтамъ, побудившая ее культивировать ихъ? Я думаю, что въ корнѣ это нужно приписать тому факту, теперь болѣе или менѣе затушеванному для современного сознанія, что она чувствуетъ (какъ это болѣе смутно дѣлаетъ мужчина), что въ цвѣтахъ природа даетъ лучшее выраженіе ея молодости, что отъ расцвѣта просыпающейся юности до полной зрѣлости она сама есть распускающейся цвѣтокъ и пока лепестки не упадутъ, цвѣты служать внѣшимъ символомъ ея дѣственности и также впослѣдствіи они всегда напоминаютъ ей о ея неразрушенномъ рабѣ. Поэзія — часто единственное зрѣлое выражение идей и чувствованій дѣтства, которыя значительно старше и вѣрѣе по отношенію къ природѣ, чѣмъ идеи взрослыхъ, и съ этимъ ключемъ мы лучше поймемъ паѳосъ розы, которая во всѣ историческіе

періоды служила любимой темой для поэзии¹⁾. Это бросает свѣтъ на частоту женскихъ именъ, заимствованныхъ у цветовъ, что можно встрѣтить везде. Общее название для женщинъ на Малайскихъ островахъ—есть цветовъ.

Для генетического психолога не лишена интереса книга Фехнера Nanna или „Душевная жизнь растений“, позднѣе снова переизданное²). Онъ предполагалъ психическую непрерывность во всѣй вселенной. Духъ одухотворявший вселенную былъ главнымъ образомъ подъ порогомъ сознанія, а человѣческія души были развившимися и обнаружившимися верхушками; но онъ находить себѣ гораздо болѣе обширное, хотя скрытое, выраженіе въ растеніяхъ и планетахъ. Человѣческія души имѣютъ индивидуальный сознанія только слегка развившіяся, а духъ вселенной опирается на болѣе высокое сознаніе, не теряя при этомъ своей индивидуальности. Этотъ параллелизмъ является универсальнымъ. Метаморфоза Клитен есть миѳъ объ отношеніяхъ между растительнымъ и человѣческимъ міромъ. Нанна, вдова Бальдера, была германской богиней. Она еще лучше изображаетъ это отношеніе, чѣмъ Флора, которую она приговариваетъ къ гербарію³).

Растительный міръ гораздо обширнѣе и древнѣе чѣмъ человѣкъ и даже, можетъ быть, чѣмъ животное, и туземныя названія относятся къ древнѣйшему періоду и ставятъ растенія въ связь съ животными, звѣздами, старыми богами, Христомъ, ангелами, историческими личностями, волшебницами, наядами, эльфами, домовыми, демонами, троллями, кудесниками, медициной, магіей; вошли въ пословицы названія празднествъ, календари, и были изобрѣтены многія чудесныя растенія, какъ будто когда то существовалъ полный флориграфический языцъ. «Если бы мы могли проникнуть до основной побуждающей идеи, давшей название, мы узнали бы цѣнныя подробности о первыхъ отношеніяхъ человѣческаго ума къ природѣ, и простая мечта о такомъ открытии

1) См. антологію на эту тему въ Rosa Rosarum Ex horto Poetarum by E. V. B. Также Pathos of the Rose in S. A. Symond's Essays vol. I, p. 187.

2) Nanna oder über das Seelenleben der Pflanzen. Gustav T. Fechner втор. изд., Leipzig. 1899.

3) Сущность его словъ заключается въ слѣдующемъ: если бы мы могли устроить превращеніе вещей и сдѣлать растенія властелинами земли, и если бы мы сами были бы растеніями, мы выражали бы свое удивленіе, почему эти человѣческія двуногія существа беспокойно рыскаютъ, и есть ли въ нихъ какая-либо польза за исключеніемъ того, что они полезны для растительной жизни. Мы, растенія, оставляемъ на своихъ мѣстахъ въ почтенномъ покое, и намъ ничего не нужно, какъ только вытянуть свои корни и листья, чтобы воспринять всѣ божественные дары, назначенные намъ. Люди живутъ для того, чтобы приготовлять углекислоту для нашего дыханія, и умираютъ только для того, чтобы ихъ разлагающіяся тѣла снабжали бы насъ азотомъ. На обязанности людей лежитъ разведеніе насъ въ цветочныхъ горшкахъ и садахъ, поляхъ и лѣсахъ, а въ итогѣ мы ихъ же потребляемъ. Направляя къ нимъ въ кровь нашу бактерійную армию мы ихъ уничтожаемъ, и если они и съѣдываютъ малую часть нашихъ плодовъ и листьевъ, то это для распространенія и удобренія нашихъ сѣмянъ. На сколько же превосходятъ насъ комахъ, и все же они служатъ намъ въ качествѣ вѣстниковъ любви, чтобы переносить плодотворящую пыль на вѣнчики.

облекаетъ странныи очарованіемъ тѣ слова, которыя могли бы сказать таѣь много о забытомъ дѣствѣ человѣческой расы, если бы мы могли ихъ понять¹⁾. Изученіе цвѣтовъ все болѣе обнаруживается, какое значеніе они имѣли для первобытныхъ людей. Эти имена и познанія также дѣло женщины, и нигдѣ она не была болѣе оригинальной и способной къ творчеству. Она использовала міръ цвѣтовъ какъ своей собственныи особый ключъ ко вселенной. Съ извѣстныхъ точекъ зреінія, какъ, напр., Фехнера, ея естественная религія имѣть свое интеллектуальное выраженіе; садъ представляя какъ бы ея первичный домъ, ея рай, до сихъ поръ посвящаемый въ мечтахъ, при нормальному психическомъ состояніи въ томъ возрастѣ, который долженъ быть навсегда посвященъ чувству и интуїціи, такъ какъ побудителемъ является лучшее, чтобъ было въ прошломъ. Здѣсь имѣется нечто, что нельзя приписывать цѣнностямъ прошлыхъ вѣковъ, хотя некоторые явленія имѣютъ тенденцію быть оцѣниваемы, какъ унаследованные эстетические эффекты. Можетъ быть красота для наасъ никогда была и религія, и любовь.

Отсюда вытекаютъ полные и ясные педагогические уроки. Ботаника, которая начинаетъ съ того, что просто называется, собирается, анализируетъ, классифицируетъ растенія, которыя даютъ имъ ничего не значущія латинскія названія виѣсто тѣхъ, что имѣютъ грамадное значеніе засушиваетъ ихъ въ гербаріяхъ—такая ботаника только опустошаетъ умъ, и если полезныя и съѣдомыя растенія находять себѣ предпочтеніе, то все же душа умираетъ съ голоду. Техническое название есть прежде всего сорная трава и является неумѣстнымъ растеніемъ. Токсикологія имѣть свою важную функцию, но здѣсь она даже не является необходимымъ зломъ. Тотъ фактъ, что многія молодыя и старыя дѣвушки испреплютъ ботанику Грея, или какое-либо другое руководство и научатся давать необъяснимыя названія придорожнымъ растеніямъ, какъ нельзя лучше иллюстрируетъ подчиненіе женщины авторитету или принятой мужчинами модѣ—довольствоваться камнемъ, когда душа просить хлѣба. Я собралъ двадцать одну поэму о маргариткѣ; изъ нихъ болѣе половины написаны женщиной, при чёмъ ни одна изъ нихъ не учить новому факту или определенію, но непосредственно обращается къ сердцу. Если латинскій языкъ былъ бы принятъ какъ неумолимое головоломное условіе, и всѣ это пятьдесятъ тысячъ видовъ растеній были бы извѣстны, это была бы не ботаника, а роскошный урожай латинскаго плевела. Душа ребенка, стоящая гораздо ближе, чѣмъ душа взроелаго къ растительному царству была бы удалена отъ него, и то, что сохранила бы намъ легенда, было бы подобно цвѣтамъ, выростающимъ изъ могилы; тогда «ничто не можетъ вернуть роскошь травы, или великолѣпіе цвѣтовъ». Это подобно изученію грамматики и лексикона безъ руководителя. Естественные, юно-

1) English Plant Names. Также Folklore of Plants, by T. E. Thiselton Dyer, chap. XX. Flowers and Flower-Lore, by Hilderic Friend, p. 353 et seq. Также Folkard: Plant Lore, Legends and Lyrics, chaps XIII, XIV и XV Cockayne, Leechdoms, Wortcuming and Starcraft, London, 1871.

шескія чувствованія мы должны принять за остатки того, что было когда то въ теченіе долгихъ вѣковъ высшей философіей человѣка. При правильномъ преподаваніи ни одна наука не можетъ сравниться съ ботаникой по воспитательному вліянію и пользѣ, но при ложномъ положеніи дѣла ничто такъ не сушить произвольный источникъ интереса. Я здѣсь не могу входить въ подробности, а могу только вкратцѣ указать естественный методъ. Послѣ периода народныхъ поэврій высшая школа должна бы переходить къ оплодотворенію, открытому впервые Ширенгелемъ и Дарвиномъ, выясняю соотношеніе цвѣтовъ къ насѣко-мымъ, и такимъ образомъ вся философія пола была бы предложена въ деликатной, косвенной формѣ. Затѣмъ послѣдовали бы отношенія растеній къ человѣку, вино, сахаръ, хлопчатая бумага, ленъ, плоды и хлѣба со способами ихъ культивировки. Даѣще нельзя упустить третій человѣческій факторъ, которымъ служить биографический элементъ въ исторіи ботаники, отъ гербалистовъ и дооктрины сигнатуры къ Линнею, и до настоящаго времени. Также слѣдовало бы преподать что либо о миѳическихъ растеніяхъ, также о чумѣ, болѣзняхъ, борьбѣ за существование, коммерческой и промышленной ботаникѣ. Рисованіе должно быть значительно уменьшено. Многому можно бы учить безъ образчиковъ, а лабораторная работа должна быть доведена до минимума, за исключениемъ нѣсколькихъ экспериментовъ относительно движения, тропизма и физіологии растеній. Руководства Hedge'a, Bessey'a, Grant Allen'a, MacdonaG'a, Bailey'a Cornell'a и особенно Hugh Macmillan'a могутъ всѣ быть полезными¹⁾.

XI. Чувства дѣтей къ деревьямъ представляютъ новый неоспоримый и отмѣченный феноменъ, который до сихъ поръ остался совершенно необъясненнымъ. Наши наблюденія показываютъ, что дѣти инстинктивно приписываютъ деревьямъ эмоціи, чувство, интеллектуальныя и моральныя свойства. Деревья имѣютъ руки и ноги. Сокъ является имъ кровью или слезами. Листья составляютъ одежду, и они стыдятся терять ее. Кора — ихъ кожа. Они одушевлены, влюблются другъ въ друга, чувствуютъ себя одинокими, если деревья, стоявшія вблизи, срублены; если они добры, то образуютъ тѣнь для дѣтей; имъ пріятно видѣть дѣтей около себя; они простираютъ свои руки для благословенія или образуютъ покровъ; стерегутъ домъ; чувствуютъ отсутствіе дѣтей и,

¹⁾ Послѣдній (The Deeper Teachings of Plant Life: New York, 1902) возстановилъ бы въ душѣ прежний глубокій интерес къ растительному миру. Онъ даже говоритъ, что въ цвѣтахъ мы снова находимъ потерянное отраженіе человѣческой души. Въ пупочной травѣ, питающей молодыхъ эмбріоновъ, мы находимъ аналогію съ материнской грудью. Мы видимъ какъ природа украшаетъ свои брачные покои; узнаемъ свой собственный эгоизмъ въ томъ, какъ маргаритка разстилаетъ свои листья по землѣ около корней, чтобы рядомъ съ нею не могло расти другое растеніе. Высохшій цвѣточекъ нарцисса говоритъ намъ о смерти, а его цвѣты, распускающіеся весною первыми, означаютъ смертность. Бѣлая буковица, поздняя скоропадка, каждая головка которой — домъ Эльфа, есть цвѣточный ключъ, открывающій весною врата небеснаго царства, черезъ которыя начинается шествіе цвѣтовъ. Колокольчикъ, послѣдній осеній цвѣтокъ, есть сигналъ колоколь, въ который ударяетъ старецъ, чтобы звать насть домой и т. д.

можетъ быть, плачутъ отъ одиночества, когда дѣти не играютъ около нихъ, ведутъ тѣсную дружбу съ птицами, которыя убаюкиваютъ листья своимъ пѣиѣмъ, и привѣтствуютъ весною возвращеніе птицъ. Деревья испытываютъ чувство гордости и радости, когда птицы свиваются на нихъ свои гнѣзда; когда птицы пролетаютъ, они вытѣгиваютъ свои руки, приглашая ихъ садиться. Деревья разговариваютъ другъ съ другомъ и понимаютъ мысли и языки, по крайней, мѣрѣ, деревьевъ того же вида, хотя чаще и всѣхъ видовъ. Иногда они громко смѣются; размахиваютъ вѣтвями какъ бы для того, чтобы прѣтануть руки; желають другъ другу спокойной ночи. Шелестъ ихъ листьевъ есть шопотъ фей или бесѣда съ феями, обитающими въ нихъ. «Когда вѣтеръ колышетъ листьями, то это значитъ, что листья убаюкиваютъ своихъ дѣтокъ». Деревья того же вида хотѣли бы быть посажены рядомъ, ибо если вязъ посаженъ вмѣстѣ съ кленомъ, то это было бы то же, какъ если американку посадить рядомъ съ голландкой. Но деревья могутъ понимать дѣтей, а дѣти ихъ. Ребенокъ шести лѣтъ, гуляя въ лѣсу, взглянуль вверхъ и сказалъ: «о, мнѣ итти недалеко», ибо листья его обѣ спрашивали. Другому, 10 лѣтъ, казалось, если вѣтеръ печально шелестилъ въ вѣтвяхъ, что листья говорили: «мы грустимъ»; при болѣе сильномъ вѣтре: «мы сходимъ съ ума». У мальчика 10-ти лѣтъ листья сердитыя на вѣтеръ и бранятъ, порицаютъ и бьютъ его. У другого 11-ти лѣтъ, Богъ опускается на деревья въ то время, когда тучи касаются ихъ вершинъ. Душа деревьевъ поднимается на небо. Они поютъ лунѣ и звѣздамъ. Дѣти часто обнимаютъ деревья, здороваются съ ними посоль долгаго отсутствія, благодарятъ ихъ за тѣнь. Деревья, не отбрасывающія тѣни, эгоистичны. Деревья кривыя, не приносящія плоды, горькія, ядовитыя, дурно пахнущія относятся къ дурнымъ. Дѣти страдаютъ и иногда негодуютъ если грубо рубятъ деревья. Густой лѣсъ успокаиваетъ, утѣшаетъ душу, вызываетъ благоговѣніе и чувства «какъ въ церкви».

Я утверждаю, что опытъ ребенка и его личныхъ отношеній не могутъ объяснить этихъ явлений, и что мы здѣсь должны опять обратиться къ филогенетической исторіи души. Можетъ быть, ни одинъ культь не былъ столь распространенъ и не держался столь долго, какъ культь священныхъ деревьевъ. Это бросаетъ наибольшій свѣтъ на неясный примитивно-дѣтскій способъ мышленія. Почти все первобытныя расы имѣютъ свои священные деревья и рощи, и часто подъ ними ставили алтари и приносили жертвы. Нерѣдко хоронили покойниковъ среди деревьевъ или на ихъ вѣтвяхъ. На деревьяхъ совершали возлиянія, такъ что зачастую они разростались до обширныхъ размѣровъ, пользуясь специальнымъ питаніемъ. Деревья насаждали на могилахъ, и душа умершаго или же частицы тѣла покойниковъ представляютъ въ некоторомъ родѣ перевоплощеніе въ жизнь дерева. Ихъ также насаждали при рожденіи ребенка и тогда усматривали тѣсное соотношеніе между жизнью и судьбами дерева и этого человѣка. Ихъ сокъ часто сравнивали съ кровью. Имъ молятся, когда они должны быть срублены. На нихъ вѣшаютъ разныя подношенія; часто слышать ихъ голосъ. Нѣкоторые думаютъ, что первый человѣкъ выросъ изъ дерева.

Друиды поклонялись всемъ деревьямъ и считали особенно священнымъ омелу. Духи возсѣдаютъ и живутъ на вѣтвяхъ. Богъ можетъ быть воплощенъ въ деревьяхъ или являться въ пылающемъ кустѣ. Ихъ помазываютъ, одѣваютъ, окуриваютъ; они имѣютъ лекебныя свойства, служатъ оракуломъ Додоны, имѣютъ построенные въ ихъ честь храмы, посвящаются божествамъ, дубъ—Юпитеру, лавръ—Аполлону, а фиговое дерево—Буддѣ. Вѣчно зеленое молодило напоминаетъ о бессмертии; иногда фрукты того или иного дерева даютъ его. Прославленная тотемическая деревья — игдразиль, магометовская туба, персидская хаома, имѣютъ огромные размѣры. Ихъ корни скрѣпляютъ землю, и орошаются мистическими рѣками. На ихъ вѣтвяхъ — звѣзды вмѣсто плодовъ. Души приходятъ подъ эти деревья при рождениіи и восхожденіе по нимъ является путемъ къ небу. Богъ иногда воплощается въ дерево и оно представляется Акадейскій идіографъ Бога. Эта культь дождя ваетъ до нашихъ дней въ видѣ рождественского дерева и майскихъ празднествъ. Плодъ дерева познанія даетъ мудрость и вдохновеніе, а дерева жизни—бессмертие¹⁾.

1) Всемирное дерево часто считалось осью земли. Оно доставляетъ богамъ ихъ божественный напитокъ. Оно столь высоко, что бросаетъ тѣнь на луну. Изъ него сдѣланы палка, двигающая океаны. Игдразиль есть дерево жизни и судебное кресло боговъ. Его замѣняетъ иногда легенда миѳического происхожденія о бобовомъ стеблѣ, какъ лѣстницѣ, достигающей неба. Иногда эти мистические деревья появляются внезапно и неожиданно. Выѣска пирульника сначала изображала мѣсто жертвоприношенія и впослѣдствіи окрашивалась красной краской вмѣсто крова. Этотъ фактъ, затѣмъ призовая мачта и мистической красный цветъ составляютъ отраженіе мирового дерева, на вѣтвяхъ которого, между небомъ и землею, виситъ тѣло Озириса. Священные аллеи, деревья и даже кустарники выдѣлялись подобно горацкому дереву, мистическому терновнику и омелѣ. O'Neill (*Night of the Gods*, vol. I p. 329) считаетъ, что всеобъемлющая идея о мировомъ деревѣ находитъ себѣ выраженіе въ 200-хъ или болѣе химическихъ веществахъ, получаемыхъ изъ угольной смолы, извлеченной деревьями изъ земли въ прошлія времена, начиная съ дегтярной воды Беркли до анилиновыхъ красоцъ, и отъ крѣпкихъ кислотъ до сахарина, этого сладчайшаго изъ известныхъ веществъ. Рождественская елка, преданія о волчникѣ, религія Друидовъ, золотая вѣтка—все это относится къ этой области.

Культь деревьевъ возникъ несомнѣнно самостоятельно у разныхъ народовъ. Онъ преобладалъ въ Ассиріи, Греціи, Польшѣ, Франціи, Персіи, теперь найденъ въ Сахарѣ и центральной Африкѣ. Тацитъ описываетъ священные рощи въ Германіи. На Гвінейскомъ побережье почти каждая деревня имѣетъ свою священную рощу. Поклонники деревьевъ находятся въ изобиліи на Филиппинскихъ островахъ. На деревья часто наѣзживаются украшенія и приношенія. Въ Мексикѣ объектами поклоненія служатъ полезныя деревья и даже маисъ. Лапландцы имѣютъ священная деревья, иногда они считаютъ ихъ богами, иногда видятъ въ нихъ лѣстницы, ведущія къ небу. (*The origin of Civilization*, by Sir John Lubbock; London, 1870, p. 191 et seq.).

Деревья имѣютъ рѣзко выраженную индивидуальность и еще болѣе опредѣленный специфический характеръ. Яблоня представляется доброй и покровительственной, ива—говорчизой и граціозно-грустной; дубъ — сильнымъ и храбрымъ; кедръ—священнымъ; вязъ—орѣшникъ, каштановое дерево, береза, букъ, осина, ель, магнолія, цикута, акация, липа, красное дерево, смоковница, пихта, розовое дерево, миндалевое дерево, бананъ, черное дерево, остролистъ, бамбукъ, каролинское и тисовое дерево — все это

Необходимо вызвать къ действию и пользоваться всѣмъ этимъ комплексомъ данныхъ, чтобы имѣть возможность бросить хоть нѣкоторый свѣтъ на феномены дѣтства. Я полагаю, что мы смило можемъ сдѣлать этотъ послѣдовательный шагъ, рѣшивъ, что какъ дѣтскіе, такъ и этнические феномены, въ какомъ бы отношеніи они не находились, нуждаются въ дальнѣйшемъ объясненіи. Здѣсь вполнѣ умѣстно вспомнить гипотезу о жизни нашихъ отдаленныхъ предковъ на деревьяхъ¹⁾. Приведемъ слѣдующій краткій обзоръ по этому поводу:

Земля раньше была болѣе покрыта лѣсами, чѣмъ въ настоящее время, и высшіе антропоиды, стоящіе ближе всего къ человѣку по своему физическому строенію, жили въ теченіе неизвѣстнаго, но безъ сомнѣнія очень долгаго периода времени на деревьяхъ. Этотъ периодъ былъ во всякомъ случаѣ достаточно продолжителенъ, чтобы значительно видоизмѣнить строеніе тѣла примѣнительно къ требованіямъ жизни на деревьяхъ. Ранніе приматы и первые люди были плодоядными. Жизнь на деревьяхъ заставила переднія конечности четвероногихъ подняться вертикально, дифференцировала переднія и заднія конечности, и особенно периферическіе ихъ суставы; подняла голову до степени балансированія на позвоночномъ столбѣ, открыла бедренное сочененіе; отодвинула лопатки назадъ и превела ихъ въ одну плоскость вмѣсто прежніаго ихъ параллельного положенія; дала руку способность къ вращенію внутрь, вмѣсто прежніаго положенія конечности ладонной стороной назадъ; создала человѣческую кисть, по отношенію къ которой, какъ говорить Гексли, человѣкъ дифференцировался отъ обезьянъ настолько же, насколько по отношенію къ интеллекту; значительно увеличила объемъ движений руки и поставила ручную работу подъ контроль разума и въ фокусъ глаза, каковое положеніе я въ другомъ мѣстѣ называлъ первичнымъ²⁾; развila ладонную мышцу; дала направленіе волосамъ на тѣлѣ, что можно сейчасъ еще прослѣдить на эмбріонѣ; удлинила стопу, что видно на неграхъ; образовала складки на подошвѣ, замѣтныя у ребенка; большому пальцу ноги дала форму и способность функций, каковою онъ обладаетъ сейчасъ; развила замѣчательную способность предплечья цѣпляться, на что указалъ Робинзонъ, у дѣтей, имѣющихъ отъ рода нѣсколько дщерей и проявляющихъ такую способность цѣпляться и захватывать что-либо рукою, каковою не обладаютъ взрослые³⁾. Во всѣхъ этихъ направленіяхъ дикие проявляютъ болѣе тѣсное сродство съ обезьянами структурой, нежели цивилизованные народы. Женскій

типы, символы, идеи или иллюстраціи, съ помощью которыхъ миѳъ, мечта, дѣтское воображеніе и воспоминанія взрослого соткали цѣлую сѣть ассоціаций. Даже простые овощи (картофель, капуста, бобы, лукъ, горохъ, редиска, зерновая хлѣба, свекла, брюква, морковь, стручки, ямсъ, ревень, арбузъ, перецъ, лимонъ, апельсинъ и т. д.) имѣютъ часто психическія свойства и служить метафорами при описаніи человѣческихъ чертъ и свойствъ.

¹⁾ Dr. Quantz, работавшій подъ моимъ руководствомъ и пользуясь собранными мною для этой цѣли данными, написалъ щѣную статью, къ которой я отсыпаю читателю. *Dendropsychoses. Am. Jour. of Psy.*, July 1898, vol. IX, p. 449—506. Такжѣ Philpot. *The Sacred Tree London 1897* Mannhardt. *Baumkultus, 2 vols. Berlin 1875—77 pp. 616 и 359.*

²⁾ *Notes on the Study of Infants. Ped. Sem. June, 1891, vol. I, p. 130.*

³⁾ См. *The Nineteenth Century, November. Darwinism in the Nursery.*

тазъ; большой и малый пальцы ноги; индексъ лопатокъ; плечевой поворотъ; кривая позвоночника; относительная длина рукъ; отсутствие икры на ногахъ было обычнымъ явлениемъ, такъ какъ последняя развились только съ началомъ хожденія по землѣ; форма носа; объемъ мозга; большинство отношеній, получаемыхъ при измѣреніи мозга; раннее сростаніе швовъ; развитіе и противопоставленіе большого пальца—ида во всѣхъ этихъ направленияхъ якадъ по лѣстницѣ цивилизаций, мы приближаемся къ жизни на деревьяхъ. Сужденія по тѣлу о душѣ подобно сужденію по твердымъ частямъ, сохраненнымъ палеонтологіей, о мягкихъ, дающихъ первымъ форму, но не сохранившихся; такъ что мы встречаемся съ большими затрудненіями и должны удовольствоваться лишь точно опредѣляющимъ предметъ и очевиднымъ Ницто, знакомый съ имѣющимися фактами, теперь не сомнѣвается, что почти каждый органъ и ткань своего тѣла человѣкъ унаследовалъ отъ низшихъ формъ, и въ настоящее время имѣется многоrudиментарныхъ органовъ (Wiedersheim насчитываетъ болѣе ста) совершенно излишнихъ въ данномъ состояніи—простые пенсионеры, пережитки, подобные нѣмымъ звукамъ въ азбукѣ. Но я думаю, что мы не обезчестимъ душу, считая ее, не менѣе тѣла, нагруженной воспоминаніями прежнихъ раннихъ эпохъ развитія. Мы должны совершенно отказаться отъ прѣзвольного ложнаго и постояннаго влиянія теоріи автоматовъ Декарта и вернуться къ болѣе широкой и болѣе Аристотелевской концепціи о душѣ, которая опредѣляеть ее какъ ближе совпадающую съ жизнью, и придаетъ большее значеніе эволюціи. Функция отличается такою же значительностью, устойчивостью и специфическими характерными чертами, какъ структура. Она болѣе способна къ вариаціямъ, но, можетъ быть, разъ установившись, она не менѣе постоянна.

Инстинкты податливы средѣ, и съ тѣхъ поръ какъ въ человѣкѣ эволюція сосредоточилась на мозгѣ, они еще болѣе отличаются этимъ свойствомъ. Психические признаки человѣка, которые указываютъ на его прежнюю жизнь на деревьяхъ, заключаются въ слѣдующемъ:

1. Какъ я упомянулъ въ другомъ мѣстѣ¹⁾, вѣроятно самымъ сильнымъ и распространеннымъ страхомъ въ человѣкѣ является страхъ предъ громомъ и молнией. Какъ показываетъ статистика смертныхъ случаевъ отъ удара молнией, этотъ страхъ совершенно непропорционаленъ опасности и въ настоящихъ условіяхъ нѣть никакихъ данныхъ для его инстинктивной силы. Но въ тропическихъ странахъ жизнь на деревьяхъ особенно подвержена дѣйствию молний, ибо дерево есть лучший проводникъ, чѣмъ воздухъ, и концы его вѣтвей притягиваютъ молнии. Поэтому если мы предполагаемъ, что многія генераціи жили на деревьяхъ, и что этотъ страхъ оставилъ свой знакъ и можетъ быть переданъ, то интенсивность и распространенность этого страха и ужаса до извѣстной степени находить себѣ объясненіе.

2. Слѣдующимъ въ каталогѣ страховъ является страхъ предъ рептиліями и въ особенности змѣями. Какъ показываетъ литература, никакія существа не являются предметомъ столь инстинктивнаго ужаса для обезьянъ, какъ змѣи. Сейчасъ деревья даютъ безопасность или

¹⁾ A Study of Fears. Am. Jour. of Psy. January 1897. vol. VIII. p. 201.

средства спасенія отъ большинства животныхъ за исключеніемъ змѣй, которая остаются главными врагами обезьянъ, такъ какъ они могутъ преслѣдоватъ ихъ на деревьяхъ и охотиться за ихъ дѣтенышами. Хотя онѣ двигаются крайне медленно, но онѣ выживаютъ добычу скрывшись въ верхушкѣ дерева и дѣлаютъ внезапное нападеніе. Даже въ Ирландіи, гдѣ уже нѣсколько генерацій не видали змѣй, этотъ страхъ сохранилъ свою силу безъ всякаго отношенія къ современнымъ условіямъ быта. Конечно, змѣи опасны также и на землѣ, и въ нѣкоторыхъ странахъ отъ змѣинаго яда ежегодно умираютъ сотни людей, такъ что намъ приходится быть осмотрительными въ своихъ выводахъ.

3. Другимъ превалирующимъ страхомъ является страхъ сильныхъ вѣтровъ, даже въ тѣхъ областяхъ, гдѣ они рѣдки. Пещерные жители болѣе или менѣе защищены отъ нихъ, но жители деревьевъ страдаютъ отъ нихъ, такъ какъ сильные вѣтры разрушаютъ деревья. Еще болѣе беспокойной является жизнь на деревьяхъ по отношенію къ воздушнымъ теченіямъ и всякаго рода бурямъ. О силѣ вліянія производимаго погодой можно судить по тому, что она является постоянной темой для разговоровъ даже теперь, когда мы такъ защищены одеждой и жилищемъ. Но беззащитность передъ всѣми этими вліяніями при жизни на деревьяхъ дѣлаетъ этотъ страхъ особенно интенсивнымъ.

4. Въ тѣсной связи съ этимъ находится обычай вызывать сонъ у дѣтей качаніемъ ихъ. Сонъ является преемственнымъ. Ритмъ запечатлѣвается въ организмѣ.

Матросы на сушѣ должны снова исправлять свою походку; солдаты продолжаютъ маршировать во снѣ. Дѣти и идоты качаются, и, чтобы вызвать сонъ мы считаемъ, ударяемъ или поколачиваемъ и даже поемъ: «Rock-a-bye baby in the tree top»¹⁾. Для существъ, привыкшихъ въ теченіе многихъ генерацій къ жизни на деревьяхъ, качаніе является естественнымъ аккомпанементомъ для сна, и ритмъ, составляющей сущность поэзіи и музыки, управляющей душою въ любви, войнѣ и религіи, глубоко укоренился въ насъ.

5. Агорафобія является иногда очень выраженнымъ психозомъ, который заставляетъ свои жертвы двигаться вблизи домовъ и жилищъ и внушаетъ имъ страхъ къ городскимъ бульварамъ и открытымъ площадямъ, которыхъ они стремятся избѣжать. Въ покрытомъ густыми лѣсами мірѣ, для существъ живущихъ на деревьяхъ, большее или меньшее разстояніе отъ этого убѣжища было прямо пропорционально угрожающей опасности, и намъ не трудно понять, что должно было пройти много генерацій, прежде чѣмъ человѣкъ могъ себя чувствовать хорошо въ открытыхъ мѣстахъ, гдѣ возникали новыя опасности, къ которымъ существа, привычныя къ лѣсной жизни, были плохо приспособлены. Такимъ образомъ, въ дегенеративныхъ типахъ мы встрѣчаемся съ давно прошедшими доисторическими условіями.

6. Далѣе жизнь на деревьяхъ требуетъ особаго способа передвиженія въ пространствѣ. Она развивалась въ теченіе болѣе долгаго периода, чѣмъ какой либо другой образъ жизни, возникшей изъ первоначальной морской жизни, и протекала на болѣе далекомъ разстояніи

1) Укачивая малютку на вершинѣ дерева. Ивим. неполочко.

отъ него. Нѣкоторыя обезьяны даже совсѣмъ не нуждаются въ питьѣ, но находять достаточно жидкости въ пищѣ. Большинство позвоночныхъ, даже млекопитающія, особенно живущія въ тепломъ климатѣ, умѣютъ плавать и многіе любятъ это, но обезьяны имѣютъ кошачій страхъ передъ водой, и установлено, что нѣкоторыя породы вовсе не умѣютъ плавать. Человѣческій дѣтенышъ, какъ я указалъ въ другомъ мѣстѣ, имѣть также необычайный страхъ передъ водой¹⁾), и взрослый человѣкъ долженъ учиться плавать. Движенія и органы, развивающіеся при жизни среди вѣтвей, кажутся особенно несоразмѣрными съ плавательными движеніями, хотя нужно сознаться, что этотъ фактъ взятый въ отдельности не столь убѣдителенъ.

7. Другимъ инстинктивнымъ страхомъ дѣтей является боязнь упасть, пока не развился достаточный индивидуальный опытъ. Эта опасность и постоянное стремленіе цѣпляться за одѣжды, бороду и т. д. вѣроятно является отражениемъ жизни, когда безпрерывно существовала опасность упасть. Этой грудинѣ соотношеній можно присвоить значительную важность.

8. Не смотря на этотъ страхъ, дѣти имѣютъ страшную склонность къ лазанію. Прежде чѣмъ они умѣютъ ходить, они часто имѣютъ «безумное» стремленіе влѣзать вверхъ по лѣстницѣ. Способы ползанія и приниманія вертикального положенія имѣютъ близкое отношеніе къ лазанію²⁾). Мальчики часто проявляютъ необычайныя способности въ этомъ отношеніи и выходятъ изъ опаснѣйшихъ положеній подобно сомнамбулистамъ. У нихъ часто бываетъ страсть къ тому, чтобы влѣзть на высокое дерево, хотя бы они не ожидали найти тамъ орѣхи и яйца, сконструировать на деревѣ платформу подобно урангу, и, какъ мы убѣдились въ нашихъ наблюденіяхъ, найти мѣста, где они могутъ переходить съ дерева на дерево по суху, даже провести ночь въ жилищахъ, устроенныхъ на деревьяхъ съ лѣстницей, поднятой вверхъ изъ за воображаемой опасности. Человѣку доставляетъ инстинктивное удовольствие подняться высоко и смотрѣть внизъ и вдалъ.

9. Къ главнымъ психическимъ аналогіямъ мы должны отнести также крайнюю подражательность, которая столь характерна для низшихъ дикарей и тѣмъ больше для обезьянъ. Самое слово «обезьяна» въ примѣненіи къ человѣку опредѣляетъ, что это качество развито у дѣтей почти до мани. Двигательная подражательность достигаетъ въ дѣтяхъ очень рано значительного развитія, прежде чѣмъ развивается задерживающая способность. Ни въ одной формѣ жизни этотъ мимический импульсъ, столь хорошо изслѣдованный послѣднее время психологами, не развитъ такъ wysoko, какъ въ обезьянѣ и человѣкѣ. Онъ является однимъ изъ основъ стадности и приближаетъ обезьяну къ человѣку. Ихъ структуры столь схожи, что движенія одного понятны для другого, и если наблюдать дѣтей, подематривающихъ за обезьянами и передразнивающихъ ихъ, то становится понятнымъ кровное родство.

10. Существуютъ другія разнообразныя указанія, приводящія къ тому

¹⁾ A Study of Fears. Am. Jour. of Psy. January, 1897, vol. p. 166.

²⁾ Creeping and Walking, by A. W. Trettien. Am. Jour. of Psy. October 1900, vol. XII pp. 1-57.

же заключению: напр., то, что можно наблюдать при некоторыхъ формахъ игры въ прятки, вѣкоторыя сходныя черты въ позѣ сияющихъ дѣтей, а съ другой стороны оранг и шимпанзе, вѣкоторые автоматизмы, часто преемственного происхожденія, указывающіе на обезьяний міръ. Дикия или одичавшія дѣти, а также идиоты обнаруживаютъ обезьяныи свойства. Они часто ходятъ на четверенкахъ, превосходно лазаютъ и любятъ, какъ это дѣлаютъ часто дикие въ своихъ танцахъ, различные позы и кривлянія, поразительно напоминающія обезьянъ. При этомъ часто ихъ физическая форма—челюсть, зубы, руки и т. д. движутся въ томъ же родѣ. Хотя эти факты и выводы въ отдельности или вмѣстѣ взятые не могутъ служить доказательствомъ, однако, по моему мнѣнію, они устанавливаютъ большую вѣроятность теоріи, на которой я настаиваю. Во всякомъ случаѣ они даютъ новый генетический интерес къ эстетическому соотношенію человѣческой души къ деревьямъ и становятся объектомъ интереса для всѣхъ любителей природы.

Знаменательнымъ фактамъ является то, что, какъ дѣтскии анимизмъ, такъ своеобразные дендропсихозы почти отпадаютъ или совершенно прекращаются, такъ что на сцену выступаетъ значительный контрастъ между вліяніями, производимыми въ эту эпоху на душу, съ одной стороны, чувствованіями къ деревьямъ и съ другой чувствованіями къ цветамъ.

Уже до первыхъ школьніхъ годовъ или въ теченіе ихъ психическая почва дѣлается бѣдной и бесплодной для яркихъ мечтаній о деревьяхъ, причносящихъ золотые плоды, драгоценныи камни, птицы и дѣтей, обратившихся въ богини, людей и девушки; для символизаціи листьевъ въ качествѣ волосъ или хлопающихъ рукъ, корней въ качествѣ ногъ и т. д. Позднѣйшиe годы являются осенью этого психического листопада. Здѣсь опять нужно искать нить къ ранней исторіи человѣчества.

Плодоядный первобытный тропический человѣкъ нерѣдко вегетировалъ на плодовыхъ деревьяхъ, каталогъ которыхъ былъ чрезвычайно великъ, начиная съ истинного дерева жизни. Въ теченіе круглого года онъ рвалъ и ёлъ плоды. Такимъ образомъ, на безводныхъ равнинахъ дерево дѣлалось драгоценнымъ, совмѣщающимъ въ себѣ благу, жилище и отдыхъ. Все это, уже не говоря о жизни на деревьяхъ, благопріятствовало различнымъ религіознымъ культамъ дерева. У древнихъ евреевъ мы видимъ часто этотъ кульпъ, осуждаемый высшими религіями. Съ переселеніемъ въ сѣверныя страны тѣ, кто раньше жилъ въ тропическихъ странахъ или густыхъ лѣсахъ, въ меньшемъ изобилии стали находить сѣдѣбные плоды, менѣе нуждались въ тѣнѣ и должны были искать лучшую защиту чѣмъ сучья и вѣтви, такъ что психическая роль деревьевъ отходила на задній планъ. Кульпъ друидовъ, вѣроятно, представляетъ пережитокъ или искусственную реставрацію далскаго прошлаго, хотя содержаніе его было уже утеряно. Опять таки на сѣверѣ деревья представляли такую цѣнность, которая также противорѣчила поклоненію имъ, какъ пользованіе муміями въ качествѣ тоналива противоположно почитанію покойниковъ у древнихъ египтянъ, или функция мясника на рынкѣ—почитанію животныхъ у индузовъ, или дѣйствія промышлен-

ника парфюмерными товарами—страстной любви къ разведенію розъ и фіалокъ. Тамъ нуждались не въ растущихъ деревьяхъ, а въ срубленныхъ и примѣнимыхъ для топлива и строенія жилищъ. Земледѣліе также объявляетъ войну деревьямъ, чтобы отнять землю для посѣза. Властелинъ растительного міра, какимъ является человѣкъ по отношенію къ животному царству, терпитъ полное разочарованіе, подобно нѣкогда дикой прелестной лозѣ, но растущей теперь подъ кухоннымъ окномъ; и тотемизмъ является несовмѣстимымъ съ искорененіемъ этихъ видовъ. Можетъ быть, мы когда-нибудь логически откроемъ подобно каменному, желѣзному и бронзовому вѣкамъ, и древесный вѣкъ, получившій свое начало давно, съ открытиемъ огня и имѣющимъ свое продолженіе послѣ открытия металловъ и руды. Тѣмъ болѣе, что значительно труднѣе наблюдать за вѣковой жизнью дерева, чѣмъ за годичной жизнью растеній и цветковъ, такъ что для достиженія умѣнія культивировать ихъ человѣкъ долженъ былъ пройти долгій періодъ умственного и морального развитія; современное лѣсоводство только теперь вполнѣ научилось культивировать деревья. Позднѣйшій эстетический интересъ направленъ въ меньшей мѣрѣ на яркія качества—цвѣтеніе цветка и запахъ,—чѣмъ на самую форму.

Такимъ образомъ, современное юношество отошло отъ лѣсной жизни и освободилось отъ ея вліянія. Большинство изъ преемственныхъ вліяній на его душу дѣлаютсяrudimentарными, и въ окружающей его средѣ есть много явлений, которыхъ, если не совсѣмъ уничтожаются дендрическое вліяніе, то по крайней мѣрѣ, дѣлаютъ его индиферентнымъ къ нему. Однако этотъ законъ, при всей своей общности, не лишенъ ограниченій и значительныхъ исключений. Юноша можетъ стать болѣе воспріимчивымъ по отношенію къ древней литературѣ, которая рисуетъ лѣсныя сцены съ фавнами и дріадами, фигурально говорить о сокѣ или крови, молокѣ, винѣ, вѣчно зеленомъ деревѣ, или древѣ жизни и символизировать дубъ, осину, пальму, калифорнійскія деревья—гигантовъ, кипарисъ, лотосъ, бананъ, и многія другія, изъ которыхъ онъ большинство никогда не видѣлъ. Классическая и историческая деревья, имѣющіяся въ дѣйствительности или воображаемыя, имѣютъ большое значение. Великие миѳы о небесныхъ или міровыхъ деревьяхъ и ихъ запутанныхъ аллегоріяхъ, такъ же какъ деревья фамильные и родословные, производятъ впечатлѣніе на юношу и даже поучительны для него. Но подобно Arbor Day¹⁾, поэтическая антологія въ родѣ «Woodman-sparer—that tree»²⁾, и даже энтузіазмъ современныхъ полевыхъ натуралистовъ по отношенію къ деревьямъ, или мудрость современной ботаники, въ значительной степени похожи на незрѣлые, высиженные въ школѣ артефакты, которые не укореняются глубоко въ душу. Однако, вліяніе лѣсного одиночества для него чрезвычайно жизненно. Въ благоговѣйномъ молчаніи лѣсовъ его мысль направляется въ высъ, душа расширяется, и благоговѣніе, почтеніе, упованіе и спокойствіе дѣлаются изъ сердца истинный храмъ естественной жизни и смерти, роста, возмужалости и увяданія. Его окрыленная мечта можетъ довести его до иллюзіи.

¹⁾ Праздникъ древонасажденія. Прим. перев.

²⁾ Лѣсникъ береги это дерево. Прим. переводчика.

Неизбѣжно его мысль обращается къ Богу, любви, назначению и будущей судьбѣ. Лѣсные голоса вызовутъ атавистическое эхо, возстановить неизѣдомое до сихъ поръ сообщеніе съ его отдаленными предками и вызовутъ обычно скрытая тенденція къ сложенню миѳовъ. Если ему суждено пользоваться благосклонностью музы, то именно здесь она впервые является ему; хотя это можетъ показаться многимъ нѣсколько слишкомъ торжественнымъ и скучнымъ, но слѣдовало бы каждого юношу подвергнуть этимъ лѣснымъ влияніемъ весною, осенью, въ лѣтнее и зимнее время, ибо такимъ образомъ все лучшее, свойственное его натурѣ, достигнетъ зрѣлости и развитія. Юноша никогда не можетъ вполнѣ исполнить свое предназначение, если случай на некоторое время не поведеть его въ городъ деревьевъ.

XII. Нѣкоторые думаютъ, что къ психологіи можно легче всего приблизиться изученіемъ инстинктовъ и жизни животныхъ. Такъ ли это или нѣтъ, но это есть естественное начало зоологии, которая до сихъ поръ была столь предана изученію анатомическихъ формъ и періодовъ физического развитія, что ея представители стали не только неспособными и несклонными вступить на правильный путь, но и потеряли педагогическое чутье, какъ это слѣдуетъ дѣлать. Для ребенка нѣть промежутка между его душой и душой животнаго. Животные чувствуютъ, думаютъ, поступаютъ, какъ онъ. Они любятъ, ненавидятъ, боятся, пріучаются, спятъ, дѣлаютъ свой туалетъ, чувствуютъ симпатію и имѣютъ почти всѣ основныя психическая свойства, которыми обладаетъ ребенокъ. Дѣйствительно мы можемъ почти опредѣлить животный міръ, по разъясненнымъ повсюду человѣческимъ качествамъ, имѣющимъ высшую цѣнность въ преподаваніи юношеству психологіи по истинному педагогическому методу. Напримеръ для человѣка, который знаетъ привычки свиньи и значение слова «свинство», это животное служить символомъ не только стремительной прожорливости и грубаго эгоизма, но и мерзости и нечистоплотности, что даетъ ребенку лучшее понятіе, болѣе правильное отношеніе ко всему, что обнимаетъ эти качества въ человѣческомъ мірѣ. Если сказать женщинѣ, что она мотылекъ или павлинъ, то этимъ опредѣляются такія черты, которые бы долго объяснять лицу, не знакомому съ этими формами животной жизни. Такимъ образомъ, гусь, лиса, угорь, левъ, быки, медвѣди, орелъ, голубь, сойка, кукушка, сова, пеликанъ, ворона, змѣя, газель, бакланъ, барсукъ, волкъ, тигръ, слонъ, крокодилъ, рыба, лягушка, головастикъ, куколка и ея превращенія, пчела, муравей, оса, лѣнивецъ, насѣкомыя, обозъяна, зимняя спячка, перелетъ птицъ, образованіе гнѣздъ и десятки другихъ явлений являются психологическими категоріями или свойствами воплощенными въ такой мірѣ, что мы видимъ ихъ пространно описанными, и пользуемся ими какъ уроками для тѣхъ, кто переживаетъ возрастъ, когда характерные свойства формируются и подчиняются въ этомъ направлении влияніямъ рго или contra. Сочиненіе Рейнеке-Лисъ насчитываетъ болѣе чѣмъ тысячу изданій, и оно обсуждалось учеными въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, ибо оно есть, можетъ быть, лучшая классическая вещь Эзопа, гдѣ въ формѣ басни животное обнаруживается всѣ черты человѣческой морали. Мы можемъ добавить цѣлый перечень болѣе или менѣе миѳическихъ животныхъ: левіаѳановъ, фениксовъ, дра-

коновъ, кентавровъ, или ошибочная представлениа народа о животныхъ свойствахъ, все же мысль ребенка такъ же плодовита въ созданіи невозможныхъ новыхъ животныхъ, какъ сама природа. Поэтому мы стоимъ за звѣринцы, пріобрѣтеніе коллекціи животныхъ въ каждомъ публичномъ паркѣ, владѣніе любимыми животными, знакомство съ конюшней, устройство школьніхъ музеевъ изъ чучель животныхъ, разведеніе флоры и фауны въ сосѣдствѣ каждой школы, не говоря уже о повышеніи свѣтлой въ школахъ относительно настѣнныхъ, птицъ и животныхъ съ указаніемъ на вредъ отъ однихъ, и на пользу отъ другихъ для роста, плодовитости и вообще для земледѣлія. Исторія блуждающей моли, филоксеры, гусеницы, табачного червя, исторія жизни и привычки другихъ паразитовъ, живущихъ въ корѣ или на листьяхъ, въ семени или почкѣ, чудесныя свойства овода, обыкновенный червякъ рыбаковъ, обыкновенная домашняя муха съ ея интересной исторіей, хлѣбный червякъ, червякъ—долгонось, моль и летучая мышь, съѣдобная рыба, буравецъ, тля, термитъ и многія другія интереснѣйшія живыя существа, которыхъ послѣднее время такъ тщательно изучали въ нашихъ земледѣльческихъ институтахъ—всѣ они представляютъ значительный моральный и научный интересъ для дѣтей и составляютъ научную отрасль большого воспитательного (уже не говоря объ экономическомъ) значенія, достойная того, чтобы ее ставили на одно изъ первыхъ мѣстъ.

Многія животныя превосходятъ человѣка известными качествами чувствъ инстинкта и физического развитія, такъ что даже взрослый человѣкъ, изучая животныхъ и ихъ образъ жизни, смотрить снизу вверхъ и знакомится съ высшими качествами, чѣмъ его собственныя. Животныя являются не только нашими старшими братьями но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ могли бы быть нашими учителями. Превосходство человѣка въ свѣтѣ зависитъ на томъ фактѣ, что тѣ качества, которыми человѣкъ превосходить животныхъ, болѣе многочисленны чѣмъ тѣ, по которымъ онъ стоитъ ниже, и что нѣкоторыя изъ этихъ качествъ развиты въ немъ до высокой и, можетъ быть, до исключительной степени. Однако развертываніе его качествъ наступаетъ поздно въ его развитіи, и послѣдними являются тѣ, которая наиболѣе отнимають его отъ животныхъ, такъ что остановка въ критическихъ позднѣйшихъ периодахъ юношескаго развитія принуждаетъ его влечь жизнь съ дефектами какъ разъ въ наиболѣе характерныхъ для человѣка чертахъ.

Такимъ образомъ, дѣти въ своемъ не вполнѣ развитомъ состояніи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стоять ближе къ животнымъ, чѣмъ къ взрослымъ людямъ, и въ этомъ отношеніи имются богатые, но неиспользованные запасы накопленныхъ наслѣдственностью воспитательныхъ возможностей, которые подобно каменноугольнымъ пластамъ послѣ своего открытия и полной эксплуатациіи откроются намъ педагогическія возможности, о которыхъ мы и не мечтали. Прирученіе 2 и 3 сотенъ животныхъ видовъ, какъ показывается исторія, въ широкомъ объемѣ было продуктомъ симпатіи къ разуму и жизни животныхъ, и если правильно полагаютъ, что большинство всѣхъ этихъ животныхъ приручило женщиной, то это только служить лишней иллюстраціей тому, что

ея умъ и жизнь имъютъ больше наследственныхъ данныхъ, чѣмъ таковы же у мужчины. Даже инстинктивный страхъ дѣтей къ часто безвреднымъ животнымъ, насѣкомымъ и т. д. указываетъ не только на древнее и тѣсное соотношеніе между человѣкомъ и звѣремъ въ прошломъ, несмотря на глубокую эволюціонную бездну, образовавшуюся черезъ потерю цѣлыхъ серій недостающихъ звеньевъ; но онъ подкрѣпляетъ другой главный источникъ интереса, который становится интенсивнымъ тамъ, гдѣ страхъ и уничтожающая этотъ страхъ любовь борются за преобладаніе, ибо, какъ я указалъ въ другомъ мѣстѣ, въ дѣствѣ въ нашихъ душахъ зарубцевались первобытные страхи къ большими глазамъ, зубамъ, косматой шерсти¹⁾). Эта пластъ является однимъ изъ богатѣйшихъ слоевъ палео-психического развитія, и возникшая изъ него у дикихъ народовъ многочисленныя формы обожанія животныхъ, обнаруживая всю свою силу, наиболѣе захватывающе иллюстрируетъ тотъ путь, по которому различные периоды развитія ребенка повторяютъ пройденный человѣчествомъ эпохи.

Все это можетъ быть вкратцѣ иллюстрировано изученіемъ отношенія дѣтей къ двумъ обычайшимъ любимцамъ дома. Брэмъ говорить: „мы не можемъ представить себѣ дикаго человѣка безъ собаки“, а Longkanel прибавляеть: собака есть часть самого человѣка²⁾). Она въ значительной мѣрѣ помогла ему достигнуть превосходства. Нѣкоторыя сѣверныя племена прекратили бы безъ нея свое существованіе, какъ индѣйцы прерѣ исчезли вѣдѣть съ буйволомъ. Собака наиболѣе совершенно приручена и слилась глубоко съ психической жизни человѣка. Она составляла отдѣльную отрасль въ искусствѣ: даже Landseer получиль прозваніе «Шекспира собакъ», и свѣтъ быль бы бѣднѣе безъ сказокъ Geller'a и безъ знаменитыхъ, въ литературѣ и исторіи, собакъ, начиная съ Гомеровскаго Аргуса. Она была уже прирученной въ палеолитическую эпоху. Собаки являлись большими друзьями великихъ людей, и приблизительно четверть вѣка тому назадъ одно французское общество предоставило почетный ошейникъ собакамъ за выдающіяся заслуги. Хотя прирученіе вѣроятно раносталкивалось съ тотемизмомъ собакъ, ихъ превосходство надъ человѣкомъ по отношенію къ чувству обоянія, ориентировкѣ, быстротѣ, терпѣнію съ дѣтьми,ѣрности при игрѣ и охотѣ, способности жить у племенъ, пользующихся ими въ качествѣ пищи, неустранимость и другія особенности,—все это говорить за ихъ участіе въ прогрессѣ человѣчества и превимущества въ цивилизациѣ. Хотя нѣкоторые авторы боятся или порицаютъ слишкомъ большое участіе или интересъ къ нимъ, другіе думаютъ, что въ обществѣ съ ними и воспитывая ихъ, можно достигнуть такихъ результатовъ, о которыхъ люди сейчасъ и не мечтаютъ.

Собаки часто проявляютъ безграницное вниманіе по отношенію къ маленькимъ дѣтямъ и во всѣхъ отношеніяхъ дѣлаются ихъ лучшими товарищами, раздѣляютъ съ ними пищу, а иногда даже постель, играютъ съ ними, дѣлаются ихъ собственниками и довѣренными

¹⁾ См. мон Fears, sees XII—XV, incl.

²⁾ Цитировано по Вискеу.

всѣхъ ихъ тайнъ, должны учить ихъ уроки, должны понимать все, дѣлаются любимицами изъ-за своей гладкой, мягкой, косматой шерсти, окраски, живыхъ движений, и въ отношеніи къ себѣ находятъ полное признаніе тѣхъ качествъ, въ которыхъ онъ превосходитъ человѣка. Дѣти относятся довѣрчиво и безъ критики къ самымъ удивительнымъ разсказамъ о собакахъ, видя въ нихъ своихъ товарищъ и склонны къ антропоморфизму. Какъ выясняетъ Виске на основаніи 2804 наблюденій во время отрочества, или послѣ него, въ отношеніяхъ къ собакѣ происходятъ самые характерные измѣненія. У мальчиковъ рѣзко поднимается интерес къ способностямъ собакъ на охотѣ и травлѣ. Собака вызываетъ къ себѣ новый интерес и влечетъ его въ поле. Способность къ борьбѣ оцѣнивается выше, борьба собакъ становится увлекательной и культивируется не только при случаѣ, но становится занятіемъ, требующимъ послѣдовательности и подготовки. Бульдогъ становится героемъ, предметомъ изученія, и, можетъ быть, вдохновителемъ мужества, храбрости, смѣлости, настойчивости и имѣть на нѣкоторое время выраженіе влияніе на жизнь и нравъ мальчика. Даѣтъ, возникаетъ новый интерес къ интеллекту собаки, и мальчикъ не только цѣнитъ продѣлки своего любимца, но гордится его умственными способностями и осмыслившими поступками. Это иллюстрируется наклонной кривой. Появляется новый интерес къ особенностямъ породы и родословной. Качества различныхъ породъ обсуждаются съ психологической тонкостью, и особенности глазъ, рта, зубовъ, хвоста, влияющія на стоимость собакѣ, становятся въ фокусѣ вниманія. Въ то время какъ дѣтскіе предразсудки исчезаютъ, на нѣкоторое время остается неизмѣнной переоценка интеллектуальныхъ способностей. Наконецъ, при этомъ половомъ различіе находитъ себѣ рѣзкое выраженіе. Дѣвочки предпочитаютъ Санъ-Бернаровъ за ихъ величину, силу, покровительство, привязанность и связанный съ ихъ именемъ романтизмъ. Онъ любятъ борзыхъ за ихъ элегантность, пуделей за ихъ красоту, и вообще, всѣхъ маленькихъ собакъ; имѣютъ наклонность декорировать ихъ вышитыми одѣялами, красивыми воротничками, лентами, и очень чувствительны къ тому, что собакамъ приходится переносить жестокое обращеніе. Ихъ болѣе интересуютъ выраженіе и манеры, чѣмъ общая ихъ форма, чистота, купаніе, туалетъ, и иногда лечебница для собакъ, режимъ, гигиена и диета, пріучиваніе ихъ къ тому, чтобы питаться мороженымъ и конфектами и т. д. Во всѣхъ наблюденіяхъ Вискеа ни одна изъ дѣвушекъ не проявляла ни капли интереса къ анатоміи собаки. Для юношества собаки обладаютъ всѣми психическими свойствами человѣка, но ихъ ограниченность и задержка въ развитіи или относительная слабость также находятъ себѣ оцѣнку. Изъ всего этого Виске заключаетъ, что каждый ребенокъ и юноша должны имѣть собаку ради воспитательного значенія ихъ въ моральномъ и психологическомъ отношеніи. Въ известной западной дѣтской школѣ каждому мальчику дается лошадь, и на его обязанности въ теченіе сезона главнымъ образомъ лежитъ уходъ за нею, воспитаніе ея, ъзда на ней и обученіе ея. Такимъ образомъ собака научаетъ честности, почтительности иѣрѣности, что составляетъ истинный идеалъ отношеній человѣка къ Богу, также какъ и терпѣніе, сочувствіе, благожелательность, товарищество, трудолюбіе, предупре-

ждающее раздоръ и чувство отвѣтственности, къ которому пріучаетъ обладаніе собакой. Для этой цѣли изученіе собаки садѣвало бы вести болѣе систематически и научно. По отношенію къ этому животному среднее дитя должно было бы вполнѣ повторить исторіюрасы.

Кошка служить представителемъ обширнаго семейства, болѣе крупныя особи которого были долгое время очень опасны для человѣка. Наблюдаемы у дѣтей и взрослыхъ болѣзньный страхъ и фобіи по отношенію къ кошкамъ, къ ихъ глазамъ въ темнотѣ, величинѣ, окраскѣ, многочисленныя сверхъестественныя сущѣстія и пословицы относительно нихъ, и ихъ участіе въ колдовствѣ привели къ тому, что древнійший страхъ человѣка къ этому роду не исчезъ и что кошка пока не вполнѣ приручена. Заботливо составленный статистическій выкладки С. Е. Browne'a¹⁾ показываютъ, что большинство кошекъ исчезаютъ, убѣгаютъ, или легко впадаютъ въ прежнее дикое состояніе и, что часто кошка возвращается въ прежнія условія благодаря активному инстинкту къ прирученію животныхъ у дѣтей. Въ жизни дѣтей кошка играетъ значительную роль. Ей съ церемоніей даютъ имя, часто съ эпитетами, имѣющими отношеніе къ ея формѣ, дѣйствіямъ или чертамъ, также какъ даются имена кукламъ, или у нашихъ индѣйскихъ племенъ. Кошка поетъ, бранится, клянется, улыбается, смѣется, бесѣдуетъ, произносить слова и фразы, имѣть свой собственный кодексъ поведенія, къ которому она должна быть пріучена нерѣко съ наказаніями, бываютъ дурныя и добрыя кошки въ различныхъ отношеніяхъ и степеняхъ. Она испытываетъ чувство жалости, оцѣниваетъ заботу, грустна, зла, понятлива, мѣняетъ настроеніе и смерть ея часто вызываетъ слезы и торжественный похоронь. Во всякомъ возрастѣ, но особенно при приближеніи отрочества, кошка является любимицей дѣвочки, также какъ собака — мальчика. Однако, интересъ мальчиковъ къ кошкамъ, какъ къ борцамъ, поднимается очень быстро въ теченіе первого десятка лѣтъ, интересъ дѣвочекъ въ этомъ отношеніи наоборотъ убываетъ. Съ наступленіемъ отрочества у того и другого пола, кажется, увеличивается сознаніе, что кошка дѣйствительно «говорить вещи», хотя это новое отношеніе къ ней вскорѣ уменьшается. Несмотря на ея жестокость къ птицамъ и т. под. она болѣе способна къ чувству жалости, кажется болѣе музыкальной и т. п. въ прямомъ отношеніи къ развитію психической жизни ребенка. Но у дѣвочекъ интересъ къ этой любимицѣ постепенно усиленія значительно падаетъ въ теченіе второго десятка лѣтъ. Наказанія становятся менѣе разнообразными и воспитаніе ихъ производится съ меньшей любовью. Кошка есть, спить, гулять, чувствовать голодъ, болѣеть и т. д. подобно намъ, но ея прямое соотношеніе съ возникающими теперь высшими психическими способностями ребенка нарушается, и ее нельзя сравнить въ этомъ отношеніи съ собаками. Мальчики часто дѣлаются мучителями кошекъ или убиваютъ ихъ самыми непростительнымъ образомъ, и такимъ образомъ, дѣтскій интересъ можетъ прийти къ такому рѣзкому исходу. Насколько въ ребенкѣ накоплена вѣками способность къ приручению животныхъ и насколько выдающимся факторомъ въ воспита-

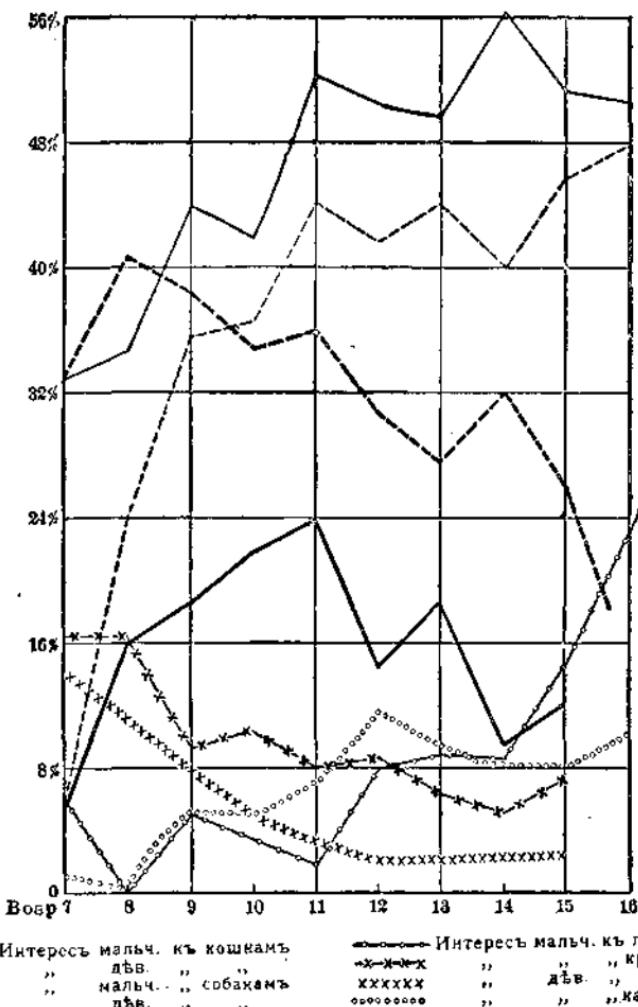
¹⁾ The cat and the Child. Ped. Sem. March, 1904, vol XV p. 4.

ний ребенка является опыт съ этими любимцами, явствуетъ изъ острого интереса дѣтей къ каждой чертѣ, дѣйствию и особенности, оттенку глазъ, окраскѣ, особымъ примѣтамъ въ формѣ ноги, уха, степени благородства активности, прирученности. Такое же значение имѣть: наиболѣе привлекательная для дѣтей способность къ игрѣ, величина животнаго, которая должна быть приспособлена къ величинѣ ребенка, чтобы сдѣлать возможнымъ удобное съ ней обращеніе, такъ какъ иѣ-которые животныя слишкомъ малы, другія слишкомъ велики для дѣтей; ихъ ночные привычки и дневной сонъ; способность кошки къ лазанію, выраженная столь-же опредѣленно, какъ плавательная способность собаки; возрастающее распознаваніе пола, находящее себѣ выраженіе въ кошачихъ именахъ; тотъ фактъ, что здѣсь совершенно отсутствуетъ интересъ къ анатоміи кошки, что подчеркивается многими школами, какъ выдающейся фактъ; проявленіе въ дѣтяхъ болѣе первобытныхъ интересовъ, какъ будто и здѣсь юношество является менѣе старымъ и зрѣлымъ, чѣмъ дѣтство. Являясь изъ всѣхъ кровожадныхъ наиболѣе приспособленными къ дикой средѣ и сохранивъ въ нетронутомъ состояніи свои дикие инстинкты, кошачья порода наиболѣе побуждается именно дѣвочкой приложить свою энергию къ относительно бесполезному приученію животныхъ, такъ какъ въ нихъ еще живъ древній инстинктъ приученія животныхъ къ домашней жизни. Кошка является, главнымъ образомъ, игрушкой, участвуетъ въ иѣ-сколькихъ десяткахъ игръ, подвергается въ высшей степени антропоморфизму и, такимъ образомъ, въ значительной степени раскрываетъ намъ дѣтскія особенности. Иногда старые люди пытаются любовь къ кошѣ какъ къ воспоминанію дѣтства, съ каковымъ возрастомъ ни одно животное не находится въ столь тѣсной связи.

Виске¹⁾ изобразилъ измѣненіе интереса дѣтей къ иѣ-которымъ изъ обычныхъ животныхъ породъ въ видѣ поучительныхъ статистическихъ кривыхъ, какъ показано на чертежѣ.

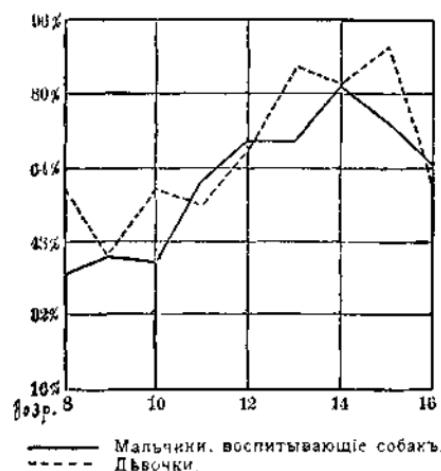
Изъ таблицы, на которой нанесены эти кривыя, становится яснымъ, что у мальчиковъ любовь и интересъ къ собакамъ на разныхъ возрастныхъ ступеняхъ превосходить эти свойства у дѣвочекъ; онъ поднимается быстро отъ семи до четырнадцати, гдѣ достигаетъ кульминационнаго пункта, интересъ дѣвочекъ слѣдуетъ приблизительно той же кривой. Интересъ мальчиковъ къ кошкамъ всегда ниже чѣмъ у дѣвочекъ и кажется кульминируетъ на одинадцатомъ году въ то время какъ интересъ дѣвочекъ не поднимается послѣ восьми. Интересъ мальчиковъ къ лошадямъ поднимается быстро въ теченіе первого десятка лѣтъ. Ихъ интересъ къ кроликамъ, кажется, не поднимается послѣ восьмого или девятаго года, но скорѣе уменьшается. Интересъ дѣвочекъ къ канарейкамъ повышается въ раннемъ возрастѣ. Популярность собакъ, какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ основывается въ раннемъ отрочествѣ всего болѣе на степени интеллекта. Съ наступлениемъ сознательного возраста обычно происходитъ пониженіе любви къ животнымъ и приписыванія имъ моральныхъ качествъ, такъ какъ илюзіи нарушаются и высокая дѣтская оцѣнка корректируется прогресси-

¹⁾ Суло Psychoses Ped. Sem. Dec., 1913. vol. X, pp. 459—513.

рующимъ знаніемъ; но приблизительно послѣ четырнадцати лѣтъ опять поднимается сочувствіе къ животнымъ и вѣра въ ихъ интеллектуальные способности. Съ 8 до 9 наступаетъ значительное разочарованіе въ томъ, что животныя оцѣниваютъ заботу о нихъ, но послѣ некотораго угнетенія подъ вліяніемъ интеллекта, вносящимъ въ послѣдствіи инстинктивно опять усиливается сознаніе, что они это дѣлаютъ. Около 8 или 9 лѣтъ, или послѣ этого, также прекращаются игры въ прятки, мячъ и т. п. Оцѣнка полезности собаки быстро и постоянно повышается въ теченіе первыхъ 10-ти лѣтъ, какъ у мальчиковъ, такъ и у девочекъ. Наклонность къ воспитанію собакъ усиливается очень быстро отъ 10-ти до 15-ти. Изъ всѣхъ животныхъ любимѣйшимъ является собака; затѣмъ слѣдуетъ кошка; затѣмъ идуть птицы, кроликъ, лошадь, попугай, цыпленокъ, голубь, белка и многія другія. Хотя для объясненія этого поля юношескаго интереса предстоитъ еще много работы, и вышен引еденные заключенія придется еще въ большей или меньшей степени вспомогательны, однако мы уже на此刻ии знаемъ, что половина тому

жакъ въ развитіи человѣка — рыболовная, охотничья и пастушеская эпохи были бы совершенно иными безъ животныхъ, такъ и ребенокъ будетъ скамъченнымъ, если мы лишимъ его должностной дозы воздействиа со стороны этого обширнаго арсенала воспитательнаго материала.

— Мальчики, воспитывающие собакъ.
— Девочки.

Дѣйствительно, я почти склоненъ думать, что если педагогіи когда либо суждено удовлетворить всѣ запросы души, то наступитъ такое время, когда животныя будутъ играть гораздо большую воспитательную роль, чѣмъ сейчасъ предполагаютъ. Они сдѣлаются объектами для *сигисциум vitaе* и явятся побудительнымъ моментомъ для болѣе высокаго культурнаго развитія человѣка, пропорціонально ихъ прошедшему полезному значенію. Человѣчество будетъ испытывать острое сожалѣніе объ истребленіи

вногочисленныхъ породъ, также какъ мы теперь чувствуемъ все зло ариарскаго иконоклазма, лишившаго свѣтъ столь многихъ безцѣнныхъ памятниковъ древности.

Въ настоящее же время самой существенной потребностью для всѣй воспитанія является не одна, а цѣлая серія книгъ, трактующихъ животныхъ, напримѣръ одна серія относительно собаки, кошки, льва, бензаны, лошади, змѣи, другая относительно нѣсколькихъ породъ птицъ, рыбъ и насѣкомыхъ, и еще одна или 2 дюжины такихъ, которыхъ сейчасъ совсѣмъ нѣть, трактующихъ о гнѣздахъ, добываніи птицы, переселеніи, животныхъ семьяхъ, домахъ и колоніяхъ, прирученіи, воспитаніи; прибавимъ сюда нѣсколько образцовыхъ рассказовъ и басенъ, народныя легенды, литературу, миѳы и поэзію, болѣе иллюстрированную и проявлѣнную духомъ человѣка, съ любовью къ окружающей природѣ. Даѣтъ можно говорить о животныхъ извѣстныхъ въ исторії, привести нѣкоторыя полезныя стороны, но не слизшо много, и еще меньше техническихъ подробностей, руководствуясь въ этомъ планомъ, по которому выше описаны собака и кошка. Для юношвика, имѣющаго нѣкоторое отношеніе къ интересамъ дѣтей и юношества, не нужно обладать быстрымъ воображеніемъ Фаэтона, чтобы сдѣлать въ будущемъ возникновеніе новаго типа литературы, которая спасетъ раннее преподаваніе зоологии отъ современаго упадка, которая для моральныхъ, гуманитарныхъ, а также научныхъ цѣлей пользуетъ заись естественного влечения, грозящаго изсякнуть. Я очень радъ, что все же знаютъ нѣсколькихъ лицъ, способныхъ создать такую книгу, но они не профессора и не учителя высшихъ биологическихъ школъ, ибо послѣдніе потеряли связь съ природой и запрограммированы дѣтей и юношества, и считаютъ духъ книги „Жизнь животныхъ“ тѣмъ устарѣлымъ и иенаучнымъ.

Наконецъ, принимая все это во вниманіе, нельзя прийти къ другому заключенію, какъ къ тому что проблема обѣхъ обученій изучаетъ

въ первыя десять лѣтъ вообще разрѣшима. Городская жизнь благоприятствуетъ изученію людей, физики и, можетъ быть, химіи, но настолько отодвигаетъ ребенка отъ неба и живой природы, что печально видѣть, какъ познанія ея становятся неопределеными и книжными даже для городского питомца. Біологія, давшая намъ теорію эволюціи, можетъ быть, менѣе всего знаетъ о необходимости генетической педагогики, которая лишь медленно разовьется до зреаго логического состоянія, и только завершивъ свою задачу, вмѣшается въ ея положенія. Насколько неразработана до сихъ поръ теорія развитія, видно по тому факту, что она не принимаетъ свой собственный, очевидный и важный урокъ въ качествѣ воспитательного метода, хотя въ этомъ для нея заключается наиболѣе благодарное поле дѣятельности. Если эта наука будетъ знать исторію жизни такъ же хорошо, какъ морфологію, она будетъ владѣть материаломъ дальнѣйшаго правильнаго движенія. Мы уже перестали калѣчить тѣло ребенка и все болѣе и болѣе узнаемъ его законы, но мы все еще останавливаемъ въ развитіи и уродуемъ душу юношества, преждевременно втискивая ее въ форму, приоровленную для взрослаго ума. Вместо идеала муравья, пчелы или осы, которые въ совершенствѣ знаютъ и дѣлаютъ какую-либо мелочь, мы должны (хотя бы мы въ нѣкоторыхъ пунктахъ и не поднимались выше поверхностной попытки) выработать общія положенія, идеи, истинную вселенную и переходить отъ общаго къ частному, а не наоборотъ; любовь къ природѣ всегда расцвѣтаетъ въ душѣ юноши, но полурасцвѣтившіяся почки насилино раскрываются или хирѣютъ, и разочарованіе слишкомъ часто оставляетъ душѣ только горсть жалкихъ, сухихъ фразъ, столь тощихъ и несоответствующихъ, какъ слова поэта, въ средѣ людей, далеко отошедшихъ отъ поэзіи. Истинная научная педагогика въ широкомъ смыслѣ только разовьется въ дальнѣйшемъ. Искусство, литература и, можетъ быть, особенно религія нуждаются въ обновленіи, и я не былъ бы оптимистомъ по отношенію къ воспитанію если бы не ожидалъ этого безъ всякой тѣни сомнѣнія.

Harnack говоритъ: «какъ часто въ исторіи теология была только средствомъ для того, чтобы отстранить религію». Точно также правильно и то, что наука часто преподается такимъ путемъ, что разрушаетъ любовь какъ разъ къ тѣмъ областямъ естествознанія, по отношенію къ которымъ она должна была бы развить склонность. Для того, чтобы выйти на правильный путь, необходимо ввести эволюцію какъ сознательный методъ, принять ее за цѣль и сосредоточить на ней всѣ начинанія. Наслѣдственность, варіированіе, повтореніе, естественный и искусственный отборъ въ борьбѣ за существование, паразитизмъ и ретрогressія, исторія развитія, очерки палеонтологіи и т. д. — вотъ практическія, конкретныя темы для высшей школы. Помимо того вѣтъ координирующего момента, иѣть такого культурнаго рычага, ничего не является столь воспитательнымъ, необходимымъ и, я полагаю, неизбѣжнымъ. Не слѣдовало бы ограничивать эволюцію біологическими рамками, которая всегда является неясными и недостаточными даже для юношескаго ума, только что начавшаго реально мыслить. Лучшее вступленіе къ изученію природы для юношества заключаетъ въ себѣ міровая туманная пятна, современные и древніе міры, круговое движение охлаждающихъ массъ, обиженіе орбитъ и системъ, геоло-

гические слои, прогрессъ жизни, происхождение человѣка, его примитивный образъ жизни, мысль и чувство, какъ этому учать антропологи; развитіе искусствъ, промышленности, общественной жизни, культуры; эпохи развитія науки и ея великихъ героевъ, и, наконецъ, медленный прогрессъ морали, религіи и ихъ установлений. Это міровоззрѣніе есть величайшая заслуга современного человѣчества. Она даетъ болѣе твердое основаніе всѣмъ цѣнистамъ и истинамъ, изъ-за которыхъ человѣкъ боролся и умиралъ въ прошлые вѣка, ничего не отбрасываетъ, богато возвращаетъ все цѣниое, что считалось рискованнымъ; всѣмъ кто мудро и хорошо занимается ею, даетъ міссіонерское воодушевленіе для труда и воспаменяетъ сердце и мысли юношей. Ея не-бывалая сила педагогической ініціативы въполномъ своемъ объемѣ до сихъ поръ не использована. Она является новой воспитательной благовѣстью, только что открытой, и еще не провозглашенной. При соотвѣтственномъ своему значенію преподаваніи, она революціонизировала бы не только научное образованіе, но и всѣ другія области. Естественный энтузіазмъ, вызванный примѣненіемъ въ свою пользу міровыхъ силъ является ничтожнымъ по сравненію съ тѣмъ чувствомъ, когда удается установить великій законъ или опредѣлить для большой группы фактовъ истинное мѣсто въ исторіи развитія міра. Изъ всѣхъ педагогическихъ проблемъ со временемъ Возрожденія самое значительное и безотлагательное теперь выпало на нашу долю, именно, вызвать въ дѣйствіе эти скрытыя воспитательныя возможности, что Форель называетъ слѣдующимъ шагомъ къ увеличенію способности человѣка къ совершенствованію.

Христіанство не только зависить отъ естественной религіи, но и сознаеть, что оно подчинено ей болѣе или менѣе сознательными путями. Чувства на которыхъ зиждется высшая религія, воспитываются въ дѣяхъ лучше всего по высшимъ объектамъ природы. Естественная религія никогда играла, и ей суждено въ новой формѣ играть опять великую роль въ интеллектуальной области религіознаго воспитанія. Такъ, напримѣръ, было выяснено, что вечернее богослуженіе, производимое въ лѣтнее время на открытомъ воздухѣ, производитъ глубокое впечатлѣніе, благодаря доступу природныхъ вліяній. Благоговѣйное поклоненіе на холмѣ или горѣ, на берегу, па морѣ, подъ высокими деревьями, въ торжественныхъ лѣсахъ или изобилующихъ цветами садахъ, среди осенней природы, при лунномъ сияніи, въ полночь, на разсвѣтѣ, въ полнолуїнѣ, при шумѣ вѣтра или потоковъ, при жужжаніи насѣкомыхъ, при пѣніи птицъ, при пастушеской обстановкѣ—становится болѣе чистымъ и захватывающимъ для этихъ языческихъ вліяній, берущихъ свое начало отъ природной музыки, чѣмъ это можетъ быть въ наполненныхъ церквяхъ, на людныхъ городскихъ улицахъ, при непонятныхъ или заученныхъ словахъ литургіи, проповѣди или Писанія. Здѣсь опять, такъ называемый, «прогрессъ» слишкомъ рѣзко покончилъ съ прошлымъ и позабылъ психогенезисъ религіи, которая такимъ образомъ сдѣлалась анемичной, поверхностной и формальной. Это такая же старая ошибка, какъ если бы мы ампутировали хвостъ головастика, вмѣсто того, чтобы дать ему возможность естественного развитія, для того чтобы развивающаяся ноги сдѣлали бы возможными высшую форму жизни изъ земли.